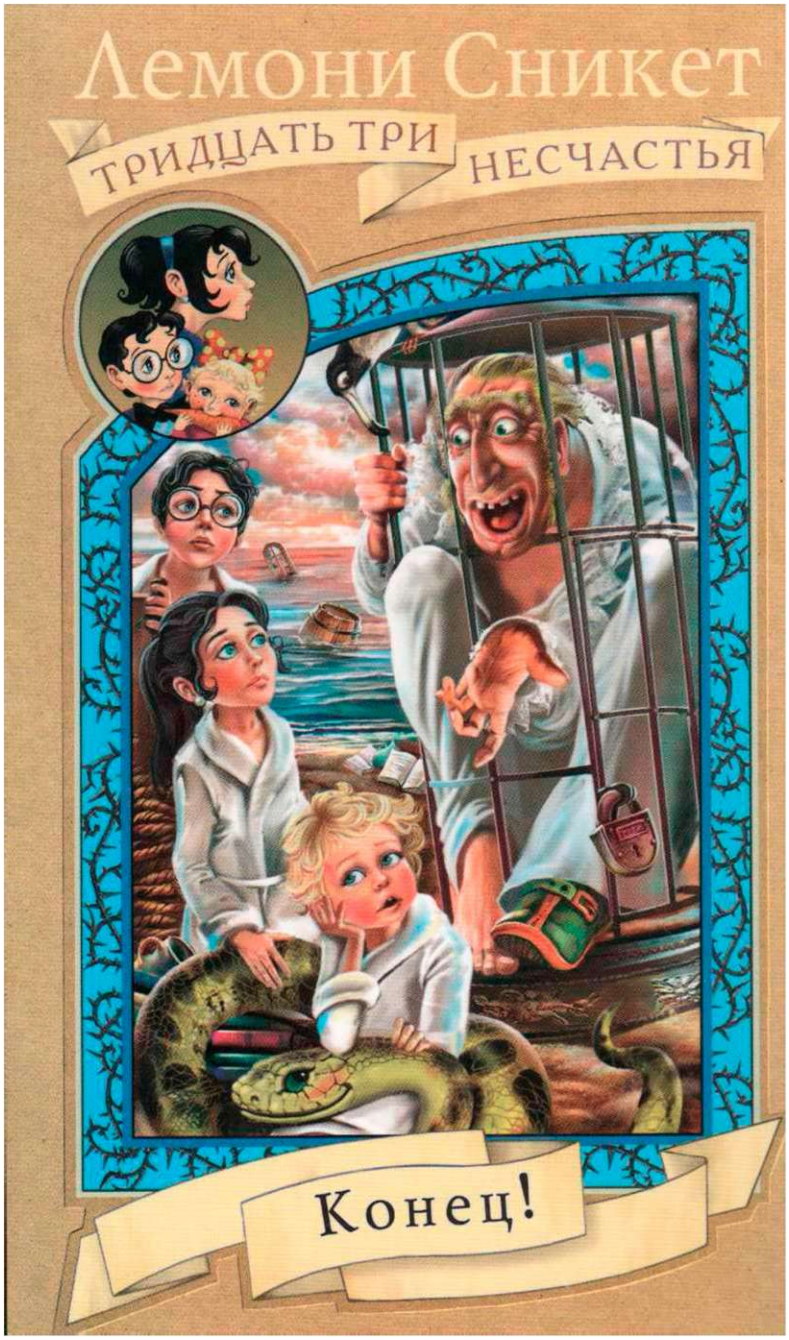

Лемони Сникет
ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ
Конец!

В серии вышли:

СКВЕРНОЕ НАЧАЛО

ЗМЕИНЫЙ ЗАЛ

ОГРОМНОЕ ОКНО

ЗЛОВЕЩАЯ ЛЕСОПИЛКА

ИЗУВЕРСКИЙ ИНТЕРНАТ

ЛИПОВЫЙ ЛИФТ

ГАДКИЙ ГОРОДИШКО

КОШМАРНАЯ КЛИНИКА

КРОВОЖАДНЫЙ КАРНАВАЛ

СКОЛЬЗКИЙ СКЛОН

УГРЮМЫЙ ГРОТ

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕДРЯГА

Лемони Сникет

ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ

КОНЕЦ

А

Санкт-Петербург
Издательский Дом "Азбука-классика"
2007

УДК 82- 9.1
НБК 84.7 США
С 53

Lemony Snicket. The End
Copyright © 2006 by Lemony Snicket
All rights reserved

Опубликовано по соглашению
с HarperCollins *Children's* Books,
отделением HarperCollins Publishers, Inc.

Перевод с английского
Наталии Рахмановой

Оформление Дмитрия Тимохина

Иллюстрация на обложке Натальи Коробейниковой

Дизайн серии Вадима Пожидаева

Обработка иллюстраций Антона Васильева

© Н. Рахманова, перевод, 2007
©Издательский Дом «Азбука-классика»,
2007

ISBN 978-5-91181-623-0

Посвящается Беатрис

Я нежно любил — я тебя потерял,
И мир превратился в кошмар.

Если вам когда-нибудь в жизни приходилось чистить луковицу, то вы знаете, что за первым тонким как бумага слоем следует еще один тонкий как бумага слой, а за ним еще один и еще, и не успеете вы опомниться, как сотни луковичных слоев покроют кухонный стол, а глаза у вас наполнятся слезами, и вы пожалеете, что вообще взялись чистить луковицу, а не оставили ее в покое — пусть бы себе засыхала на полке в кладовой, а вы бы жили себе спокойно дальше, даже если бы не

пришлось больше наслаждаться непростым и ошеломляющим вкусом этого своеобразного едкого овоща.

Сходным образом история бодлеровских сирот напоминает луковицу, и если вы непременно хотите прочитать каждую

бумажную страничку повествования «Тридцать три несчастья», в награду библиотека ваша наполнится ста семьюдесятью главами сплошных невзгод, а глаза — бессчетным количеством слез. Даже если вы уже прочли предыдущие двенадцать книг с бодлеровской историей, пока еще не поздно прекратить снимать слои и поставить эту книгу на полку — пусть пылится себе, пока вы читаете что-то менее непростое и ошеломляющее. Конец этой несчастливой хроники будет таким же скверным, как ее начало, ибо за каждым несчастьем обнаруживается еще одно, и еще, и еще. И только те, кто способен переварить эту своеобразную едкую историю, могут вгрызаться дальше в бодлеровскую луковицу. Мне неприятно говорить вам об этом, но что есть, то есть.

Бодлеровские сироты, плывущие по широкому пустынному морю в лодке размером с большую кровать, но далеко не столь удобной, были бы счастливы увидеть скачущую по волнам луковицу. Повстречайся им

этот овощ, Вайолет, старшая из Бодлеров, завязала бы себе волосы повыше, чтобы не лезли в глаза, и вмиг изобрела бы приспособление, чтобы выловить луковицу из воды. Клаус, средний Бодлер и единственный в троице мальчик, припомнил бы какие-то полезные сведения из тысячи прочитанных им книг и определил бы, к какому виду луковых относится данная луковица и съедобна ли она. А Солнышко, едва вышедшая из младенческого возраста, накрошила бы луковицу на мелкие кусочки своими на редкость острыми зубами и, пустив в ход новоприобретенные кулинарные таланты, обратила бы простую луковицу во что-то вполне съедобное. Старшие Бодлеры так и представляли себе, как сестра провозглашает: «Ободан», что заменяло у нее слова «обед подан».

Однако троица не увидела луковицы. По правде говоря, дети вообще мало что видели во время своего плавания по океану, которое началось, когда Бодлеры столкнули огромную деревянную лодку с крыши отеля «Развязка», спасаясь от пожара, охва-

тившего все здание, а также от властей, которые хотели арестовать детей за поджог и убийство. Ветер и отлив быстро отнесли лодку прочь, и к закату отель и все прочие городские здания превратились в неясную дымку на горизонте. Сейчас, на следующее утро, Бодлеры наблюдали лишь спокойную, неподвижную морскую гладь да мрачное, серое небо. Погода напомнила детям тот день на Брайни-Бич, когда они узнали о гибели родителей и родного дома от страшного пожара, поэтому они долго плыли в молчании, думая о том ужасном дне и всех последующих ужасных днях. Сидеть вот так, в плывущей лодке, и размышлять о своей жизни действовало бы почти умиротворяюще, не будь с ними неприятного спутника.

Имя спутника было Граф Олаф, и находиться в компании этого страшного субъекта с тех самых пор, как они осиротели, а он сделался их опекуном, составляло несчастье их жизни. Олаф задумывал интригу за интригой с целью заграбастать своими грязными лапами огромное наследство,

доставшееся Бодлерам от родителей. И хотя всякий раз планы его срывались, и некая доля его злодейской сущности, казалось, отчасти передалась им, и теперь Олаф и Бодлеры очутились, как говорится, в одной лодке. Все они были в ответе за целый ряд преступлений. Только если сирот совесть заставляла из-за этого страдать, то Граф Олаф последние дни только и делал, что хвалился своими преступлениями.

— Я одержал победу! — зарядил Олаф, что здесь означает «повторял без конца». Он с гордым видом стоял на носу лодки, прислонившись к деревянной фигуре — осьминогу, нападающему на человека в скафандре, — служившей носовым украшением. — Вы небось воображали, сироты, что от

меня можно сбежать? Нет, теперь уж вам из моих рук не вырваться.

— Да, Олаф, — вяло отозвалась Вайолет.

Старшая из Бодлеров не стала указывать, что, поскольку они одни посреди океана, можно с таким же успехом сказать, что Олафу не вырваться из их рук. Она вздохнула и взглянула вверх на высокую мачту, на поникший в неподвижном воздухе истрепанный парус. Некоторое время Вайолет пыталась изобрести какой-нибудь способ заставить лодку двигаться при полном безветрии, но единственными имеющимися здесь орудиями были деревянные лопатки из солярия с крыши отеля «Развязка», которые сначала дети использовали вместо весел. Но грести — дело весьма нелегкое, особенно когда твои спутники, вместо того чтобы помочь, заняты исключительно похвальбой. Поэтому Вайолет и пыталась сообразить, как бы ускорить продвижение лодки.

— Вы, небось, воображаете, сироты, что от меня можно сбежать?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

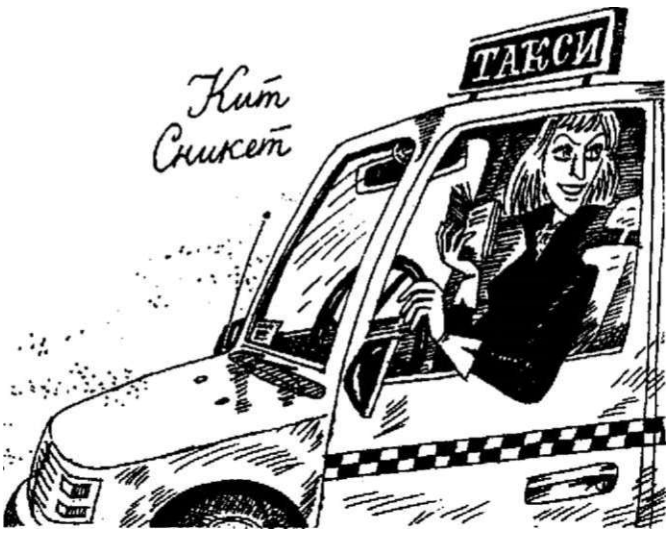
— Я сжег отель «Развязка»! — кричал Олаф, картинно жестикулируя. — Я уничтожил Г. П. В. раз и навсегда!

— Уже слыхали, — пробормотал Клаус, не подымая глаз от блокнота.

Он довольно давно вел подробные записи в темно-синей записной книжке, где в том числе упоминалось, что не Олаф, а именно Бодлеры сожгли отель «Развязка». Г. П. В. — тайная организация, о которой Бодлеры слышали в продолжение всех своих приключений, и, насколько средний Бодлер знал, она не была уничтожена, во всяком случае не вся, хотя немало агентов Г. П. В. находилось в отеле, когда он загорелся. В данный момент Клаус перечитывал свои записи о Г. П. В. и о расколе — грандиозной борьбе, вовлекшей в себя всех членов организации и имеющей какое-то отношение к сахарнице. Средний Бодлер не знал, что содержалось в сахарнице, не знал он также точного местонахождения одного из храбрых агентов Г. П. В. — женщины по имени Кит Сникет. Дети встретились с ней лишь однажды,

перед тем как она сама пустилась в плавание с намерением встретиться с тройняшками Квегмайрами — друзьями Бодлеров, с которыми Бодлеры не видались довольно давно и которые путешествовали в автономном летучем доме. Клаус надеялся, что записи, если поизучать их подольше, помогут ему определить, где те сейчас находятся.

— Наконец наследство Бодлеров мое! — не унимался Граф Олаф. — Наконец-то я несметно богат, а значит, все должны делать, что я велю!



ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Бобы! — выпалила Солнышко.

Младшая Бодлер уже не была младенцем, но по-прежнему выражала мысли на свой лад и под словом «бобы» разумела что-то вроде «Граф Олаф мелет полную чушь», ибо бодлеровского наследства тут, в громадной деревянной лодке, не было, следовательно, оно и не принадлежало никому. Но в то же время, говоря «бобы», Солнышко имела в виду также и натуральные бобы. Среди немногих вещей, найденных детьми в лодке, был большой глиняный сосуд с резиновой крышкой, подсунутый под одну из скамеек. Сосуд был весь в густой пыли и выглядел очень старым, но крышка оставалась невредимой, то есть кувшин не вскрывали, стало быть, пища внутри оставалась съедобной. Солнышко обрадовалась кувшину, поскольку другой еды на борту лодки не было, однако ей поневоле подумалось, что лучше бы там содержалось что-то другое, а не простые белые бобы. Из белых бобов можно приготовить целый ряд вкуснейших блюд. Бодлеры-родители, например, часто делали холодный салат из

белых бобов, помидорчиков-черри и свежего базилика; все это они смешивали и заправляли лимонным соком, оливковым маслом и кайенским перцем, — восхитительная еда в жаркий день. Но без таких ингредиентов Солнышку удалось бы накормить своих товарищей по плаванию лишь мягкой белой массой, что дало бы им возможность не умереть с голоду, но уж никак не могло бы явиться предметом гордости для юной поварихи. Пока Граф Олаф продолжал хвастаться, младшая Бодлер заглядывала в кувшин, прикидывая, что бы такое состряпать поинтереснее из этих бобов, не имея под рукой никаких других продуктов.

— Пожалуй, прежде всего я куплю себе новенький автомобиль! — заявил Граф Олаф. — Что-нибудь такое с мощным мотором, чтобы превышать положенную скорость, и со сверхтолстым бампером, чтобы без вреда для себя врезаться в другие машины! Я на-

зову автомобиль своим именем, чтобы, услышав визг тормозов, люди говорили: «Это Граф Олаф едет!» Сироты, берите курс на ближайший салон шикарных автомобилей!

Бодлеры переглянулись. Как вы наверняка догадываетесь, посредине океана вряд ли найдешь автомобильный салон, хотя я и слыхал про одного продавца двухколесных колясок, называемых рикшами, чья лавка находилась глубоко под водой в Каспийском море. Путешествовать с кем-то, кто беспрерывно чего-то требует, да еще чего-то абсолютно невозможного, очень утомительно. Дети почувствовали, что не могут дольше держать язык за зубами, что в данном случае равносильно выражению «удержаться от того, чтобы указать Олафу на глупость его требований».

— Мы не можем взять курс на автомобильный салон, — возразила Вайолет. — Мы ни на что не можем взять курс: ветра нет, а грести мы с Клаусом больше не в силах.

— Лень вас не извиняет, — зарычал Олаф. — Я тоже устал осуществлять свои

замыслы, но разве вы слыхали, чтобы я жаловался?

— Кроме того, — присоединился к сестре Клаус, — мы понятия не имеем, где находимся, поэтому понятия не имеем, куда направлять лодку.

— А я вот знаю, где мы. — Олаф издевательски фыркнул. — Мы посредине океана.

— Бобы, — буркнула Солнышко.

— Хватит с меня твоего безвкусного месива, — рявкнул Олаф. — Оно противнее того салата, который готовили твои родители! В общем и целом, сироты, вы — худшие из всех моих бывших приспешников.

— Мы вовсе не приспешники! — возмутилась Вайолет. — Мы случайно оказались вашими попутчиками!

— Вы, кажется, забываете, кто тут капитан! — Граф Олаф стукнул костяшкой грязного пальца по статуе, украшавшей нос лодки. Другой рукой он покрутил ружьем — страшным оружием, в котором оставался последний острый гарпун, и

Олаф мог воспользоваться им для очередного злодейства. — Не будете делать, что велю, я разобью шлем — и тогда вы обречены.

Бодлеры в смятении уставились на шлем. Внутри него скрывалось несколько спор медузообразного мицелия — страшного гриба, способного отравить любого, кто его вдохнет.

Совсем недавно Солнышко погибла бы от его смертоносного воздействия, если бы Бодлерам не удалось раздобыть порцию васаби — японской приправы, которая нейтрализовала действие яда.

— Вы не посмеете выпустить наружу медузообразный мицелий. — Клаус надеялся, что в голосе его звучит уверенность, которой на самом деле он не испытывал. — Вы немедленно отравитесь вместе с нами.

— Эквивалента флотилла,— сурово произнесла Солнышко.

— Наша сестра права, — подтвердила Вайолет. — Мы в одной лодке, Олаф. В море мертвый штиль, в какую сторону плыть — неизвестно, пища на исходе. По

правде говоря, не зная направления, не имея возможности управлять, без запаса свежей воды мы скорее всего погибнем уже через несколько дней. Вы бы лучше помогли нам, чем нами помыкать.

Граф Олаф злобно взглянул на старшую из Бодлеров. Но потом с важным видом отошел в дальний конец лодки.

— Вы, трое, ищите выход из положения, — заявил он, — а я займусь заменой таблички с названием лодки. Я больше не желаю, чтобы мое судно называлось «Кармелита ».

Бодлеры заглянули за борт и впервые увидели прикрепленную прочной клейкой лентой к корме табличку. На ней, нацарапанное корявыми буквами, стояло слово «Кармелита». Очевидно, имелась в виду Кармелита Спатс, мерзкая девчонка, с которой впервые Бодлеры столкнулись в отвратительной школе, где были вынуждены учиться, и которую позднее, можно сказать, удочерили Граф Олаф и его подруга Эсме Скволор, и которую Олаф бросил в отеле. Граф Олаф отложил гарпунное

ружье и принялся отдирать скотч своими грязнейшими ногтями, после чего под дощечкой обнаружилась другая — с другим названием. Хотя бодлеровских сирот и не интересовало название лодки, ставшей для них сейчас домом, они порадовались, что негодяй хоть чем-то занялся и они могут наконец недолго поговорить друг с другом.

— Что бы нам такое сделать? — шепнула Вайолет. — Как ты думаешь, Солнышко, может, сумеешь наловить нам рыбы?

Младшая покачала головой.

— Нет наживки, — ответила она. — Нет сети. Глубоководное ныряние?

— Не думаю, — отозвался Клаус. — Тебе не стоит нырять без соответствующего снаряжения. Могут встретиться какие угодно зловредные существа.

Бодлеры поежились, вспомнив об одном таком, встреченном ими во время пребывания на подводной лодке «Квиквег». Собственно, дети видели лишь извилистую фигуру на экране радара, похожую на вопросительный знак, но капитан подводной

лодки объяснил им, что это нечто пострашнее самого Олафа.

— Клаус прав, — согласилась Вайолет. — Не надо тебе нырять. Клаус, нет ли у тебя чего-нибудь такого в записях, что поможет нам отыскать кого-нибудь из наших?

Клаус закрыл книжку и покачал головой.

— Боюсь, что нет. Кит говорила, что собирается наладить связь с капитаном Уиддершинсом и встретиться с ним у определенного пучка водорослей. Но даже если бы мы знали, у какого именно, нам вре равно не добраться туда без навигационных инструментов.

— Пожалуй, я бы сумела сделать компас, — проговорила Вайолет. — Требуется только кусочек намагниченного металла и коротенькая ось. Но, может, нам не следует присоединяться к другим волонтерам. В конце концов, мы причинили им массу неприятностей.

— Это верно, — согласился Клаус. — Не исключено, что они вовсе не обрадуют-

ся нам. Особенно если мы появимся вместе с Графом Олафом.

Солнышко бросила взгляд на негодяя, все еще возившегося с дощечкой.

— Если не... — сказала она.

Вайолет и Клаус обменялись нервными взглядами.

— Что «если не»? — задала вопрос Вайолет.

Солнышко на мгновение замолчала и оглядела свою форму посыльного, оставшуюся со времен работы в отеле.

— Столкнуть Олафа за борт, — прошептала она.

Старшая сестра чуть не вскрикнула, и не только от самих слов Солнышка, но и от того, с какой легкостью представила себе этот коварный поступок. Вытолкнув Графа Олафа за борт, Бодлеры могли бы плыть дальше одни, без его вмешательств, без угроз выпустить медузообразный мицелий. Не надо было бы делиться с ним остатками бобов, а если бы они добрались до Кит Сникет и до Квегмайров, то не привели бы с собой Олафа. Молча, с тревогой

они повернули головы в сторону кормы, где, перегнувшись за борт, Олаф сдирал табличку.

Все трое Бодлеров с легкостью представляли себе, как просто было бы толкнуть его посильнее, чтобы негодяй потерял равновесие и бухнулся в воду.

— Олаф без всяких колебаний столкнул бы в воду нас, — прошептала Вайолет так тихо, что младшие едва расслышали ее слова. — Мы ему нужны, чтобы управлять лодкой, а то бы он давно это сделал.

— Г. П. В. тоже, наверное, не задумались бы, — добавил Клаус.

— Родители? — вопросительно произнесла Солнышко.

Бодлеры снова обменялись встревоженными взглядами. Недавно дети узнали еще об одном таинственном факте из жизни родителей, из их туманного прошлого. Связанный с ними слух касался какой-то коробки с отравленными дротиками. Вайолет, Клаус и Солнышко, подобно всем детям, хотели бы верить

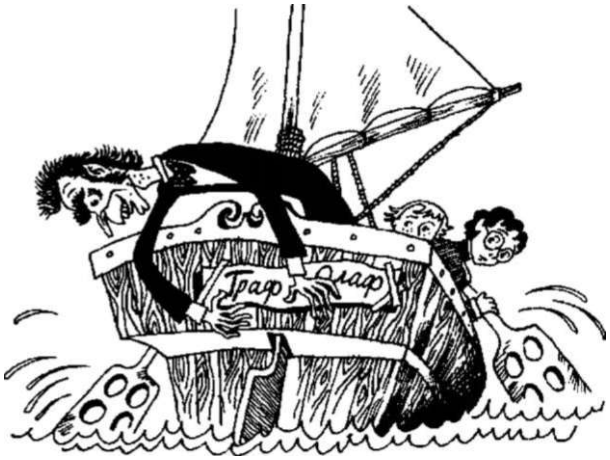
только хорошему о своих родителях, но время шло, и у них появлялось все больше сомнений на этот счет. Сиротам не хватало компаса, но не того, который упоминала Вайолет. Она имела в виду навигационный компас, который помогает определить нужное направление во время плавания по океану. Но Бодлерам-то требовался нравственный компас, а он заключен в каждом человеке, в его мозгу или в сердце, и он подсказывает, как правильно поступить в том или ином случае. Навигационный компас, как известно любому умелому изобретателю, состоит из кусочка намагниченного металла и коротенькой оси, но устройство нравственного компаса представляется не столь ясным. Одни считают, что нравственный компас дан человеку от рождения, как аппендикс или отвращение к червям. Другие считают, что нравственный компас развивается со временем, по мере того как человек узнает о поведении других людей в результате собственного жизненного опыта или чтения книг. Как бы то ни было, нравственный компас — прибор тонкий, и по мере

того как люди взрослеют и отваживаются встретиться лицом к лицу с окружающим миром, им часто становится все труднее и труднее понять, куда направлена стрелка нравственного компаса, и все тяжелее определить, как поступить правильно в том или ином случае. Когда Бодлеры впервые встретились с Графом Олафом, их нравственный компас ни за что бы не посоветовал избавиться от этого ужасного субъекта, вытолкнув его из собственной башни или переехав Олафа его собственным автомобилем. Но теперь, стоя в «Кармелите», сироты колебались, решая, как поступить с этим негодяем, который перегнулся через борт и наклонился настолько низко, что легкий толчок мог бы отправить его в водяную могилу.

Однако вышло так, что Вайолет, Клаусу и Солнышку не пришлось принимать решение, ибо в этот момент, как и много раз в жизни Бодлеров, решение было принято за них: Граф Олаф выпрямился и торжествующе ухмыльнулся.

— Я — гений! — провозгласил он. — Я разрешил все наши проблемы! Глядите!

Негодяй ткнул назад большим толстым пальцем, и Бодлеры, заглянув за борт, увидели, что надпись «Кармелита» исчезла, а на ее месте появилась табличка с надписью «Граф Олаф», тоже прикрепленная клейкой лентой к еще одной табличке под ней.



— Переименование лодки не решает ни одной нашей проблемы, — устало проговорила Вайолет.

— Вайолет права, — поддержал сестру Клаус. — Мы по-прежнему не знаем места

назначения, и у нас нет способа навигации и нет провианта.

— Если не... — добавила Солнышко, но граф Олаф прервал ее, захихикав с хитрым видом.

— Какие же вы все тупицы, — сказал он. — Поглядите на горизонт, олухи, видите, что приближается! Ни места назначения, ни способа навигации нам не нужно — мы поплывем туда, куда нас понесет! Пресной воды мы скоро получим больше, чем выпили бы за всю жизнь!

Бодлеры устремили взгляд вдаль и увидели, что имеет в виду Олаф. По небу, растекаясь, точно чернила по ценному документу, надвигалась громада черных туч. Среди океана всегда может налететь свирепый шторм, а этот шторм обещал быть особенно свирепым — свирепее, чем ураган Герман, который еще не так давно угрожал жизни Бодлеров во время плавания по озеру Лакримозе и окончился трагедией. Дети уже могли разглядеть вдали тонкие четкие полосы дождя, а в тучах там и сям вспыхивала яростная молния.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Ну разве не красота? — Жалкие космы Графа Олафа уже трепал нарастающий ветер. Приближающийся гром уже заглушал злодейский смех негодяя. — Буря станет ответом на ваше нытье!

— Шторм может разломать лодку. — Вайолет нервно взглянула вверх, на рваный парус. — Лодка таких размеров не рассчитана на сильный шторм.

— Невозможно представить, куда он нас унесет, — сказал Клаус. — Мы можем оказаться еще дальше от цивилизации.

— Все за бортом, — проговорила Солнышко.

Граф Олаф снова посмотрел вперед и заулыбался навстречу шторму, как будто ждал в гости старого приятеля.

— Да, бывает и так. — Он злобно ухмыльнулся. — Ну и что вы собираетесь предпринять, сироты?

Бодлеры посмотрели в ту же сторону. Трудно было поверить, что всего несколько минут назад горизонт был чист: сейчас ветер гнал громадную черную массу дождя прямо на них, она неумолимо приближалась,

– Пресной воды мы скоро получим больше, чем выпили бы за всю жизнь!
ГРАФ ОЛАФ

закрывая все небо. Вайолет, Клаус и Солнышко ничего не могли предпринять. Изобретательский ум, записи исследователя и удивительные кулинарные таланты не могли справиться с тем, что на них надвигалось. Штормовые тучи развертывались все шире и шире, точно разворачивающиеся луковые слои или как зловещая тайна, которая становится все более и более загадочной. Какое бы решение ни подсказывал им сейчас нравственный компас, бодлеровские сироты понимали, что правильное решение в этой ситуации одно: не делать ничего в ту минуту, когда на них, находящихся с негодяем в одной лодке, обрушился ураган.

Бесполезно было бы описывать, насколько ужасно чувствовали себя Вайолет, Клаус и даже Солнышко в последующие часы. Многих, кто перенес шторм в открытом море, переживание это так потрясло, что они не желают об этом рассказывать. Поэтому если писателю понадобилось описать шторм на море, единственный способ Познания для него — стоять в большой деревянной лодке с записной книжкой и пером в руках, приготовившись записывать, если вдруг разразится буря. Мне-то уже

довелось стоять в большой деревянной лодке с записной книжкой и пером наготове на случай, если вдруг разразится буря, и, когда шторм окончился, переживание оказалось настолько сильным, что я никогда о нем не рассказывал. Поэтому бесполезно было бы описывать силу ветра, разорвавшего паруса в клочья, точно они были бумажные, и закрутившего лодку волчком, как крутится конькобежец, желая блеснуть мастерством. Невозможно дать представление о том, какое количество холодного дождя обрушилось на Бодлеров и промочило форму посыльных насквозь, так что она облепила их, как еще одна, мокрая ледяная кожа. Тщетно я стал бы изображать вспышки молний, с треском вылетевших из вихрящихся туч, ударивших в мачту и сбросивших ее в бурлящее море. Я бессилен передать оглушающий гром, стоявший в ушах у Бодлеров, и излишне рассказывать о том, как лодка начала зарываться то носом, то бортами в воду, отчего

все находившиеся в ней предметы попадали в океан: сперва банка с белыми бобами плюхнулась с громким всплеском, затем в бушующие волны полетели лопатки — и молния отразилась на их полированной поверхности. И наконец, взятые из прачечной отеля простыни, из которых Вайолет соорудила мягкий спуск для лодки, чтобы она не разбилась, когда падала с крыши солярия, погрузились в воду, колыхаясь, как медузы. Ни к чему отмечать все растущую высоту волн, которые сперва выдавались вверх как плавники акул, потом как палатки и, наконец, как ледники, и белые вершины их вздымались все выше и выше и наконец обрушивались на мокрую искалеченную лодку с чудовищным ревом, похожим на хохот неописуемо ужасного зверя. Напрасно и пытаться нарисовать, как сироты в страхе и отчаянии прижимались друг к другу, уверенные, что в любой момент волны подхватят их и швырнут в водяную могилу, и как Граф Олаф льнул к деревянной фигуре, вцепившись в гарпунное ружье, как будто это страшное оружие

и смертельно ядовитый гриб в водолазном шлеме были для него единственно дорогой вещью на свете. И нет ни малейшего смысла докладывать, как носовая фигура с оглушительным треском оторвалась от лодки, как Бодлеров швырнуло в одну сторону, а Олафа в другую, как дети ощутили сильнейший толчок, когда лодка перестала вдруг крутиться, и под содрогающимся деревянным днищем суденышка раздался пугающий скребущий звук, как будто разваливающиеся остатки лодки схватила снизу чья-то гигантская рука крепкой уверенной хваткой и цепко держала вместе с ней дрожащих сирот. Разумеется, Бодлерам уже не приходило в голову удивляться, что же такое стряслось, после того как они провели эти страшные часы в самом центре бури: они просто отползли в дальний угол лодки, прижались друг к другу, ошеломленные, не в состоянии даже плакать, и только слушали звуки беснующегося вокруг моря и дикие крики Графа Олафа и не знали, что думать — то ли его рвет на части яростный шторм, то ли он тоже, как

и они, обрел минимальную безопасность; и они никак не могли решить, какой судьбы они желают человеку, который навлек на них столько бед. Мне незачем описывать эту бурю, ибо это был всего лишь еще один луковичный слой в этой злосчастной истории. Тем более что к тому времени, как взошло солнце, вихри черных туч умчались, вокруг вымокших Бодлеров настала тишина и спокойствие, как будто ночные события были только кошмарным сном.

Дети неуверенно встали на ноги. Руки их затекли, оттого что всю ночь Бодлеры цеплялись друг за друга. Они пытались сообразить, где же они находятся и каким чудом уцелели. Но сколько бы они ни озирались, ответить на эти вопросы все равно не могли, так как подобного зрелища им еще не приходилось видеть.

Поначалу Бодлерам показалось, что они все еще посредине океана, поскольку со всех сторон расстилался лишь водный пейзаж, уходящий в серый утренний туман. Но, заглянув за борт полуразрушенной лодки, дети увидели, что глубина воды тут

не больше, чем в луже, и эта огромная лужа пестрит «остаточным материалом», другими словами — «всевозможными странными предметами». Из воды, точно неровные

зубы, торчали большие деревянные обломки, извивались длинные обрывки веревок, запутанные в мокрые узлы. Там были груды водорослей, тысячи рыб шевелились и таращили глаза на солнце, а из тумана пикировали сверху морские птицы, чтобы позавтракать морепродуктами. Попадались и останки чужих судов — якоря и иллюминаторы, поручни и мачты, разбросанные повсюду, точно ломаные игрушки, а также разные другие предметы, возможно составлявшие груз, как то: разбитые фонари, лопнувшие бочки, промокшие документы и рваные остатки всевозможной одежды, шляп и обуви — от цилиндров до роликовых коньков. Старомодная пишущая машинка привалилась к большой нарядной птичьей клетке, а между клавишами вились маленькие разноцветные рыбки гуппи. Лежала там большая медная пушка, и из жерла как раз вылезал краб внушительных размеров. Безнадежно рваная

сеть запуталась в лопастях пропеллера. Казалось, шторм смыл море прочь, обнажив дно и его содержимое.

— Что это за место? — Вайолет понизила голос. — Что произошло?

Клаус достал очки из кармана, куда положил их для сохранности, и с облегчением убедился, что они невредимы.

— Думаю, мы очутились на прибрежной отмели, — проговорил он. — В море попадаются такие места, где вдруг становится очень мелко, особенно вблизи суши. Должно быть, нашу лодку выбросило бурей на отмель вместе со всеми этими остатками кораблекрушений.

— Суша? — спросила Солнышко, прикладывая маленькую ладошку козырьком ко лбу, чтобы удобнее было вглядываться в даль. — Не вижу.

Клаус осторожно перешагнул через борт. Темная вода доходила ему только до колен, осторожными шагами он обошел лодку вокруг.

— Обычно прибрежные отмели бывают гораздо меньше, — заметил он. — Где-то

рядом должен быть остров. Давайте поищем.

Вайолет последовала за братом, неся Солнышко на руках — все-таки та была еще очень мала ростом.

— В какую, думаешь, сторону мы должны направиться? — спросила она. — Мы ведь не хотим заблудиться.

Солнышко слабо улыбнулась.

— Уже, — поправила она сестру.

— Солнышко права, — согласился Клаус. — Будь даже у нас компас, мы все равно не знаем, где мы или куда надо двигаться. Мы можем идти в любом направлении.

— Тогда я предлагаю идти на запад.— Вайолет показала в сторону, противоположную той, где поднималось солнце. — Если придется идти долго, пусть хотя бы солнце не бьет в глаза.

— А вдруг мы найдем солнцезащитные очки, оставшиеся от нашей форменной одежды, — предположил Клаус. — Их унес штормовой ветер, но они могли попасть на эту же отмель.

— Тут можно найти что угодно, — согласилась Вайолет.

И не успели Бодлеры сделать нескольких шагов, как увидели, что так оно и было: в мутной воде перед ними лежал распростертый на спине граф Олаф, а к плечу его было прислонено гарпунное ружье. Оба глаза под единственной бровью были закрыты, он не шевелился. За все время, что Бодлеры имели дело с Олафом, они ни разу не видели его в таком спокойном состоянии.

— Выходит, нам и не требовалось выталкивать его из лодки, — заметила Вайолет. — Это сделал за нас шторм.

Клаус нагнулся и внимательно вгляделся в Олафа — тот не пошевелился.

— Наверное, ужасно, — сказал он, — не имея никакого укрытия, выдержать бурю.

— Окачур? — спросила Солнышко, и в этот самый момент глаза Олафа открылись, и таким образом Солнышко получила ответ на свой вопрос.

Негодяй нахмурился, повел глазами в одну сторону, потом в другую.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Где я? — пробормотал он, выплевывая обрывок водоросли. — Где моя статуя?

— Прибрежная отмель,— ответила Солнышко.

Заслышав ее голос, Граф Олаф моргнул и сел, свирепо глядя на Бодлеров и вытряхивая воду из ушей.

— Сварите мне кофе, сироты! — приказал он. — У меня была очень неприятная ночь, сейчас мне требуется вкусный сытный завтрак, прежде чем я решу, что делать с вами.

— Никакого кофе тут нет, — отрезала Вайолет, хотя в двадцати шагах от них валялась кофеварка для эспрессо. — Мы идем на запад, думаем найти там остров.

— Вы пойдете, куда я вам прикажу, — прорычал Олаф. — Забыли, что я — капитан судна?!

— Лодка застряла в песке, — сказал Клаус. — Она вся разломалась.

— Все равно вы остаетесь моими приспешниками, — настаивал негодяй, — и я приказываю вам идти на запад, чтобы найти остров. Я слыхал, что в этих отдаленных

районах моря попадаются острова. Примитивные туземцы никогда не видали цивилизованных людей, так что, вероятно, они будут почитать меня как божество.

Бодлеры переглянулись и вздохнули. Слово «почитать» в данном случае означает «высоко ценить и испытывать глубокое уважение», однако у детей не было никого менее почитаемого, чем этот ужасный субъект, который стоял сейчас перед ними, ковыряя в зубах осколком раковины и обзывая обитателей незнакомых районов океана примитивными. И однако, куда бы ни попадали Бодлеры за время своих приключений, всюду находились люди, либо настолько жадные, что почитали и превозносили Олафа за его злодеяния, либо настолько глупые, что не замечали, как он в действительности ужасен. Детям после слов Олафа захотелось бросить его тут, на прибрежной отмели, но трудно бросить кого-то в месте и без того заброшенном. Поэтому трое сирот и все тот же негодяй молча побрели вместе к западу, по заваленной всяким мусором отмели, размышляя о том, что их ждет. Граф

Олаф шел впереди с гарпунным ружьем на плече и время от времени прерывал молчание требованием кофе, свежевыжатого сока и прочих столь же недоступных элементов завтрака. Вайолет шла за ним и, используя найденный ею сломанный поручень вместо трости, выковыривала торчащие из грязи интересные металлические обломки. Клаус шел рядом с сестрой и время от времени что-то записывал в блокнот. Солнышко же ехала на плечах у Вайолет, как своего рода наблюдатель, и именно она нарушила тишину торжествующим возгласом.

— Земля! — воскликнула она и указала вперед, в туман, где Бодлеры разглядели неясные очертания острова, вырастающего из отмели.

Он казался узким и длинным, как товарный поезд, а если прищуриться, то можно было увидеть купы деревьев и что-то вроде громадных белых простынь, колыхаемых ветром.

КОНЕЦ

— Я открыл остров! — Граф Олаф громко захохотал. — Я назову его Олафленд!

— Это не вы открыли остров, — возразила Вайолет. — Там явно живут люди.

— А я их король! — объявил Граф Олаф. — Торопитесь, сироты! Мои королевские подданные сейчас приготовят мне большой завтрак, и, если у меня будет хорошее настроение, я, может, и позволю вам вылизать тарелки!

Бодлеры не собирались вылизывать ничьих тарелок, они просто продолжали идти в сторону острова, маневрируя между выброшенными на поверхность отмели обломками крушений. Дети как раз обогнули фортепьяно, стоявшее в воде, точно свалившись туда прямо с неба, как вдруг заметили небольшую белую фигурку, бежавшую им навстречу.

— Что? — спросила Солнышко. — Кто?

— Возможно, кто-то еще спасся во время бури, — сказал Клаус. — Вряд ли наша лодка была единственной в этом участке океана.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Как ты думаешь, шторм настиг Кит Сникет? — спросила Вайолет.

— Или тройняшек? — спросила Солнышко.

Граф Олаф насупил бровь и положил перепачканный грязью палец на спусковой крючок гарпунного ружья.

— Пусть только появится Кит Сникет или кто-то из этих сопляков-сирот, — прорычал он, — немедленно застрелю. Я не позволю какому-то дурацкому волонтеру отнять у меня остров!

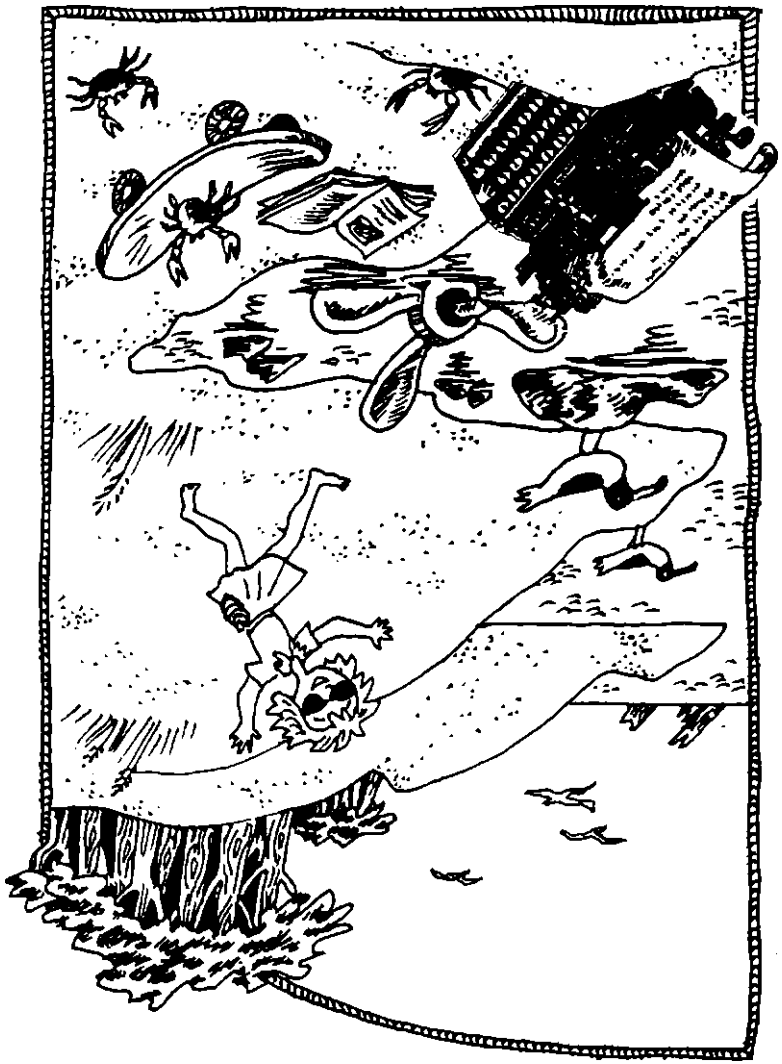
— Зачем же тратить последний гарпун, — быстро нашлась Вайолет. — Как знать, достанете ли вы взамен другой?

— Верно, — согласился Олаф. — А из тебя получается отличная приспешница.

— Чушь, — проворчала Солнышко и поглядела на Олафа, оскалив зубы.

— Сестра права, — поддержал ее Клаус. — Нелепо спорить о волонтерах и приспешниках, когда мы стоим на отмели посреди океана.

— Не будь так самоуверен, сирота, — возразил Олаф. — Не важно, где мы: для



такого, как я, всегда найдется место. — Он нагнулся к самому лицу Клауса и мерзко ухмыльнулся, как будто отпустил шутку. — Разве ты этого еще не уяснил?

Вопрос был неприятный, но Бодлеры не успели на него ответить, так как фигурка все приближалась, и дети наконец увидели, что это маленькая девочка лет шести-семи. Она была босая, в простом белом платье, таком чистом, что она явно не попала в бурю. На поясе у нее висела большая белая раковина, глаза закрывали темные очки, очень похожие на те, какие носили Бодлеры, будучи посыльными. Девочка улыбалась во весь рот, но, когда, запыхавшись, добежала до незнакомцев, вдруг застеснялась, да и сами Бодлеры, как ни терпелось им узнать, кто она такая, не нашлись что сказать. Даже Олаф молчал и просто любовался своим отражением в воде.

Если вы лишились дара речи, очутившись лицом к лицу с кем-то незнакомым, стоит припомнить кое-что, сказанное когда-то Бодлерам их мамой, а еще раньше — мне. Так и вижу, как она сидит на диван-

чике, стоявшем в углу спальни, застегивает одной рукой ремешки сандалий и, держа в другой руке яблоко и жуя его, советует мне не волноваться по поводу вечеринки, которая началась на первом этаже, под нами.

— Люди любят говорить о себе, мистер Сникет. — Она откусывала кусок за куском. — Если затрудняетесь, что сказать гостям, поинтересуйтесь, какой секретный код они предпочитают, или же выясните, за кем они сейчас шпионят.

Вайолет тоже буквально слышала голос мамы, глядя на маленькую девочку, и наконец решила спросить что-нибудь о ней самой.

— Как тебя зовут? — осведомилась она.

Девочка потрогала раковину, потом подняла глаза на старшую Бодлер.

— Пятница, — ответила она.

— Ты живешь тут, на острове, Пятница? — продолжала расспрашивать Вайолет.

— Да, я сегодня встала рано,. чтобы пойти за штормовой добычей.

— Штормовой добычей? — не поняла Солнышко, по-прежнему сидевшая на плечах у Вайолет.

— Каждый раз после шторма жители колонии собирают все подряд, что скопилось

на отмели, — объяснила Пятница. — Никогда ведь не знаешь, что пригодится. Вы потерпели крушение?

— Можно сказать и так, — ответила Вайолет. — Мы плыли на лодке, и нас застигла буря. Я — Вайолет Бодлер, это мой брат Клаус, а это наша сестра Солнышко. — Вайолет неохотно повернулась к Олафу, с недоверием взиравшему на незнакомую девочку. — А это...

— Я — твой король! — объявил Олаф с величественным видом. — Кланяйся, Пятница!

— Нет, спасибо, — вежливо ответила девочка. — Наша колония не монархия. Наверное, вы устали после бури, Бодлеры. С берега она показалась нам чудовищной, мы уж думали, что на этот раз уцелевших не останется. Не хотите ли пойти со мной? Вы сможете поесть.

— С большим удовольствием, — отозвался Клаус. — И часто сюда прибивает людей, потерпевших кораблекрушение?

— Время от времени. — Пятница слегка пожала плечами. — Впечатление такое,

будто к нашим берегам прибивает в конце концов все на свете.

— Ты хочешь сказать — к берегам Олафленда! — рявкнул Граф Олаф. — Я открыл остров, значит, я даю ему название.

Пятница с любопытством всмотрелась в Олафа из-за темных очков.

— Должно быть, у вас в голове путаница после перенесенной бури, — сказала она. — Люди тут, на острове, живут уже много, много лет.

— Примитивный народ, — фыркнул негодяй. — Даже домов нет.

— Мы живем в палатках. — Пятница показала на белые колышущиеся силуэты.— Нам надоело строить каждый раз дома заново — их все равно сносит в сезон штормов, — в остальное же время здесь очень жарко, а палатки продувает, й нас это устраивает.

— А я повторяю: вы — примитивный народ, — настаивал Олаф, — а примитивных людей я не желаю слушать.

— Я вас и не принуждаю, — возразила Пятница. — Пойдемте со мной, а там решите сами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Я не собираюсь с тобой идти, — отрезал Граф Олаф, — и мои приспешники тоже! Я — Граф Олаф, здесь я главный, а не какая-то дурацкая пигалица в платье!

— Оскорблять незачем, — отозвалась Пятница. — Остров — единственное место, куда тут можно пойти, Граф Олаф, поэтому кто главный — не имеет значения.

Граф Олаф бросил на девочку невообразимо свирепый взгляд и наставил на нее гарпунное ружье.

— Если ты сейчас же мне не поклонишься, я в тебя выстрелю!

Бодлеры охнули, но Пятница лишь нахмурилась.

— Через несколько минут сюда соберутся все обитатели острова за штормовой добычей. Какой бы жестокий поступок вы ни совершили, они это увидят и не пустят вас на остров. Отведите, пожалуйста, ваше оружие в сторону.

Граф Олаф открыл рот, словно собираясь что-то сказать, но тут же закрыл его и со сконфуженным видом опустил ружье,

что здесь означает «в замешательстве оттого, что слушается приказаний маленькой девочки ».

— Бодлеры, идите, пожалуйста, за мной, — сказала Пятница и повела их к видневшемуся вдали острову.

— А как же я? — спросил Олаф, и голос его прозвучал несколько визгливо, напомнив Бодлерам голоса других людей, которые боялись этого самого Олафа.

Такой же голос они слыхали у своих опекунов, например у мистера По, когда он сталкивался с негодяем лицом к лицу. Таким точно тоном говорили волонтеры, когда обсуждали злодеяния Олафа, и даже его собственные приспешники, когда жаловались друг другу на своего злобного босса. Таким же тоном говорили и сами Бодлеры бессчетное число раз, когда этот страшный человек угрожал им и сулил забрать в свои руки их наследство. Но дети никогда не думали, что услышат такой тон от самого Олафа.

— А как же я? — спросил он еще раз, но Бодлеры уже успели отойти на поря-

дочное расстояние от того места, где он стоял, и когда обернулись, то Олаф показался им просто одним из обломков, выброшенных бурей на прибрежную отмель.

— Останьтесь тут! — твердо сказала ему Пятница, и потерпевшие кораблекрушение дети подумали: а вдруг они наконец попали туда, где нет места Графу Олафу.

Как вам, не сомневаюсь, известно, в нашем загадочном и запутанном языке попадается много одинаковых слов, которые имеют абсолютно разные значения. Под словом «рысь», например, подразумевается хищное животное породы кошачьих. Скажем, в такой фразе: «Рысь приготовилась прыгнуть на нашу воспитательницу, которая ее не заметила, поскольку в этот момент мазала губы помадой». Но это же слово может иметь отношение к лошади и ее способу бега, и тогда слово «рысь» мо-

жет быть употреблено в значении манеры поведения в подобном случае, например: «Как жаль, что наша воспитательница продолжала красить губы, вместо того чтобы бежать рысью, спасаясь от рыси». Значения этих одинаковых слов абсолютно разные, но человек не очень внимательный может и запутаться.

Под словом «банка», например, имеется в виду сосуд из стекла, глины или металла, но оно также означает подводную отмель, мелкий стеклянный сосуд для оттягивания крови при болезни легких, а кроме того,

сиденье для гребцов в лодке. Поэтому сами понимаете, как легко запутаться, встретив следующую фразу: «Сойдя со своих банок, гребцы ступили на банку и оказались по колена в воде, в результате чего заболели воспалением легких, и им пришлось ставить банки». Бодлеровские сироты, следуя по прибрежной отмели за Пятницей в сторону острова, где она жила, столкнулись с двумя значениями слова «сердечный», которое в данном случае относилось как к приветливому, любезному человеку, так и к ранее им неизвестному некоему сладкому напитку, и чем больше они соприкасались с последним, тем меньше могли разобраться в первом.

— Не хотите ли сердечного из кокоса? — предложила Пятница сердечным тоном и взялась за раковину, висевшую у нее на шее. Тоненьким пальчиком она вынула пробку, и дети поняли, что раковина играет роль фляги. — Вам, наверно, хочется пить после пережитого шторма, — сказала она.

— Да, действительно, — подтвердила Вайолет, — но разве пресная вода не лучше утоляет жажду?

— На острове нет пресной воды, — ответила Пятница. — Для мытья мы используем водопады с соленой водой, в соленых заводях отлично купаться. Но пьем мы только кокосовое сердечное. Мы выливаем из кокосов молоко и подвергаем процессу ферментации.

— Фермент? — переспросила Солнышко.

— Пятница хочет сказать, что кокосовое молоко какое-то время настаивается и претерпевает химический процесс, в результате чего становится слаще и крепче, — объяснил Клаус, знавший про ферментацию из книги о виноградниках, имевшейся в родительской библиотеке.

— Сладость отобьет вкус шторма, — произнесла Пятница и протянула раковину Бодлерам.

Они отпили по очереди по глотку. Как и говорила девочка, напиток был сладким, но имел какой-то странный привкус и был таким крепким, что у них сразу закружилась

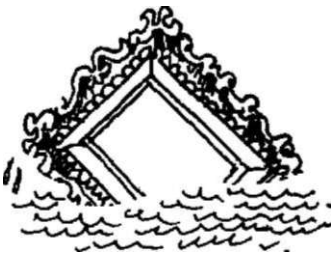
голова. Вайолет с Клаусом поморщились, когда в горло им потекла густая жидкость, а Солнышко после первой же капли закашлялась.

— Для нас крепковато, Пятница. — Вайолет отдала раковину обратно.

— Вы привыкнете, — улыбнулась девочка, — когда будете пить за каждой едой. Это один из наших обычаев.

— Понятно. — Клаус что-то записал в блокнот. — А какие у вас еще обычаи?

— Не очень много.— Пятница поглядела на его записную книжку, потом оглянулась вокруг, и Бодлеры заметили вдали фигуры других островитян, тоже одетых в белое. Они обходили всю отмель, тыча по дороге палкой в останки кораблекрушений. — Каждый раз после шторма мы собираем добычу и потом показываем все, что находим, человеку по имени Ишмаэль. Ишмаэль живет тут на острове дольше всех остальных. Какое-то время назад



он повредил себе ноги. Поэтому обмазывает их здешней глиной, которая обладает лечебными свойствами. Ишмаэль даже не может стоять, но он служит на острове рекомендателем.

— Реком? — спросила Солнышко у Клауса.

— Тот, кто помогает другим принимать решения, — объяснил брат.

Пятница кивнула.

— Ишмаэль решает, что из выброшенного на берег может пригодиться, а что увезут козы.

— На острове есть козы? — удивилась Вайолет.

— Много-много лет назад к острову прибило стадо диких коз, — ответила Пятница. — Они свободно бродят где хотят, кроме тех случаев, когда требуется отвезти лишние вещи в чащобу на другую сторону острова, вон на тот скат.

— Скат? — переспросила Солнышко.

— Это значит — крутой склон, — сказал Клаус, — а чащоба — место, где растут деревья.

— Вообще-то в чащобе растет всего одна громадная яблоня, — добавила Пятница. — Так я, по крайней мере, слыхала.

— Ты никогда не бывала на другой стороне острова? — опять удивилась Вайолет.

— Никто туда не ходит, — ответила Пятница.— Ишмаэль считает, что это слишком опасно из-за всего натащенного туда хлама. Никто даже не собирает горьких яблок с дерева, кроме как в День Принятия Решения.

— Праздник? — поинтересовалась Солнышко.

— Да, пожалуй, что-то вроде праздника. Один раз в году в этом районе моря наступает прилив и прибрежную отмель затапливает. Это единственный момент, когда от острова может отплыть лодка. Целый год мы строим огромную лодку типа каноэ, и в тот день, когда начинается прилив, мы устраиваем праздник и представление, каждый показывает что умеет, а потом тот, кто хочет покинуть колонию, дела-

ет так: откусывает кусок горького яблока и выплевывает его на землю, после чего садится в лодку и прощается со всеми остальными.

— Гадость, — пробормотала младшая Бодлер, представив себе кучу людей, плюющихся яблоками.

— Ничего не гадость. — Пятница нахмурила брови. — Это очень важный обычай в колонии.

— Я уверена, что он замечательный. — Вайолет бросила на сестру строгий взгляд, напоминая ей, что порицать чужие обычаи невежливо.

— Вот именно, — подтвердила Пятница. — Конечно, редко кто покидает остров. С давних пор, еще до того, как я родилась, в сущности, не уплыл ни один человек. Так что каждый год мы просто поджигаем лодку и сталкиваем в море. Горящая лодка, медленно исчезающая на горизонте, — чудесное зрелище.

— Да, наверное, это чудесно, — проговорил Клаус, про себя подумав, что звучит это скорее жутко. — Но по-моему, жалко

попусту каждый год строить каноэ только для того, чтобы сжечь.

— Зато у нас есть занятие. — Пятница пожала плечами. — Кроме строительства лодки у нас на острове не особенно много занятий. Мы ловим рыбу, готовим пищу, стираем, но все равно остается много свободного времени.

— Стряпня? — с надеждой спросила Солнышко.

— Сестра у нас что-то вроде повара, — сказал Клаус. — Она наверняка будет рада помочь с готовкой.

Пятница улыбнулась и сунула руки в глубокие карманы платья.

— Буду иметь в виду, — отозвалась она. — Вы уверены, что не хотите еще глоточек сердечного?

Все трое Бодлеров покачали головами.

— Нет, спасибо, — ответила Вайолет, — но все равно ты очень любезна.

— Ишмаэль говорит, что со всеми людьми надо обращаться любезно, — сказала Пятница, — если только люди не проявляют нелюбезности. Поэтому я и не взяла с собой на остров этого отвратительного Графа Олафа. Вы путешествовали вместе с ним?

Бодлеры переглянулись, не зная, как ответить на этот вопрос. С одной стороны, Пятница была очень сердечна, но, так же как и сердечное, которым она их угостила, в ее описании жизни на острове помимо сладости проскальзывало что-то другое. Обычаи в колонии показались детям очень суровыми, и хотя они испытывали облегчение, избавившись от общества Графа Олафа, бросить его на отмели было как-то

жестоко. Правда, сам он не задумываясь поступил бы так же с сиротами, если бы представилась такая возможность. Вайолет, Клаус и Солнышко не знали, как поведет себя Пятница, если они признаются, что приплыли вместе с негодяем, поэтому ответили не сразу. Но тут средний Бодлер вспомнил одно выражение из книжки про очень, очень вежливых людей.

— Это как посмотреть, — ответил он фразой, которая звучит как ответ, но не имеет ни малейшего смысла.

Пятница бросила на Клауса пытливый взгляд, но в этот момент прибрежная отмель кончилась, и все они уже стояли на краю острова. Берег перед ними постепенно поднимался, песок был такой белый, что белое платье Пятницы почти сливалось с ним, наверху на склоне лежала лодка, сплетенная из тростника и ветвей деревьев, и выглядела она почти законченной, а стало быть, очевидно, близился День Принятия Решения. За лодкой высилась огромная белая палатка, длиной со школьный автобус. Бодлеры вошли вслед за Пятни-

цей внутрь палатки и, к своему удивлению, увидели, что там полно коз, которые дремали, лежа на земле. Козы были привязаны друг к другу толстой лохматой веревкой, а над ними возвышался старик. Он улыбался Бодлерам сквозь бороду, густую и нечесаную, точно шерсть на этих козах, восседая на громадном кресле, сделанном из белой глины, а перед ним, там, где должны были находиться его ноги, поднимались еще два невысоких глиняных столбика. На нем было такое же одеяние, как на Пятнице, и такая же раковина висела у него на поясе, и таким же сердечным, как у Пятницы, голосом он обратился с улыбкой к Бодлерам.

— Кто тут у нас? — спросил он.

— Я нашла троих уцелевших на прибрежной отмели, — с гордостью сообщила Пятница.

— Добро пожаловать, уцелевшие, — произнес Ишмаэль. — Простите, что не встаю, — ноги у меня сегодня совсем разболелись, вот я и лечу их нашей целебной глиной. Очень приятно познакомиться.

— И нам приятно познакомиться с вами, Ишмаэль, — отозвалась Вайолет, подумавшая при этом, что эта целебная глина обладает весьма сомнительной медицинской эффективностью — фраза, означающая в данном случае «вряд ли вылечивает больные ноги».

— Называйте меня Иш. — Ишмаэль нагнулся и почесал голову одной из коз. — А вас как мне называть?

— Вайолет, Клаус и Солнышко Бодлер, — вмешалась Пятница, не дав детям представиться самим.

— Бодлеры? — повторил Ишмаэль и поднял брови. Некоторое время он молча рассматривал детей, делая при этом большой глоток сердечного. Улыбка на миг сошла с его лица, но тут же он приветливо улыбнулся, глядя на них сверху вниз. — К нам давно не прибывало новых островитян. Добро пожаловать, живите здесь, сколько пожелаете, если, конечно, не будете проявлять нелюбезность.

— Спасибо, — ответил Клаус, стараясь говорить как можно любезнее. — Пятница

нам кое-что рассказала про остров. Нам все показалось очень интересным.

— Это как посмотреть, — отозвался Ишмаэль. — Если вам и захочется покинуть остров, то такой случай представляется только один раз в году. А пока, Пятница, не отведешь ли их в палатку, чтобы они переоделись. У нас как раз появились новые шерстяные одеяния, они вам вполне подойдут.

— Мы будем вам очень признательны, — сказала Вайолет. — Наша форменная одежда промокла насквозь во время шторма.

— Надо думать. — Ишмаэль покрутил прядку бороды. — По нашему обычаю мы носим только белое — под цвет здешнего песка, целебной глины и шерсти диких коз. Пятница, я удивлен, что ты решила нарушить традицию.

Пятница покраснела и поднесла руку к темным очкам, закрывающим ее глаза.

— Я нашла их среди обломков на берегу. Солнце так слепит, вот я и подумала, что очки будут кстати.

— Не стану тебя принуждать, — спокойно произнес Ишмаэль, — но мне думается, ты могла бы соблюдать наши обычаи в одежде и не щеголять в чужом глазном наряде.

— Ты прав, Ишмаэль, — тихо проговорила Пятница и одной рукой сняла очки, а другую быстро сунула в глубокий карман платья.

— Так-то лучше, — одобрил Ишмаэль и улыбнулся Бодлерам. — Надеюсь, вам понравится жизнь у нас на острове. Мы все оказались здесь в результате той или иной бури и, вместо того чтобы возвратиться в наш прежний мир, создали колонию, оградив ее от людского коварства.

— С ними был один коварный человек, — с энтузиазмом подхватила Пятница своим тоненьким голоском. — Его зовут Граф Олаф. Он вел себя так отвратительно, что я не взяла его с собой.

— Олаф? — переспросил Ишмаэль, и опять брови его поднялись. — Он ваш друг?

— Дудки, — выпалила Солнышко.

— Нет, не друг, — поспешила объяснить Вайолет. — По правде говоря, мы очень давно пытаемся спастись от него.

— Он — ужасный человек, — добавил Клаус.

— Одна лодка, — проронила Солнышко.

— Хм, — задумчиво произнес Ишмаэль. — Это вся история, Бодлеры?

Дети переглянулись. Конечно, те несколько коротких фраз, которые они произнесли, не были всей историей. История Бодлеров и Графа Олафа была намного, намного сложнее, и если бы дети рассказали ее всю, Ишмаэль, возможно, плакал бы так, что растопил бы вокруг себя всю глину, и не на чем стало бы сидеть и нечем мазать ноги. Бодлеры могли бы поведать рекомендателю обо всех интригах Графа Олафа — начиная от жестокого убийства Дяди Монти до предательства в отношении мадам Аулу на Карнавале Калигари. Они могли бы описать все его переодевания — от фальшивой

деревянной ноги в роли Капитана Шэма до кроссовок и тюрбана в роли Учителя Чингиза. Они могли бы рассказать Ишмаэлю про множество сотоварищей Олафа, начиная с его подруги Эсме Скволор и кончая двумя женщинами с напудренными лицами, которые исчезли в Мертвых Горах. Могли бы они рассказать и про все неразрешимые тайны, которые до сих пор не давали Бодлерам спать по ночам, — начиная с исчезновения капитана Уиддершинса из подводной лодки и кончая загадочным таксистом, подъехавшим к ним около отеля «Развязка». И уж конечно, они могли поведать Ишмаэлю о том кошмарном дне на Брэайни-Бич, когда они впервые узнали о гибели ро-

Капитан Шэм

Учитель Чингиз

дителей. Но если бы Бодлерывзялись рассказывать Ишмаэлю всю историю целиком, им пришлось бы упомянуть и о событиях, которые выставляли бы их самих в невыгодном свете, что здесь означает «перечислить поступки, не уступающие по коварству олафовским». Им пришлось бы упомянуть о собственных интригах, начиная с выкапывания ловушки для Эсме и кончая устройством пожара, который сжег дотла отель «Развязка». Им пришлось бы перечислить собственные переодевания, когда Солнышко притворялась Волчонком Чабо, а Вайолет и Клаус притворялись Снежными Скаутами; пришлось бы перечислять своих знакомых, начиная с судьи Штраус, оказавшейся более полезной, чем

представлялось вначале, и кончая Фионой, оказавшейся более коварной, чем они вначале думали. Если бы Бодлеры рассказали Ишмаэлю всю историю целиком, они бы выглядели такими же злодеями, как Граф Олаф. Но детям не хотелось снова оказаться на прибрежной отмели среди обломков, выброшенных бурей. Им хотелось уберечься от коварства и зла, пусть даже обычаи здешней колонии и пришлись им не по вкусу. Поэтому вместо того, чтобы рассказать Ишмаэлю всю историю целиком, Бодлеры кивнули и ответили на его вопрос самой безопасной фразой, какая им пришла в голову.

— Это как посмотреть, — ответила Вайолет, и младшие кивком подтвердили ее слова.

— Хорошо, — сказал Ишмаэль. — Идите наденьте белые одеяния, а когда переоденетесь, отдайте всю прежнюю одежду Пятнице, ее отправят в чащобу.

— Абсолютно всю? — спросил Клаус.

— Таков обычай, — подтвердил Ишмаэль.

— Окулаклаус, — пробормотала Солнышко, и брат и сестра быстро объяснили, что она имеет в виду что-то вроде «а как быть с очками Клауса?».

— Без них он почти не может читать, — добавила Вайолет.

Ишмаэль снова поднял брови.

— Так ведь здесь нет библиотеки, — сказал он торопливо и нервно взглянул на Пятницу. — Ну, пожалуй, очки могут пригодиться. А теперь поторопитесь, разве только вы не прочь выпить еще глоток сердечного.

— Нет, спасибо, — отозвался Клаус, подумав про себя — сколько еще раз ему

и сестрам предложат этот странный сладкий напиток. — Мы с сестрами уже пробовали его, и он нам не очень понравился.

— Не стану вас принуждать, — опять повторил Ишмаэль, — но со временем ваше первоначальное мнение о чем бы то ни было может измениться. До скорого свидания, Бодлеры.

Он слегка махнул им рукой, а Бодлеры помахали ему, выходя из палатки вслед за Пятницей, которая повела их вверх по склону, где на утреннем ветру колыхались палатки.

— Выбирайте любую, — сказала Пятница. — Мы переходим из одной палатки в другую каждый день — все, кроме Ишмаэля, он не может этого делать из-за больных ног.

— Разве это удобно — каждую ночь спать в другом месте? — усомнилась Вайолет.

— Это как посмотреть. — Пятница сделала глоток из раковины. — Я никогда подругому и не спала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ты всю жизнь прожила на этом острове? — спросил Клаус.

— Да. Мои родители, когда мама была беременна, отправились в путешествие по океану и попали в страшный шторм. Отца проглотил ламантин[1], а маму вынесло на берег. *Я* родилась уже здесь. Вы ее скоро увидите. А сейчас побыстрее переоденьтесь.

— Легко, — заверила ее Солнышко, и Пятница, вынув руку из кармана, пожала ей руку.

Бодлеры вошли в ближайшую палатку, где в углу лежали сложенные стопкой белые одеяния. Дети моментально переоделись, радуясь, что могут сбросить форму посыльных, промокшую и пропитавшуюся соленой морской водой. Однако, кончив переодеваться, они вдруг застыли на месте и уставились на груду мокрой одежды. Бодлерам стало не по себе в новом наряде паломников, что в данном случае означает «в теплых, но не красящих их одеждах, привычных для

[1]Ламантин — крупное водное млекопитающее, немного похожее на моржа.

людей, которых они почти не знали». Казалось, трое детей отбросили прочь все, что происходило с ними до того, как они оказались на острове. Одежда, разумеется, не составляла всей истории Бодлеров, ибо одежда вообще никогда не составляет всей истории любого человека, за исключением разве Эсме Скволор, чья злодейская и модная одежда демонстрировала степень ее злодейства и модности. Но сейчас Бодлеры остро ощутили, что отбрасывают всю прежнюю жизнь ради новой жизни на острове с весьма странными обычаями.

— Я не выброшу ленту, — сказала Вайолет, пропуская между пальцами мягкую полоску ткани. — Все равно я буду изобретать, что бы ни говорил Ишмаэль.

— А я не брошу блокнот, — сказал Клаус, показывая темно-синюю записную книжку. — Все равно я буду заниматься исследованиями, хотя тут и нет библиотеки.

— Не бросать, — заявила Солнышко и показала сестре с братом небольшой металлический предмет. Один конец у него представлял собой простую ручку, как раз под-

ходящую по размеру для Солнышкиной ладошки, а другой разветвлялся на несколько крепких проволочек, переплетенных между собой в пучок.

— Что это? — спросила Вайолет.

— Мутовка, — ответила Солнышко, и была права.

Мутовка — предмет кухонной утвари, с помощью которого быстро смешивают разные ингредиенты. И младшая Бодлер обрадовалась, получив в свое распоряжение такую полезную вещь.

— Да, — сказал Клаус, — я помню, как отец пользовался такой же штукой, когда готовил яичницу-болтунью. А откуда она у тебя?

— Девочка Пятница, — ответила Солнышко.

— Она знает, что Солнышко умеет стряпать, — добавила Вайолет, — но, наверно, боялась, что Ишмаэль заставит ее выбросить мутовку.

— Похоже, она не так уж жаждет выполнять все обычаи в колонии, — заметил Клаус.

— Вродебы, — согласилась Солнышко и опустила мутовку в глубокий карман белого платья.

Клаус поступил так же с записной книжкой, а Вайолет — с лентой, и все трое постояли минутку, разделяя ощущение общей тайны. Таить секреты от людей, которые так любезно их приняли, было не менее странно, чем таить от Ишмаэля часть своей истории. Тайны, касающиеся ленты, записной книжки и мутовки, казались детям как бы утопленными на дне их карманов. Слово «утопленные» заменяет здесь «спрятанные», и оно обычно применимо к предметам, находящимся глубоко под водой, например к субмарине, погруженной в море, или носовой фигуре, погруженной в песок прибрежной отмели. С каждым шагом Бодлеры, подвигаясь к выходу из палатки, все больше ощущали, как их утопленные тайны шевелятся у них в карманах.

Слово «ферментация», подобно словам «рысь», «банка» й «сердечный», имеет два совершенно разных значения. Одно — это химический процесс брожения, в результа--

те которого сок определенных фруктов становится слаще и крепче, как и объяснил своим сестрам Клаус еще на прибрежной отмели. Другое же значение относится к чему-то, что зреет у кого-то внутри, подобно тайне, которую в конце концов раскрывают, или же замыслу, который долгое время вынашивают. Когда трое Бодлеров вышли из палатки и вручили Пятнице то, что осталось от их прежней жизни, они ощущали, как созревают тайны внутри них, и задавались вопросом — какие еще тайны и замыслы остаются пока скрытыми. Сироты спускались следом за Пятницей вниз по песчаному покатому склону и раздумывали о том, что же еще зреет на этом странном острове, который стал их домом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

К тому времени как бодлеровские сироты вернулись к палатке Ишмаэля, кабак был набит битком, как сказали бы в молодежной тусовке, что здесь означает — «в палатке было полно островитян в белых одеяниях, причем все они держали в руках собранную на прибрежной отмели добычу». Козы больше не спали, они стояли неподвижно двумя длинными рядами, а связывающие их вместе веревки тянулись к большим деревянным саням — неожиданный вид транспорта для такого

теплого климата. Пятница провела детей сквозь толпу колонистов и коз, все посторонились, с любопытством рассматривая новеньких. Хотя Бодлеров выбросило на берег в результате кораблекрушения впервые, они привыкли попадать в незнакомые сообщества еще со времен Профрукской подготовительной школы, а потом Города Почитателей Ворон, однако им по-прежнему не нравилось, когда их разглядывают в упор. Но такова уж одна из странных житейских истин: никому, в сущности, не нравится, когда их разглядывают в упор, и в то же время никто не в силах удержаться от разглядывания других. Поэтому, подходя к Ишмаэлю, по-прежнему восседающему на громадном глиняном кресле, Бодлеры то и дело оглядывались на островитян с не меньшим любопытством, недоумевая, каким образом столько народу выбросило бурей на один и тот же остров. Получалось, что мир полон людей, столь же несчастливых, что и Бодлеры, и все они в конце концов попадают именно сюда.

Пятница подвела Бодлеров к подножию кресла, рекомендатель улыбнулся им, и они сели у его ног, обмазанных глиной.

— Белые одежды очень идут вам, Бодлеры, — сказал он. — Значительно больше, чем та форма, которая была на вас прежде. Из вас выйдут чудесные колонисты, я в этом уверен.

— Пирронизм?[1] — вопросительным тоном заметила Солнышко. Что приблизительно значило — «как вы можете быть уверены, если судите лишь по нашей одежде? ».

Но Вайолет почла за благо не переводить, так как вспомнила, что в колонии ценят любезность. Поэтому она решила сказать что-нибудь любезное.

— Не могу выразить, как мы ценим все это, — сказала Вайолет, стараясь не опереться на глиняные холмики, которые скрывали ноги Ишмаэля. — Мы не пред-

[1] **По учению древнегреческого философа Пиррона, человек ничего не может знать о вещах, поэтому следует воздержаться от суждений о них.**

ставляли себе, что будет с нами после того, как шторм утихнет. Мы благодарим вас, Ишмаэль, за то, что приняли нас.

— Здесь принимают всех, — ответил Ишмаэль, забыв, очевидно, что Графа Олафа отвергли. — И пожалуйста, зовите меня Иш. Хотите сердечного?

— Нет, спасибо, — отозвался Клаус (он не мог заставить себя звать рекомендателя уменьшительным именем). — Нам хотелось бы познакомиться с остальными колонистами, если позволите.

— Разумеется, — ответил Ишмаэль и похлопал в ладоши, требуя внимания. — Островитяне! — крикнул он. — Как вы, не сомневаюсь, заметили, у нас появилось трое новых спасшихся. Вайолет, Клаус и Солнышко — единственные, кто уцелел после вчерашнего шторма. Не стану вас принуждать, но раз уж вы все равно пришли ко мне за советом насчет штормовой добычи, почему бы вам заодно не представиться новым поселенцам?

— Отличная мысль, Ишмаэль! — сказал кто-то стоявший ближе к выходу.

— Называйте меня Иш. — Ишмаэль погладил бороду. — Итак, кто первый?

— Вероятно, я, — отозвался славного вида мужчина, который держал в руках что-то похожее на большой металлический цветок. — Приятно с вами познакомиться. Меня зовут Алонсо. Я нашел пропеллер от аэроплана. Должно быть, бедняга пилот угодил прямо в шторм.

— Какая жалость,— заметил Ишмаэль. — Что ж, аэропланов на острове нет, значит, пропеллер вряд ли пригодится.

— Простите, — робко вмешалась Вайолет, — я немного разбираюсь в механизмах. Если мы приделаем пропеллер к мотору, приводимому в движение вручную, то получим настоящий вентилятор, он будет создавать прохладу в особенно жаркие дни.

Среди присутствующих послышался одобрительный гул, и Алонсо улыбнулся Вайолет.

— Здесь и в самом деле бывает здорово жарко, — сказал он. — Идея неплохая.

Ишмаэль хлебнул из раковины и нахмурился, глядя на пропеллер.

— Это как посмотреть, — возразил он. — Если сделать один вентилятор, начнутся споры — на кого его направить.

— Можно делать это по очереди, — предложил Алонсо.

— И чья очередь наступит в самый жаркий день? — парировал Ишмаэль, и глагол этот в данном случае означал «сказал твердым разумным тоном», хотя не обязательно его высказывание было разумным. — Не стану тебя принуждать, Алонсо, но я не думаю, что вентилятор стоит всех проблем, которые могут из-за него возникнуть.

— Пожалуй, вы правы. — Алонсо пожал плечами и положил пропеллер на деревянные сани. — Пускай козы везут его в чащобу.

— Превосходное решение, — одобрил Ишмаэль, и вперед выступила девочка старше Вайолет года на два.

— Я — Ариель. Я нашла вот это там, где отмель едва прикрыта водой. Думаю, это кинжал.

— Кинжал? — повторил Ишмаэль. — Ты же знаешь, оружие на острове не приветствуется.

Клаус присмотрелся к предмету, который держала Ариель: он выглядел скорее деревянным, чем металлическим.

— По-моему, это не кинжал, — сказал он.— Это скорее нож для разрезания страниц в книгах. В наше время книги продаются с уже разрезанными страницами, но еще недавно каждая страница соединялась со следующей, так что читающему приходилось разрезать бумагу специальным инструментом.

— Интересно, — заметила Ариель.

— Это как посмотреть, — проговорил Ишмаэль. — Не представляю, для чего нам здесь этот предмет. К берегу нашего острова не прибило еще ни одной книги — бури просто-напросто рвут книги в клочья.

Клаус сунул руку в карман и дотронулся до спрятанной там записной книжки.

— Никогда не знаешь, не подвернется ли вдруг книга, — заметил он. — Мне кажется, это орудие стоило бы сохранить.

Ишмаэль вздохнул и посмотрел сперва на Клауса, потом на девочку.

— Что ж, я не намерен тебя принуждать, Ариель, — заключил он, — но на твоем месте я бы бросил эту дурацкую вещь в сани.

— Я убеждена, что вы правы, — отозвалась Ариель. Она кинула на Клауса извиняющийся взгляд и положила деревянный нож на сани рядом с пропеллером, а вперед вышел толстенький человек с загорелым лицом.

— Фамилия — Шерман, — сказал он и слегка поклонился в сторону Бодлеров. — А я нашел терку для сыра. Чуть пальца не лишился, пока отбирал ее у крабов!

— Ну и незачем было стараться, — проговорил Ишмаэль. — Терка для сыра не слишком нужна, когда нет сыра.

— Тереть кокос, — вставила Солнышко. — Очень вкусный торт.

— Торт? — подхватил Шерман. — Черт возьми! Вот было бы вкусно! С тех пор как я здесь, у нас десертов не бывало.

— Сердечное из кокоса слаще десерта. — Ишмаэль поднес к губам раковину. — Я, разумеется, не стану вас принуждать, Шерман, но считаю, что лучше будет терку выбросить.

Шерман сделал глоток из своей раковины, а затем, не поднимая глаз, кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

И утренняя процедура продолжалась в том же духе. Островитяне один за другим представлялись Бодлерам, а затем предъявляли найденные вещи, и почти каждый раз рекомендатель убеждал их не оставлять себе тот или иной предмет. Бородатый мужчина по имени Робинзон откопал рабочую одежду, но Ишмаэль напомнил ему, что в колонии носят исключительно белые одеяния, хотя Вайолет с легкостью представила себя в комбинезоне за работой над изобретением какого-нибудь механизма, чтобы не испачкать белого платья. Старая женщина по имени Едгин[1] принесла пару лыж, которые Ишмаэль отверг как практически неприменимые, хотя Клаусу приходилось читать о

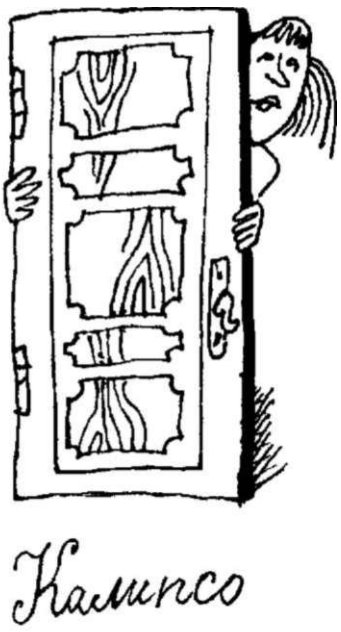
[1] Анаграмма слова «нигде», название сатирического романа Сэмюэла Батлера, английского писателя XIX века.

людях, которые с помощью лыж перебирались через грязь и пески. А рыжеволосая женщина по имени Уэйден представила сушилку для салата, но Ишмаэль напомнил ей, что салаты на острове готовятся только из морских водорослей, которые сперва споласкивают в соленой заводи, а потом сушат на солнце, а не вращают, хотя Солнышко прямо-таки ощутила во рту вкус кокоса, высушенного с помощью данного приспособления. Некий Фердинанд предъявил медную пушечку, которую Ишмаэль отверг, опасаясь, что она может кого-нибудь ранить или убить. Ларсен притащил газонокосилку, однако

Ишмаэль напомнил ему, что пляжу не требуется регулярная стрижка. Мальчик приблизительно возраста Клауса представился как Омерос и показал найденную колоду игральных карт, но Ишмаэль убедил его,

что колода карт может повлечь за собой карточные игры, и мальчик бросил свою находку в сани. Так же поступила и девочка по имени Финн, нашедшая пишущую машинку, — Ишмаэль забраковал машинку как бесполезную по причине отсутствия

бумаги. Некий Брустер нашел оконную раму, стекло, по счастью, не разбилось во время шторма. Однако, по словам Ишмаэля, для того, чтобы любоваться видами острова, никакого окна не нужно. А Калипсо

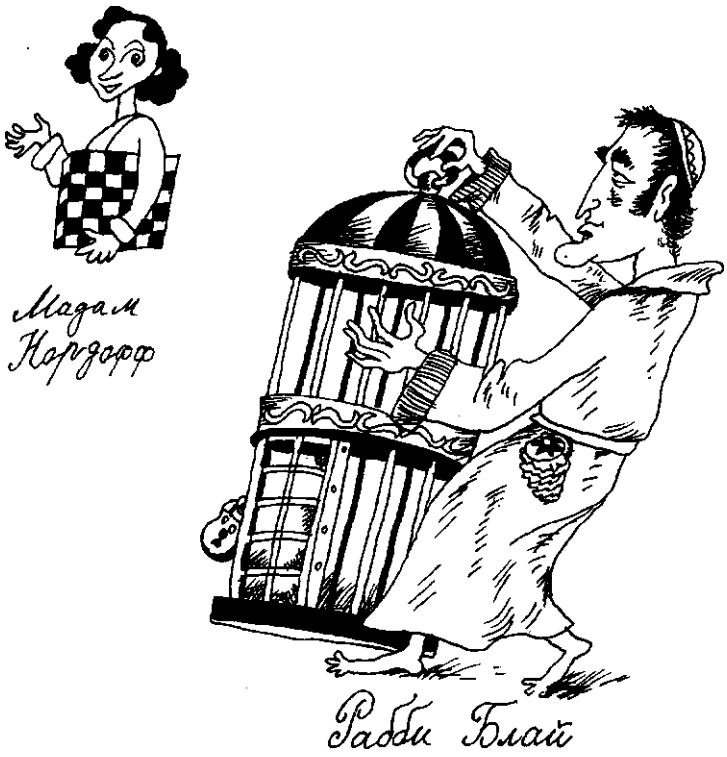


нашла дверь, однако рекомендатель дал понять, что ее не приделать ни к одной палатке. Байэму, обладателю невероятно закрученных усов, пришлось выбросить несколько электрических батареек. А Уилла, обладательница необычайно большой головы, решила расстаться с садовым шлангом, облепленным ракушками. Мистер Питкерн отправил в чащобу верхнюю часть комода, и его примеру последовала мисс

КОНЕЦ

Марлоу, бросив в сани днище от бочки. Доктор Куртц выбросил серебряный поднос, профессор Флетчер выкинул люстру, а мадам Нордофф лишила островитян доски для игры в шашки. Раббби Блай согласился, что на острове не нужна большая нарядная птичья клетка. Единственное, что в конце концов оставили себе колонисты, — это несколько сетей для ловли рыбы для

пополнения уже имеющегося у них запаса, а также несколько одеял, так как Ишмаэль счел, что, разложенные на солнце, они рано или поздно выцветут и станут белыми. Под конец брат и сестра по имени Джоуна и Сейди Беллами предъявили лодку, на



которой приплыли Бодлеры. Статуя на носу по-прежнему отсутствовала, а на корме по-прежнему красовалась табличка с названием «Граф Олаф». Поскольку со строительством лодки к Дню Принятия Решения было почти покончено, подростки Беллами без обсуждения взвалили лодку на сани. Козы с унылым видом потащили сани из палатки наружу и вверх по склону на дальний конец острова, чтобы свалить содержимое в чащобу. А островитяне по совету Ишмаэля удалились мыть руки перед ланчем. За какие-то минуты в палатке остались только Ишмаэль, Бодлеры и девочка, которая привела их сюда. Бодлерам показалось, что они тоже попали в число остатков кораблекрушения, предъявленных для одобрения.

— Недурной шторм, не правда ли? — произнес Ишмаэль после недолгого молчания.— Накопали хлама больше, чем обычно.

— Нашлись ли еще какие-нибудь уцелевшие? — поинтересовалась Вайолет.

— Ты имеешь в виду Графа Олафа? — спросил Ишмаэль. — После того как Пят-

ница не взяла его с собой, сам он не посмеет сюда явиться. Он либо бродит по прибрежной отмели, либо пытается доплыть туда, откуда явился.

Бодлеры переглянулись: они-то прекрасно сознавали, что Граф Олаф скорее всего вынашивает новый план, тем более что ни один островитянин не нашел деревянной фигуры с лодки, а в ней-то и таились смертоносные споры медузообразного мицелия.

— Мы имели в виду не только Олафа, — вмешался Клаус. — Наши друзья тоже могли попасть в шторм: беременная женщина по имени Кит Сникет, которая находилась в подводной лодке с несколькими коллегами, и еще небольшая группа наших друзей, которые путешествовали по воздуху.

Ишмаэль нахмурился и сделал несколько глотков из раковины.

— Нет, такие люди не обнаружены. Но не отчаивайтесь, Бодлеры. Похоже, что к нашим берегам в конце концов прибивает все. Возможно, их суда не пострадали во время бури.

— Возможно, — согласилась Солнышко, стараясь не думать о том, что некоторым могло и не повезти.

— Они могут появиться на днях, — продолжал Ишмаэль. — Близится новый шторм.

— Откуда вы это знаете? — спросила Вайолет. — На острове есть барометр?

— Барометра нет, — ответил Ишмаэль, разумея под этим словом прибор, который измеряет атмосферное давление, и это служит одним из способов давать прогноз погоды. — Просто я знаю, что близится шторм.

— Как можно это знать? — с недоумением спросил Клаус, вовремя удержавшись от того, чтобы достать из кармана ежедневник и начать записывать. — Я всегда слыхал, что погоду предсказать, не имея современных приборов, трудно.

— Современных приборов нашей колонии не требуется, — ответил Ишмаэль. — Я предсказываю погоду с помощью магии.

— Белиберда, — буркнула Солнышко, желая сказать что-то вроде «трудно в это

поверить». И брат с сестрой молча согласились с ней.

Бодлеры, как правило, не верили в магию, хотя их мама и умела делать ловкий карточный фокус и после долгих уговоров изредка показывала его. Как и все люди, повидавшие мир, дети часто сталкивались со множеством явлений, которые не могли объяснить: начиная от сатанинских приемов гипноза доктора Оруэлла и кончая способом, с помощью которого девочка по имени Фиона разбила сердце Клаусу. Но никогда они не были склонны давать этим загадкам какое-то сверхъестественное объяснение. Конечно, когда, разбуженный глубокой ночью внезапным громким шумом, подскакиваешь на кровати, то невольно поверишь в любые сверхъестественные явления; но тут была середина дня, и Бодлеры просто не могли себе представить Ишмаэля в качестве мага-метеоролога. Должно быть, сомнения отразились на их лицах, потому что рекомендатель немедленно поступил так, как поступают многие люди, когда им не верят, а именно — быстро переменил тему.

— А что ты скажешь, Пятница? — спросил Ишмаэль.— Нашла ты что-нибудь кроме потерпевших кораблекрушение и отвратительных темных очков?

Пятница метнула взгляд на Солнышко и затем решительно покачала головой.

— Нет, — ответила она.

— Тогда иди помоги маме готовить ланч. А я поговорю с новыми колонистами.

— А мне обязательно уходить? — спросила Пятница. — Я бы лучше осталась тут, с Бодлерами.

— Не стану тебя принуждать, — ласково произнес Ишмаэль, — но уверен, что твоя мама нуждается в помощи.

Без дальнейших споров Пятница повернулась и, покинув палатку, стала подниматься по склону к другим палаткам, а Бодлеры остались наедине с рекомендателем, который наклонился к ним и заговорил тихим голосом.

— Бодлеры, — сказал он, — как ваш рекомендатель, я бы хотел дать вам совет, коль скоро вы начинаете свою жизнь на острове.

— И в чем он заключается? — спросила Вайолет.

Ишмаэль оглядел всю палатку, как будто в складках белой колышущейся ткани притаились шпионы. Потом он опять глотнул из раковины и похрустел пальцами.

— Не раскачивайте лодку, — произнес он, употребив выражение, которое здесь означает «не сбивайте с толку окружающих не принятыми здесь поступками». Тон у него был вполне любезный, но за этой любезностью проглядывало что-то совсем иное, все равно как в мелкой воде проглядывает отмель. — Мы уже давно живем здесь по установившимся обычаям. Большинство из нас едва помнит свою жизнь до того, как мы потерпели крушение и очутились на этом острове, а целое поколение островитян только здесь и жило. Мой вам совет — не задавайте столько вопросов и не вмешивайтесь чересчур часто в наши обычаи. Мы оказали вам любезность, приняли вас к себе и ждем любезности в ответ от вас, Бодлеры. Если

вы будете продолжать вмешиваться в дела колонии, люди сочтут вас нелюбезными, так же как Пятница сочла нелюбезным Олафа. Поэтому не раскачивайте лодку. Тем более что раскачивание лодки в первую очередь и привело вас сюда.

Ишмаэль улыбнулся, довольный своей шуткой, а дети, хотя и не нашли ничего смешного в кораблекрушении, после которого они чисто случайно остались в живых, отозвались на шутку нервной улыбкой, но не сказали ни слова. Несколько минут стояла тишина, но тут в палатку вошла женщина с приятным веснушчатым лицом и внесла огромный глиняный сосуд.

— Вы, наверное, и есть Бодлеры, — сказала она. Вслед за нею вошла Пятница со стопкой мисок, сделанных из кокосовой скорлупы. — И вы, наверное, умираете от голода. Я — миссис Калибан, мама Пятницы, на мне в основном лежит готовка. Не хотите ли перекусить?

— Это было бы чудесно, — отозвался Клаус. — Мы очень хотим есть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Чтотут? — поинтересовалась Солнышко.

Миссис Калибан улыбнулась и открыла крышку сосуда, чтобы дети заглянули внутрь.

— Севиче, — пояснила она. — Южноамериканское блюдо из нарубленных сырых морепродуктов.

— А-а-а, — произнесла Вайолет, вложив в междометие максимум, насколько ей удалось, энтузиазма.

Ко вкусу севиче надо привыкнуть, иначе говоря, «первые несколько раз, когда вам приходится есть это блюдо, вам оно не нравится», и, хотя Бодлерам уже приходилось его есть (мама обычно приготовляла его на кухне бодлеровского дома, отмечая начало крабового сезона), оно не стало их любимым блюдом, а уж тем более не о нем они мечтали в качестве первой трапезы после кораблекрушения. Когда я, например, не так давно потерпел кораблекрушение, мне посчастливилось быть выброшенным на борт судна, где я имел удовольствие ужинать жареной бараньей

ногой с полентой[1] на сливках и еще фрикасе из маленьких артишоков, за этим последовал мягкий сыр гауда с жареным инжиром, а напоследок я получил свежую клубнику в молочном шоколаде и наломанные медовые соты. Я счел это лучшим противоядием после того, как меня болтало и швыряло в штормовых водах, точно тряпичную куклу, в исключительно бурном заливе. Но Бодлерам пришлось взять в руки миски с севиче, а также странного вида деревянные столовые приборы, похожие на вилку и ложку одновременно, которые им протянула Пятница.

— Мы называем их «махровые ложки», — объяснила Пятница. — В колонии нет настоящих вилок и ножей, потому что их можно использовать как оружие.

— На мой взгляд, это разумно, — сказал Клаус, хотя про себя подумал, что вместо оружия можно использовать почти все, если быть в воинственном настроении.

[1] Полента — каша из кукурузы.

— Надеюсь, вам понравится, — сказала миссис Калибан. — Другого блюда из сырых морепродуктов, пожалуй, и не приготовить.

— Нетак, — буркнула Солнышко.

— Моя сестра, можно сказать, повар, — объяснила Вайолет, — она могла бы готовить для обитателей колонии кое-какие японские блюда, если бы имела васаби.

Младшие Бодлеры кивнули, догадавшись, что Вайолет спросила про васаби не только потому, что оно позволило бы Солнышку приготовить что-нибудь приемлемое — слово, означающее здесь «не только севиче», — а еще и потому, что васаби, похожее на хрен и часто используемое в японской кухне, еще является и одним из редчайших защитных средств против медузообразного мицелия. А поскольку Олаф рыщет где-то поблизости, Вайолет думает о возможных мерах, какие следует принять, в случае если грибок будет выпущен из водолазного шлема.

— У нас тут нет васаби, — сказала миссис Калибан. — У нас фактически нет

никаких специй. Их никогда не выносило на прибрежную отмель.

— А если бы и вынесло, — быстро добавил Ишмаэль, — мы, я думаю, отправили бы их в чащобу. Желудки наших колонистов привыкли к пресному севиче, и мы не хотели бы раскачивать лодку.

Клаус взял в рот ложку с севиче, попробовал и поморщился. Согласно кулинарным рецептам севиче принято мариновать, добавляя специи, что придает блюду непривычный, но нередко восхитительный вкус. Но без специй здешний севиче смахивал на нечто вынутое изо рта у рыбы.

— Вы едите севиче три раза в день? — спросил Клаус.

— Конечно нет. — Миссис Калибан засмеялась. — Нам скоро надоело бы, правда? Нет, мы едим севиче только во время ланча. Каждое утро на завтрак у нас салат из водорослей, а на обед — неострый луковый суп с небольшим добавлением полевых трав. Такая пресная пища может наскучить, но если запивать ее сердечным, то будет вкуснее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мать Пятницы сунула руку в глубокий карман своего белого одеяния, достала три большие раковины, переделанные во фляги, и протянула каждому Бодлеру по раковине.

— У меня есть тост, — предложила Пятница, поднимая кверху свою раковину.

Миссис Калибан подняла свою, а Ишмаэль, поерзав в глиняном кресле, откупорил свою.

— Превосходная мысль, — проговорил он, широко-широко улыбаясь. — Выпьем за бодлеровских сирот!

— За Бодлеров! — подхватила миссис Калибан, поднимая кверху раковину. — Добро пожаловать на остров!

— Надеюсь, вы останетесь здесь навсегда! — воскликнула Пятница.

Бодлеры глядели на трех улыбавшихся им островитян и старались изо всех сил улыбаться им в ответ. Но в голове у них толпилось столько мыслей, что улыбки вышли не слишком восторженные. Бодлеры задавали себе вопрос: неужели им и вправду придется есть пресный севиче,

и не только сейчас, но и во время всех последующих ланчей? Бодлеры задавали себе вопрос: неужели они должны пить и пить сердечное из кокосового молока, и если они откажутся, будет ли это сочтено раскачиванием лодки? Они задавали себе вопросы: почему не нашлась носовая фигура с лодки, и где сейчас Граф Олаф, и что он замышляет, и что происходит с их друзьями и сотоварищами, затерянными в океане, и где все те, кого они оставили в отеле «Развязка»? Но главный вопрос, который задавали себе сейчас Бодлеры, был следующий: почему Ишмаэль назвал их сиротами, хотя они и не рассказали ему всей своей истории? Вайолет, Клаус и Солнышко посмотрели сперва на миски с севиче, потом на Пятницу и ее маму, затем на свои раковины и, наконец, подняли глаза на Ишмаэля, улыбающегося им с высоты своего глиняного кресла, и задали себе вопрос: действительно ли они попали в то место, которое находится вдали от коварства, или же людское коварство просто прячется где-то, как прячется в

данный момент Граф Олаф, и притом совсем неподалеку? Они смотрели на рекомендателя, не уверенные, в безопасности ли они, и что им делать, если опасность рядом.

— Я не стану вас принуждать, — тихо произнес Ишмаэль, и бодлеровские сироты спросили себя — так ли это на самом деле.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Если только вы не отличаетесь редкой индифферентностью (вычурное слово, вместо того чтобы сказать «лишенные любопытства») или не являетесь одним из бодлеровских сирот, то вы, возможно, спрашиваете себя, выпили или нет трое детей сердечного, которое навязывал им Ишмаэль. Быть может, вы и сами попадали в такие ситуации, когда некто предлагал вам напиток или еду, которые вы предпочли бы в рот не брать, но предлагал вам это все некто, кому вы предпочли бы не отка-

зывать. Или же вас предупреждали относительно лиц, которые будут вам это предлагать, и советовали не проявлять слабодушия, иначе говоря, «отказываться от того, что вам навязывают». О подобных ситуациях часто говорят как о «давлении со стороны окружающих», причем слово «окружающие» относится к тем, с кем вы связаны, а «давление» — то влияние, которое эти люди на вас зачастую оказывают. Если вы горец или же горянка, то есть живете в полном одиночестве в горах, вам легко избежать давления окружающих, поскольку около вас их нету, если только не считать горной козы или козла, которые случайно забрели к вам в пещеру и попытались оказать на вас давление, заставляя вырастить на себе густую шерсть. Но если вы живете среди людей — будь то члены вашей семьи, школьные товарищи или члены вашей тайной организации, — тогда в каждую минуту жизни вы подвергаетесь давлению окружающих и избежать этого не можете, как лодка в море не может избежать бушующего вокруг нее шторма. Если

вы просыпаетесь утром в какое-то определенное время, тогда как предпочли бы спрятать голову под подушку и лежать так, пока голод не заставит вас подняться, значит, вы поддаетесь давлению надзирателя или дворецкого, которые будят вас по утрам. Если вы едите приготовленный кем-то завтрак или приготовляете его сами из купленных в лавке продуктов, хотя предпочли бы топнуть ногой и потребовать деликатесов из дальних стран, — тогда вы, стало быть, поддаетесь давлению вашего бакалейщика или повара, готовящего завтрак. Целый день напролет каждый человек в мире поддается давлению окружающих, будь то сверстники из четвертого класса, которые пристают к вам, чтобы вы шли на перемене играть в мяч, или же цирковые партнеры, балансирующие каучуковыми мячиками на кончике носа. Но если вы попытаетесь избегать любого давления окружающих во всех случаях, то рискуете остаться вообще без окружения. Так что фокус состоит в том, чтобы в какой-то мере поддаться, но при этом не оттолкнуть

от себя окружающих, и в то же время поддаться не настолько, чтобы это привело к вашей смерти или иной неуютной ситуации. Задача эта не из легких, большинство людей с ней не справляются, и хотя бы раз в жизни это кончается их смертью или иным дискомфортом.

Бодлеровские сироты оказывались в неуютных обстоятельствах за время своих злоключений более чем достаточно, и теперь, очутившись на далеком острове, где выбирать окружение не приходилось, они поддались давлению Ишмаэля, Пятницы, миссис Калибан и прочих островитян, живших в этом новом для детей пристанище. Бодлеры сидели в палатке у Ишмаэля, запивали сердечным пресный, без всяких специй севиче; хотя от напитка у них покруживалась голова, а от морепродуктов во рту оставался вкус слизи, однако они предпочли терпеть все это, но не покидать колонию и самим искать еду и питье. Они предпочли носить белые, чересчур толстые для столь теплой погоды одеяния, а не придумывать себе одежду сами, и они

предпочли промолчать о не поощряемых здесь предметах, спрятанных у них в карманах (ленте, принадлежащей Вайолет, записной книжке Клауса и Солнышкиной мутовке), но не раскачивать лодку, как и советовал рекомендатель. Они даже не посмели спросить у Пятницы, почему она отдала этот предмет кухонной утвари Солнышку.

Однако, несмотря на крепость кокосового напитка, пресный вкус пищи, не красящие их одеяния и спрятанные в карманах предметы, Бодлеры все равно чувствовали себя сейчас уютнее, чем за довольно долгое время. Хотя детям всегда удавалось найти одного-двух товарищей, где

бы они ни оказывались, они, в сущности, не были по-настоящему приняты ни одним сообществом с тех пор, как Граф Олаф создал им репутацию убийц и вынудил их прятаться и маскироваться бессчет-

ное количество раз. В колонии Бодлеры чувствовали себя в безопасности, зная, что Граф Олаф не допущен на остров и его нет рядом, и зная, что их союзников, будь они тоже выброшены на берег, тоже приютят в том случае, если они тоже поддадутся давлению окружающих. Пресную пищу, неприглядную одежду и сомнительный напиток можно было, в общем, считать справедливой ценой за безопасное пристанище, служащее домом, и за группу людей, которые если и не являлись друзьями в точном смысле слова, все же составляли им компанию на такое время, на какое им захочется оставаться здесь.

Шли дни, остров оставался безопасным для детей, хотя и скучно-пресным. Вайолет хотелось бы проводить дни, помогая островитянам строить огромную лодку, но по совету Ишмаэля ей пришлось помогать Пятнице, Робинзону и профессору Флетчеру стирать одежду колонистов, так что в основном она проводила дни около соленых водопадов, стирала белые одеяния и сушила их на солнце. Клаус

КОНЕЦ

с удовольствием бродил бы по склону, составляя список всех остатков кораблекрушений, собранных колонистами после шторма, но островитяне согласились с рекомендателем, предложившим, чтобы средний Бодлер не отходил от него круглый день, поэтому Клаус проводил дни, накладывая глину на ноги старику и бегая за новыми порциями сердечного.

Лишь Солнышку дали трудиться в области, в которой она была компетентна, но помогать миссис Калибан с готовкой было не слишком интересно, так как питание три раза в день готовить было очень легко. Каждое утро младшая из Бодлеров полу-

чала водоросли, которые Алонсо и Ариель выловили из моря, Шерман и Робинзон промыли в соленой воде, а Едгин и Уэйден высушили на солнце, и, получив, просто-напросто бросала в миски на завтрак. Днем Фердинанд и Ларсен приносили кучу рыбы, пойманной сетями, и Солнышко с миссис Калибан давили ее махровыми ложками, превращая в севиче к ланчу. А по вечерам обе поварихи разжигали костер и кипятили на медленном огне горшок с диким луком, который собрали Омерос с Финн, и добавляли туда полевые травы, сорванные

Брустером и Калипсо и заменявшие им специи, и подавали суп вместе с раковинами, полными сердечного, которое Байэм и Уилла нацедили из кокосов, которые мистер Питкерн и мисс Марлоу нарвали с кокосовых пальм. Ни одно блюдо не представляло для Солнышка интересной задачи, и в конце концов она стала проводить большую часть дня в безделье, иначе говоря, «посиживала с миссис Калибан, посасывала сердечное и любовалась на море».

После стольких ужасных встреч и трагических событий детям показалась непривычной такая жизнь, и первые несколько дней им было как-то не по себе без коварства Олафа и его зловещих тайн, без принципиальности Г. П. В. и благородных деяний его членов, но постепенно, после крепкого ночного сна в продуваемой приятным ветерком палатке каждодневной легкой ра

боты, с каждым глотком сладкого сердечного, жизнь, исполненная борьбы и коварства, отступала все дальше и дальше. Спустя несколько дней разыгрался новый шторм, как и предсказывал Ишмаэль, и, когда небо почернело и остров накрыли дождь и ветер и Бодлеры вместе с остальными островитянами столпились в палатке у рекомендателя, они испытали благодарность за эту бессобытийную жизнь в колонии, сменившую бурную жизнь, какую они вели после смерти родителей.

— Двусмыс, — призналась Солнышко сестре с братом, когда на следующее утро Бодлеры брели вдоль прибрежной отмели. Согласно общепринятому правилу все островитяне отправились на штормовую добычу. Там и сям виднелись фигуры копающихся в обломках. Говоря «двусмыс», младшая Бодлер имела в виду «у меня двойственное отношение к здешней жизни». То есть она не могла решить, нравится ей жить в колонии или нет.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — проговорил Клаус, который нес

Солнышко на плечах. — Здешняя жизнь не очень увлекательна, но по крайней мере нам не грозит опасность.

— Я думаю, мы должны быть благодарны за это, — проговорила Вайолет. — Хотя правила тут очень строгие.

— Ишмаэль все время повторяет, что не станет принуждать нас делать то или се, — подхватил Клаус, — но принуждение ощущаешь все время.

— Ну, они, по крайней мере, вынудили Графа Олафа держаться подальше, — заметила Вайолет. — Г. П. В. это никогда не удавалось.

— Диаспора, — произнесла Солнышко, что означало примерно — «мы живем в таком отдаленном месте, что борьба между Г. П. В. и их врагами отошла куда-то далеко ».

— Единственное Г. П. В. здесь, — Клаус нагнулся и заглянул в лужу, — это наше Гадкое Пресное Варево.

Вайолет улыбнулась.

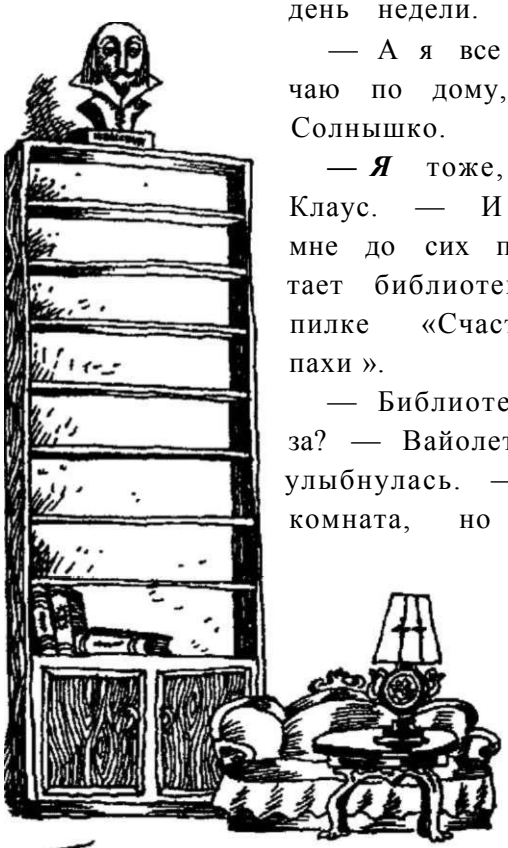
— Не так давно, — сказала она, — мы стремились достичь

последнего безопасного места к четвергу, а теперь все вокруг нас безопасно, но мы даже не представляем себе, какой сегодня день недели.

— А я все равно скучаю по дому, — сказала Солнышко.

— ***Я*** тоже, — сказал Клаус. — И почему-то мне до сих пор не хватает библиотеки в лесопилке «Счастливые запахи».

— Библиотеки Чарльза? — Вайолет удивленно улыбнулась. — Красивая комната, но ведь там



Библиотека Чарльза

было всего три книги. С какой стати тебе ее не хватает?

— Три книги лучше, чем ни одной, — отозвался Клаус. — С тех пор как мы здесь, я читаю только свою записную книжку. Я предложил Ишмаэлю рассказывать мне историю острова, а я бы записывал его рассказы, чтобы островитяне знали, откуда пошла колония. Другие колонисты записали бы истории своей жизни, и в конце концов на острове возникла бы своя библиотека. Но Ишмаэль ответил, что не станет меня принуждать, однако моя идея ему не нравится — книга может взбудоражить людей описаниями штормов и кораблекрушений. Я, конечно, не хочу раскачивать лодку, но мне не хватает исследовательской работы.

— Понимаю тебя, — согласилась Вайолет, — а мне не хватает гадального шатра мадам Лулу.

— Как, со всеми ее фальшивыми магическими штучками? — удивился Клаус.

— Да, все устройства были довольно нелепы, — отозвалась Вайолет, — но будь у меня под рукой те простые механические

детали, я бы, думаю, сумела соорудить несложную фильтрационную систему. И если бы удалось получить пресную воду, островитянам не приходилось бы целыми днями пить сердечное. Но Пятница говорит, что питье сердечного уже глубоко укоренилось.

— Корни? — не поняла Солнышко.

— Пятница имеет в виду, что люди здесь пьют его так давно, что не захотят бросить, — пояснила Вайолет. — Я тоже не хочу раскачивать лодку, но мне не хватает изобретательской работы. А ты, Солнышко? Чего тебе не хватает?

— Фонтан, — ответила младшая сестра.

— Птичий фонтан в Городе Почитателей Ворон? — спросил Клаус.

— Нет. — Солнышко покачала головой. — В нашем городе.

— Фонтан Финансовой Победы? — догадалась Вайолет. — Его-то почему тебе должно не хватать?

— Первое купание,— ответила Солнышко, и брат с сестрой ахнули.

— Ты не можешь этого помнить, — запротестовал Клаус.

— Тебе было всего несколько недель от роду, — добавила Вайолет.

— Помню, — твердо сказала Солнышко, и старшие Бодлеры в изумлении покачали головами.

Солнышко имела в виду один необычайно жаркий осенний день давным-давно, когда у Бодлеров-родителей случились какие-то дела в городе и они прихватили с собой детей, пообещав на обратном пути заглянуть в кафе-мороженое. Доехав до банковского квартала, семья разделилась: мама поспешила в здание с высокими изогнутыми башнями, торчавшими со всех сторон, а отец остался снаружи с детьми. Из-за жары Солнышко раскапризничалась, и, чтобы успокоить ее, отец опустил ее ножками в воду фонтана. Солнышко так радостно заулыбалась, что отец начал опускать ее всю в фонтан прямо в платьице, и младшая Бодлер визжала от смеха. Как вы, возможно, знаете, смех младенцев бывает очень заразителен, и скоро не только Вайолет и Клаус прыгнули в фонтан, но и отец тоже, и все они

хохотали до упаду, а Солнышко радовалась все больше. Вскоре из здания вышла мама и в удивлении уставилась на свою мокрую хохочущую семейку, но тут же положила свою записную книжку на землю, скинула туфли и присоединилась к остальным, барахтавшимся в освежающей воде.

Они смеялись всю обратную дорогу; каждый их шаг, когда они шли от машины к дому, сопровождался хлюпаньем, и они долго потом сидели на ступенях, пока не обсохли на солнце. Чудесный был день, но такой далекий, что Вайолет и Клаус почти забыли про него. Но сейчас, когда Солнышко напомнила им о том дне, в ушах у них буквально зазвенел ее младенческий смех и они буквально увидели изумленные взгляды проходящих мимо сотрудников банка.

— Трудно поверить, — Сказала Вайолет, — что наши родители могли так веселиться, когда уже были связаны с Г. П. В. и всеми дальнейшими неприятностями.

— О расколе тогда, наверно, еще никто не помышлял, — заметил Клаус.

DEATH
DEATH

КОНЕЦ

— А теперь... — сказала Солнышко, и старшие кивнули, соглашаясь с ней.

Над головой у них сияло утреннее солнце, море искрилось вдоль прибрежной отмели, и казалось, беды и коварство так же далеки сейчас, как тем днем у Фонтана Финансовой Победы. Однако даже в самый ясный из дней беды и коварство нередко могут таиться гораздо ближе, чем мы думаем. В тот далекий день в банковском квартале, например, беды скрывались в самих коридорах здания с башнями, где маме вручили сводку о погоде и морскую карту, и когда мама стала изучать их вечером при свече, она обнаружила там гораздо более серьезную беду, чем воображала. А коварство можно было обнаружить тут же, за фонтаном, где женщина, переодетая продавщицей крендельков, сфотографировала хохочущую семью и незаметно сунула фотоаппарат в карман финансового эксперта, спешившего в ресторан; а там гардеробщик вынул аппарат и спрятал его в громадную вазу с фруктами, которые некий драматург заказал на десерт; но находчивая офици-

антка сделала вид, будто сливки в соусе забальоне скисли, и вывалила все блюдо в помойку в том переулке, где я сидел уже несколько часов, притворяясь, будто ищу потерявшегося щенка, который на самом деле проскользнул с черного хода в здание с башнями; а потом официантка сбросила наряд официантки и сунула его себе в сумочку. Так вот и утро на прибрежной отмели было ничуть не лучше. Бодлеры сделали еще несколько шагов, молча щурясь на солнце, а затем Солнышко осторожно постучала брата по голове и указала пальцем вдаль. Все трое внимательно вгляделись и увидели на краю отмели какой-то покосившийся предмет, и предмет этот сулил беду, хотя сперва на беду и не было похоже. Трудно сказать, на что предмет был похож: он был большой, квадратный и потрепанный, и дети поспешили подойти поближе, чтобы рассмотреть его получше. Вайолет шла впереди, аккуратно обходя немногочисленных крабов, суетившихся по краям отмели. Клаус шел следом, а Солнышко по-прежнему ехала у него на плечах. Но даже

когда они приблизились к непонятному предмету, они и тогда затруднились определить, что это такое.

На первый взгляд большой квадратный разлохмаченный предмет казался сочетанием всего, чего не хватало Бодлерам. Он был похож на библиотеку, поскольку выглядел как стопки и стопки книг, лежащих друг на друге, составляя громадный куб. Но он также походил на какое-то изобретение, поскольку куб из книг был обвязан наподобие пакета, только не шпагатом, а толстыми, с виду резиновыми ремнями разного оттенка зеленого, а с одного боку была прикреплена истертая деревянная доска. Предмет был также похож и на фонтан, поскольку со всех сторон по нему струилась вода; она вытекала из распухших страниц и падала на песок прибрежной отмели. Но хотя зрелище было весьма необычное, дети уставились не на сам куб, а на нечто на самой верхушке этого странного сооружения. Они смотрели на голую ногу, которая свешивалась вдоль стенки куба, как будто кто-то спал на его верши-

не, и Бодлерам бросилась в глаза татуировка в виде глаза на щиколотке.

— Олаф? — спросила Солнышко, но сестра и брат покачали головами. Они видали ногу Графа Олафа столько раз, что и считать не хотелось, а эта нога была гораздо меньше и чище, чем у негодяя.

— Лезь ко мне на спину, — сказала Вайолет брату. — Может, удастся подсадить Солнышко наверх.

Клаус кивнул, осторожно взобрался на спину сестре, а потом очень медленно встал ей на плечи. Трое Бодлеров постояли так, словно покачивающаяся башня, а потом Солнышко вытянула вверх ручонки и подтянулась, как не очень давно подтянулась, вылезая из шахты лифта в доме 667 на Мрачном Проспекте, и увидела женщину, лежащую без сознания на кипах книг. На женщине было темно-красное бархатное

платье, мокрое и измятое, спутанные волосы ее разметались вокруг головы широким веером. Нога, свисавшая вниз, была как-то странно вывернута, но в остальном женщина казалась невредимой. Глаза у нее были закрыты, рот страдальчески изогнут, но живот, полный и круглый, как у всех беременных, поднимался и опадал с каждым ровным глубоким вдохом, а руки в длинных белых перчатках тихо лежали на нем, как будто она успокаивала то ли себя, то ли своего ребенка.

— Кит Сникет. — Голос у Солнышка звучал приглушенно от удивления.

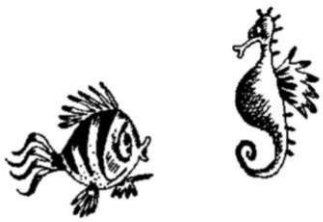
— Да? — отозвался чей-то визгливый и скрипучий голос, иначе говоря, «раздражающий и печально знакомый».

Из-за книжного куба выступила фигура, башня из Бодлеров повернулась к ней лицом, и Солнышко, глядя на нее сверху, нахмурилась. Личность, стоявшая перед ними, тоже носила длинное, достигавшее щиколоток платье, промокшее и измятое, но не красное, а оранжевое и одновременно желтое, и краски эти переливались по мере

того, как фигура подходила все ближе и ближе. На ней не было перчаток, но сооруженная на голове прическа из водорослей напоминала длинные волосы, они спадали безобразным образом на спину, и хотя живот у этой личности был толстый и круглый, толщина и круглость казались странными и неубедительными. Да и было бы совершенно ненормальным, если бы живот был настоящий, так как, судя по лицу, это была не женщина, а среди мужчин крайне редко случается беременность. Хотя, например, морской конек время от времени рождает себе подобных.

Но эта личность, подступавшая все ближе и ближе к высящейся башне из Бодлеров и бросавшая злобные взгляды

вверх на Солнышко, разумеется, не была морским коньком. Если странный книжный куб сулил беду, то появившийся человек олицетворял собой коварство, а коварство, как это уже часто случалось, носило имя Граф Олаф. Вайолет с Клаусом во все глаза глядели на негодяя, Солнышко же глядела во все глаза на Кит, а потом все трое детей уставились вдаль и увидели островитян, которые тоже заметили странный предмет и теперь направлялись в их сторону. И наконец бодлеровские сироты поглядели друг на друга и задали себе вопрос: так ли уж далек от них раскол и не проделали ли они столь длинный путь лишь для того, чтобы опять столкнуться лицом к лицу с бедами и людским коварством?



ГЛАВА ШЕСТАЯ

На этом этапе вы, наверное, уже научились узнавать горестное клеймо горестной истории бодлеровских сирот. Под словом «клеймо» подразумеваются некие отличительные приметы, как, например, пышная пена и громкое хлюпанье — характерные признаки корнеплодного пива, а закапанные слезами фотографии и громкое хлюпанье — характерные признаки разбитого сердца. Бодлеры, которые, насколько мне известно, не читали своей горестной истории, хотя и были непосредственными ее

участниками, ощутили некоторое подташнивание, когда увидели толпу островитян, которые приближались к ним с разнообразными предметами в руках, найденными во время поисков штормовой добычи. Получалось, что, едва дети оказались в новом для них непривычном доме, Граф Олаф готов был снова одурачить всех очередным маскарадом и Бодлерам опять грозила серьезная опасность. Даже то, что длинное одеяние не доходило до щиколотки и не прикрывало татуировки в виде глаза, нимало его не заботило, поскольку островитяне, отрезанные от мира, ничего не ведали об этой общеизвестной отметине и одурачить их было легче легкого. Однако, когда поселенцы подошли еще ближе к книжному кубу, на котором лежала без сознания Кит Сникет, история Бодлеров стала вдруг развиваться вопреки ожиданиям, и выражение это здесь означает: «девочка, которая им встретилась первой на прибрежной отмели, мгновенно узнала Графа Олафа».

— Это Олаф! — крикнула Пятница, обвиняюще указывая пальцем на негодяя. —

С чего это он одет как беременная женщина?

— Я одет как беременная женщина, потому что я и есть беременная женщина, — пропищал Граф Олаф измененным голосом. — Меня зовут Кит Сникет, и я без конца разыскивала этих детей.

— Вы не Кит Сникет! — закричала миссис Калибан.

— Кит Сникет вон там наверху, на книгах, — негодующим тоном возразила Вайолет, снимая Солнышко с верхушки куба. — Она — наш друг, она то ли больна, то ли ранена. А это — Граф Олаф, и он вовсе не наш друг.

— И не наш, — заявила Пятница, и среди колонистов послышался одобрительный гул голосов. — Если даже вы подложили что-то под платье и сделали нашлепку из водорослей на голову, это не значит, что вас нельзя узнать. — Она села на деревянный ящик, который принесла с собой. — Надеюсь, он вас не растревожил. Я недвусмысленно дала ему понять, чтобы он убирался отсюда.

Граф Олаф бросил злобный взгляд на Пятницу, но тут же отвернулся и попробовал воздействовать на других островитян, применив свои коварные приемы:

— Вы ведь не прогоните беременную женщину, примитивные люди, правда? Я пребываю в весьма деликатном положении.

— Ничего подобного, — отрезал Ларсен, — ваш маскарад шит белыми нитками. Раз Пятница говорит, что вы какой-то там Олаф, значит, так и есть, и вы нам здесь с вашей нелюбезностью не нужны.

— Да я никогда в жизни не был нелюбезным. — Олаф костлявой рукой пригладил водоросли на голове. — Я в общем-то беспорочная девица, и в животе у меня младенец. Это Бодлеры нелюбезные и вон та самозванка, что лежит на промокшей библиотеке.

— Библиотека? — ахнул Флетчер. — На острове никогда не было библиотеки.

— Ишмаэль говорил, что от библиотеки непременно жди неприятностей, — добавил Брустер. — Нам повезло — к нашим

берегам ни одной книги ни разу не прибивало.

— Вот видите! — Желто-оранжевое платье на Олафе зашуршало на утреннем ветерке. — А вон та коварная женщина нарочно притащила книги в колонию, чтобы проявить нелюбезность по отношению к вам, бедным, примитивным людям. А Бодлеры с нею в дружбе! Это их вы должны оставить на отмели, а меня пригласить в Олафленд и поднести подарки.

— Остров не называется Олафленд! — возмутилась Пятница. — Это вас здесь уже оставили!

— Тут какая-то путаница! — воскликнул Омерос. — Без Ишмаэля нам не разобраться.

— Омерос прав, — присоединился к нему Калипсо. — Мы не должны ничего решать, пока не поговорим с Ишмаэлем. Пойдем отнесем все находки к нему в палатку.

Поселенцы закивали головами, а несколько островитян подошли к книжному кубу и принялись толкать его вдоль отмели.

Это было нелегко, куб раскачивался на неровной поверхности. Бодлеры заметили, что нога у Кит резко дернулась вверх-вниз, и испугались, как бы их приятельница не свалилась.

— Стойте! — остановил колонистов Клаус. — Передвигать человека, который может быть серьезно ранен, опасно, особенно если это женщина, да еще беременная.

— Клаус прав, — подтвердил доктор Курц. — Я помню это с тех пор, как учился в ветеринарной школе.

— Если Магомет не идет к горе, — проговорил Рабби Блай, и все островитяне сразу поняли, что он имеет в виду, — значит, гора придет к Магомету.

— Но каким образом Ишмаэль доберется сюда — ему же не дойти на больных ногах, — возразила Едгин.

— Его доставят сюда козы, — сказал Шерман. — Мы поставим его кресло на сани. Пятница, ты караулишь Олафа и Бодлеров, а остальные идут за нашим рекомендателем.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Заодно прихватите с собой еще сердечного, — попросила мадам Нордофф. — Пить хочется, а раковина у меня почти пустая.

Раздался согласный гул голосов, и островитяне отправились к острову, неся все предметы, найденные во время поисков. Через несколько минут они превратились в неясные фигуры на фоне туманного горизонта, и Бодлеры остались в обществе Графа Олафа и Пятницы. Девочка сделала большой глоток из раковины и улыбнулась троице.

— Не беспокойтесь, Бодлеры, — сказала она ободряюще. — Мы разберемся. Я обещаю вам, этому ужасному мужчине откажут в приюте раз и навсегда.

— Я не мужчина, — захныкал Олаф измененным голосом. — Я — особа женского пола с младенцем внутри.

— Комедиант, — буркнула Солнышко.

— Сестра права, — сказала Вайолет. — Ваш маскарад не сработал.

— Ну, вам же хуже, если я перестану притворяться, — фыркнул негодяй. Он все

еще говорил нелепым высоким голосом, но глаза у него между космами водорослей сверкали. Он завел руку назад и достал гарпунное ружье с ярко-красным спусковым крючком и взведенным последним гарпуном. — Если я скажу, что я — Граф Олаф, а не Кит Сникет, так ведь я могу и вести себя как негодяй, а не как благородная личность.

— Вы никогда не вели себя как благородная личность, — запротестовал Клаус, — каким бы именем ни назывались. А оружие ваше нас не пугает — гарпун всего один, а на острове полно людей, которые знают, какой вы злобный и нелюбезный.

— Клаус прав, — сказала Пятница. — Лучше отложите оружие. В таком месте, как это, оно бесполезно.

Граф Олаф покосился сперва на Пятницу, потом на Бодлеров, открыл рот, словно собираясь сказать еще что-нибудь коварное своим измененным голосом. Но тут же закрыл рот и с отвращением поглядел на лужи вокруг.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Надоело мне тут шататься, — пробурчал он. — Есть нечего, одни водоросли да сырая рыба, а все ценное утащили болваны в длинных халатах.

— Не вели бы вы себя так безобразно, — заметила Пятница, — могли бы жить на острове.

Бодлеры нервно переглянулись. Хотя бросать Олафа на отмели одного и казалось им немного жестоким, но и представить себе, что его могут пригласить на остров, было немыслимо. Пятница, конечно, не знала всего о Графе Олафе и лишь один раз столкнулась с его нелюбезностью, когда впервые его увидела, но Бодлеры не смели рассказать ей всю историю Олафа целиком, не поведав своей собственной, а они не могли предвидеть, что подумает Пятница об их нелюбезности и коварстве.

Граф Олаф внимательно посмотрел на Пятницу, как бы что-то прикидывая. Затем с хитрой усмешечкой повернулся к Бодлерам и протянул им гарпунное ружье.

— Пожалуй, ты права, — сказал он. — В таком месте, как это, оно бесполезно.

Он все еще говорил измененным голосом и при этом поглаживал наглядный признак своей фальшивой беременности, как будто в животе у него и впрямь рос младенец.

Бодлеры взглянули на Олафа, а потом на оружие. Когда в последний раз они дотрагивались до гарпунного ружья, предпоследний гарпун вылетел и убил благородного человека по имени Дьюи. Вайолет, Клаус и Солнышко не могли забыть, как Дьюи, умирая, погрузился в пруд, и теперь, глядя на негодяя, предлагавшего им ружье, они вспоминали, какое опасное и страшное это оружие.

Гарпун убил благородного Дьюи.

— Нам его не надо,— сказала Вайолет.

— Опять какой-то из ваших фокусов, — проговорил Клаус.

— Никаких фокусов, — высоким голосом возразил Олаф. — Я отказываюсь от своих негодяйских привычек, я хочу жить с вами на острове. Мне очень горько слышать, что вы мне не верите. — Выражение лица у него было серьезное, точно он и впрямь огорчен, но глаза при этом ярко блестели, как бывает у тех, кто собирается отпустить шутку.

— Враль, — буркнула Солнышко.

— Вы обижаете меня, сударыня, — отозвался Олаф. — Я такой же честный, как день длинный.

Негодяй использовал выражение совершенно бессмысленное. Одни дни бывают длинными, как, например, в разгаре лета, когда солнце светит действительно очень долго, или же во время Хэллоуина[1], когда день невыносимо долго тянется в ожидании того,

[1] **Хэллоуин — американский праздник, канун Дня всех святых.**

когда придет время надеть маскарадный костюм и начать требовать конфет у незнакомцев. А бывают короткие дни, особенно зимой или когда занимаешься чем-то приятным, например читаешь интересную книжку или идешь за случайным прохожим, чтобы выяснить, куда он направляется. Словом, если кто-то такой же честный, как день длинный, значит, о честности и речи нет. Дети с облегчением увидели, что Пятницу не сбило с толку Олафово нелепое выражение и она сурово сдвинула брови, глядя на негодяя.

— Бодлеры говорили мне, что вам нельзя доверять, и я сама вижу, что это правда. Оставайтесь здесь, Олаф, пока не вернутся остальные, тогда мы решим, что с вами делать.

— Я не Граф Олаф, — запротестовал Олаф. — А нельзя ли мне пока глоточек вашего кокосового зелья, которое тут упоминали?

— Нет, — отрезала Пятница и, повернувшись к негодяю спиной, принялась задумчиво разглядывать книжный куб. — Я никогда не видела ни одной книги, —

призналась она Бодлерам. — Надеюсь, Ишмаэль согласится их оставить.

— Не видела ни одной книги? — изумилась Вайолет. — А читать ты умеешь?

Пятница быстро оглядела прибрежную отмель и коротко кивнула.

— Да,— сказала она.— Ишмаэль был против того, чтобы нас обучали, но профессор Флетчер не послушался и устраивал тайные занятия для тех, кто родился уже на острове. Иногда я практикуюсь, *рисуя* буквы на песке палочкой, но без библиотеки мало чего достигнешь. Я надеюсь, Ишмаэль не предложит, чтобы козы оттащили все эти книги в чащобу.

— Даже если предложит, вы не обязаны выбрасывать их, — напомнил Клаус. — Он же не станет принуждать тебя.

— Да, знаю. — Пятница вздохнула. — Но когда Ишмаэль что-то предлагает, все соглашаются, а такому давлению окружающих трудно не поддаться.

— Мутовка, — напомнила Солнышко и достала из кармана этот предмет кухонной утвари.

Пятница улыбнулась младшей из Бодлеров, но быстро запихала мутовку назад ей в карман.

— Я дала ее тебе, потому что ты сказала, что любишь готовить. Нехорошо подавлять твои интересы только из-за того, что Ишмаэль считает кухонную утварь неуместной. Вы ведь не выдадите меня?

— Нет, разумеется, — отозвалась Вайолет. — Но ведь и запрещать тебе читать тоже нехорошо.

— Возможно, Ишмаэль не будет против, — сказала Пятница.

— Возможно, — согласился Клаус. — Иначе мы попробуем сами оказать некоторое давление на окружающих.

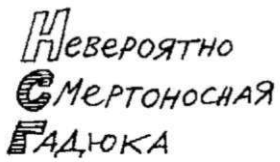
— Я не хочу раскачивать лодку. — Пятница нахмурилась. — После того как погиб мой отец, маме всегда хотелось, чтобы я росла в безопасности, поэтому мы не вернулись назад в большой мир, а остались здесь, на острове. Но чем старше я становлюсь, тем больше у меня появляется тайн. Профессор Флетчер тайно научил меня читать. Омерос тайно научил меня бросать камешки в воду, хотя Ишмаэль считает это

опасным. Я тайно дала Солнышку мутовку. — Пятница похлопала рукой по деревянному ящику и улыбнулась. — А теперь у меня есть еще одна тайна. Глядите, что я нашла, — вот оно, лежит свернувшись в деревянном ящике.

Все это время Граф Олаф помалкивал и только следил злобным взглядом за детьми, но, когда Пятница показала свою находку, он испустил вопль еще более пронзительный, чем его поддельный голос. Однако Бодлеры никакого вопля не испустили, хотя Пятница показывала на нечто устрашающее — черное как смоль и толстое, как канализационная труба, и оно вдруг раскрутилось и с быстротой молнии метнулось в сторону детей. И даже когда утреннее солнце осветило разинутую пасть и острые зубы, Бодлеры все равно не завопили, а только подивились тому, что их история развивается снова вопреки ожиданию.

— Неве! — воскликнула Солнышко. И это была правда, ибо громадная змея, обвивавшая Бодлеров, была, как бы неве-

роятно это ни звучало, существом, которого они не видели очень давно и даже не думали когда-нибудь увидеть.



— Невероятно Смертоносная Гадюка! — в изумлении вскричал Клаус. — Каким образом она сюда попала, скажите на милость?

— Говорил же Ишмаэль, что в конце концов все прибивает к берегам этого острова, — заметила Вайолет. — Вот уж никогда не думала, что увижу эту рептилию снова.

— Смертоносная? — нервно спросила Пятница. — Она ядовитая? Вид у нее дружелюбный.

— Она и есть дружелюбная, — успокоил девочку Клаус. — Она — одно из наименее опасных и наиболее дружелюбных созданий в животном царстве. Имя ей дали по ошибке.

— Почему ты так уверен? — не успокаивалась Пятница.

— Мы знали человека, который ее открыл, — объяснила Вайолет. — Его звали

доктор Монтгомери, он был блестящим герпетологом.

— Он был замечательный, — добавил Клаус. — Нам его очень не хватает.

Бодлеры обнимали змею, и крепче всех ее обнимала Солнышко, питавшая особую привязанность к шаловливой рептилии. И они вспоминали доброго Дядю Монти

те дни, которые они провели с ним. Постепенно, не сразу, они вспомнили, как закончились те дни, и, обернувшись, посмотрели на Графа Олафа, который тогда убил Монти, осуществив часть своего коварного замысла. Граф Олаф хмуро встретил их взгляды.

Странно было видеть этого негодяя, дрожавшего от страха при виде змеи, после всех его злодейских планов забрать сирот в свои когти. Теперь, вдали от большого мира, Олаф, казалось, лишился своих когтей, а его злодейские планы стали так же бесполезны, как и гарпунное ружье в его руках.

— Я всегда мечтала встретить герпетолога, — сказала Пятница, которая, естественно, не знала истории с убийством Монти. — На острове нет специалиста по змеям. Сколько я теряю, живя тут, вдали от мира!

— Мир — жестокое место, — тихо проговорил Олаф, и на этот раз задрожали Бодлеры.

Даже сейчас, когда их согревали жаркие солнечные лучи и обвивала Невероятно

Смертоносная Гадюка, детей пробрала холодная дрожь при последних словах негодяя. Все замолчали, наблюдая, как приближаются островитяне вместе с козами и с Ишмаэлем на буксире, что означало «козы тащили на санях Ишмаэля, восседавшего в своем кресле точно король, ноги его, как всегда, покоились в комьях глины, а кудрявая борода развевалась по ветру». По мере приближения поселенцев и коз стало видно, что на буксире козы тащат еще кое-что, и помещалось это на санях позади кресла. Это была огромная и нарядная птичья клетка, найденная после вчерашнего шторма, и она горела на солнце, точно небольшой костер.

— Граф Олаф, — произнес Ишмаэль рокочущим голосом, как только оказался со своим креслом совсем близко. Он поглядел на негодяя с презрением, но и со вниманием, как будто запоминая его лицо.

— Ишмаэль, — произнес Граф Олаф измененным голосом.

— Зовите меня Иш, — сказал Ишмаэль.

— Зовите меня Кит Сникет, — сказал Олаф.

— Я никак не буду тебя называть, — прорычал Ишмаэль. — Твоя власть, основанная на коварстве, кончилась, Олаф. — Он нагнулся и быстрым движением сорвал с головы Олафа парик из водорослей. — Мне рассказывали о твоих интригах и маскарадах, мы этого здесь не потерпим. Ты будешь немедленно посажен под замок.

Тут же Иона и Сейди сняли птичью клетку с саней, поставили ее на песок и распахнули дверцу, при этом сурово и многозначительно глядя на Графа Олафа. Повинуясь кивку Ишмаэля, Уэйден и мисс Марлоу шагнули к негодяю, вырвали у него из рук гарпунное ружье и потащили Олафа к птичьей клетке. Бодлеровские сироты переглянулись, не зная, как к этому отнестись. С одной стороны, именно тех слов, которые произнес Ишмаэль, дети ждали от кого-нибудь всю свою жизнь. Они мечтали, чтобы Олаф был наконец наказан за свои ужасные деяния — от недавнего похищения судьи Штраус до того давнишнего дня, когда он посадил Солнышко в птичью клетку и вывесил из окна башни. С другой

стороны, они не были уверены, что Графа Олафа следует запереть в птичью клетку, даже такую большую. Дети не совсем понимали, является ли происходящее сейчас на прибрежной отмели актом правосудия или еще одним несчастливым событием. На протяжении всех своих злоключений Бодлеры всегда надеялись, что Граф Олаф попадет наконец в руки властей, что его будут судить и определят ему наказание. Однако члены суда оказались так же продажны

и коварны, как сам Олаф, а власти находились далеко-далеко от острова и искали Бодлеров, чтобы предъявить им обвинение в поджоге и убийстве. Трудно сказать, как дети, находясь так далеко от большого мира, относились к тому, что Графа Олафа тащат в птичью клетку. Но, как это часто бывает, отношение к этому троих детей не имело значения, ибо это все равно произошло: Уэйден и мисс Марлоу подтащили упиравшегося негодяя к дверце и впихнули его в клетку. Он зарычал и, обхватив фальшивый признак своей беременности, сгорбился и уперся лбом в колени, брат с сестрой Беллами захлопнули дверцу и как следует закрыли ее на щеколду. Злодей уместился в клетке, хотя еле-еле, и только присмотревшись, вы могли бы разобрать, что этот хаос из рук, ног, волос и желто-оранжевой ткани на самом деле человек.

— Это несправедливо, — сказал Олаф. Голос его из клетки звучал глухо, но дети все-таки разобрали, что он по-прежнему говорит высоким голосом, словно уже не

может перестать притворяться женщиной по имени Кит Сникет. — Я — ни в чем не повинная беременная женщина, а настоящие злодеи — вот эти дети. Вы слышали не всю историю.

— Это как посмотреть, — твердо сказал Ишмаэль. — Пятница сказала мне, что вы нелюбезный человек, и больше нам ничего не надо слышать. Достаточно видеть этот парик из водорослей!

— Ишмаэль прав, — твердо сказала миссис Калибан. — В вас живет одно коварство, Олаф, а в Бодлерах — только хорошее!

— Только хорошее! — повторил Олаф. — Ха! А вы загляните в карман младшей девчонки, раз вы считаете ее такой хорошей. У нее там предмет кухонной утвари, и дал его кое-кто из ваших драгоценных островитян!

Ишмаэль взглянул на младшую Бодлер со своей выгодной позиции, что здесь означает — «с кресла, взгроможденного на сани, которые тянут козы».

— Это правда, Солнышко? — спросил он. — Ты что-то от нас скрываешь?

Солнышко подняла лицо кверху, взглянула на рекомендателя, потом на птичью клетку, вспомнив при этом, каково быть запертой в клетке.

— Да, — призналась она и достала из кармана мутовку.

Островитяне ахнули.

— Кто тебе это дал? — потребовал Ишмаэль.

— Никто не давал, — быстро вмешался Клаус, стараясь не глядеть на Пятницу. — Просто это уцелело вместе с нами во время шторма. — Клаус сунул руку в карман и достал записную книжку. — У каждого из нас что-то сохранилось, Ишмаэль. У меня — этот блокнот, а у сестры лента, которой она привыкла завязывать волосы.

Среди колонистов опять раздались испуганные возгласы. Вайолет достала из кармана ленту.

— Мы не имели в виду ничего плохого, — сказала она.

— Вам было рассказано про обычаи на острове, — сурово заявил рекоменда-

тель, — но вы предпочли их игнорировать. Мы были любезны, дали вам пищу, одежду и приют и даже разрешили оставить очки. А вы за это проявили нелюбезность по отношению к нам.

— Они совершили ошибку, — сказала Пятница. Она быстро отобрала у Бодлеров запретные предметы и бросила на Солнышко благодарный взгляд. — Пусть козы увезут эти вещи, и забудем про это.

— Я считаю это справедливым, — высказался Шерман.

— Согласен, — присоединился к нему профессор Флетчер.

— Я тоже. — Омерос подобрал гарпунное ружье.

Ишмаэль нахмурился, но, поскольку согласие выразили многие островитяне, он поддался давлению окружающих и одарил сирот притворной улыбкой.

— Что ж, пусть остаются, — сказал он, — если только не будут больше раскачивать лодку.

Он вздохнул и опять нахмурился, бросив случайный взгляд вниз. Пока шел

разговор, Невероятно Смертоносная Гадюка решила немного поплавать в мелкой воде и теперь глядела снизу прямо на Ишмаэля.

— Что это? — испуганно вскрикнул мистер Питкерн.

— Это дружелюбная змея, мы нашли ее на отмели, — объяснила Пятница.

— Кто вам сказал, что она дружелюбная? — строго спросил Фердинанд.

Пятница обменялась быстрым растерянным взглядом с Бодлерами. После всего

происшедшего наверняка безнадежно было бы убеждать островитян взять змею с собой на остров.

— Никто мне не говорил, — тихо ответила Пятница. — Просто у нее дружелюбный вид.

— Вид у нее невероятно смертоносный, — недовольно заметила Едгин. — Я предлагаю отвезти ее в чащобу.

— Зачем это нужно, чтобы в чащобе ползала змея? — возразил Ишмаэль, нервно поглаживая бороду. — Она может ужалить какую-нибудь из коз. Не стану вас принуждать, но, по-моему, ее следует оставить здесь, с Графом Олафом. Пойдемте, уже время ланча. Бодлеры, вы столкнете куб с книгами в чащобу, а...

— Нашу знакомую нельзя двигать с места, — прервала его Вайолет, указывая на лежащую без сознания Кит, — мы должны ей помочь.

— Я и не заметил, что там, наверху, кто-то еще, потерпевший кораблекрушение,— сказал мистер Питкерн, рассматривая голую ногу, свешивающуюся сверху. — Смотрите,

у нее такая же татуировка, как у этого негодяя!

— Она моя подруга, — послышался голос Олафа из клетки. — Вы должны или наказать нас обоих, или обоих освободить.

— Никакая она вам не подруга! — закричал Клаус. — Она — наш друг, и ей плохо!

— Похоже, с того момента, как вы к нам присоединились, колонии стали угрожать тайны и коварство. — Ишмаэль устало вздохнул. — До вас нам никого не приходилось наказывать, а теперь на острове появилась еще одна подозрительная личность.

— Дрейфусс? — произнесла Солнышко, подразумевая под этим — «в чем именно вы нас обвиняете?», но рекомендатель продолжал говорить, словно не слышал ее.

— Не стану вас принуждать, но, если вы хотите стать частью безопасного пристанища, которое мы создали, вы, я думаю, должны оставить здесь, на отмели, эту Кит Сникет. Правда, я о ней никогда не слыхал.

— Мы не оставим ее, — ответила Вайолет. — Она нуждается в нашей помощи.

— Повторяю — я не стану вас принуждать.— Ишмаэль в последний раз потянул себя за бороду. — До свидания, Бодлеры. Можете оставаться здесь, на прибрежной отмели, со своей подругой и книгами, раз они вам так дороги.

— Но что с ними будет? — спросила Уилла. — Приближается День Принятия Решения, отмель будет затоплена.

— Это их проблема, — ответил Ишмаэль и сделал властное движение головой и плечами (слово «властное», как вы, возможно, знаете, означает «повелительное и немного высокомерное»), давая знак поселенцам двинуться с места. И когда он передернул плечами, из рукава у него выкатился маленький предмет и шлепнулся прямо в лужу, едва не ударившись о птичью клетку с Олафом. Бодлеры не разглядели, что за предмет, да к тому же Ишмаэль сразу захлопал в ладоши, чтобы отвлечь внимание того, кто бы этим заинтересовался.

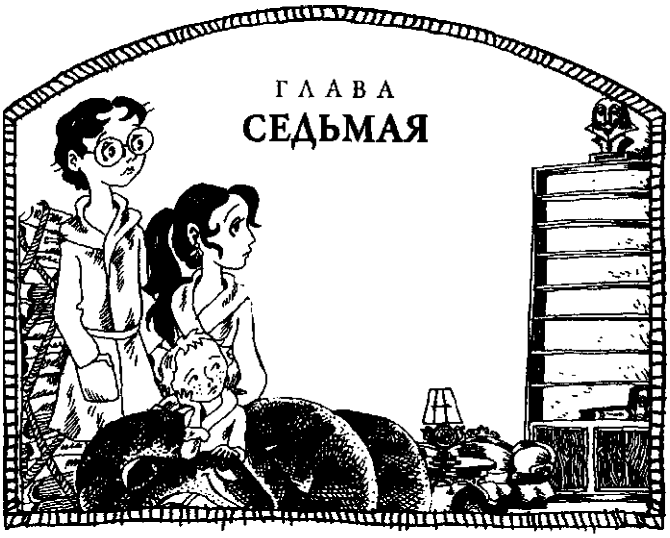
— Идем! — крикнул он, и козы потянули сани с креслом назад, к палатке.

Несколько островитян бросили взгляды на Бодлеров, как будто были не согласны с Ишмаэлем, но не смели противостоять давлению со стороны других поселенцев. У профессора Флетчера и у Омероса, имевших собственные секреты, был особенно огорченный вид, а Пятница готова была расплакаться. Она даже начала что-то говорить, но миссис Калибан шагнула к ней и решительно обняла девочку за плечи, так что та лишь грустно махнула Бодлерам рукой и ушла с матерью. Бодлеры до такой степени были ошеломлены, что даже не могли говорить. Вопреки ожиданию Графу Олафу не удалось одурачить обитателей острова, пусть и удаленного от мира. Его даже схватили и наказали. И все же Бодлеры не чувствовали себя в безопасности и уж конечно не чувствовали себя счастливыми, оказавшись брошенными на прибрежной отмели, точно обломки кораблекрушения.

— Это несправедливо,— выговорил наконец Клаус, но сказал это так тихо, что

удалявшиеся островитяне вряд ли услыхали его. Услышали его только сестры, змея, которую они не думали когда-нибудь встретить, и, разумеется, Граф Олаф, который сидел скрючившись в громадной нарядной птичьей клетке, и он единственный отозвался на слова Клауса.

— Жизнь вообще несправедлива, — сказал он своим обыкновенным голосом, и на этот раз бодлеровские сироты всецело с ним согласились.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тяжелейшая ситуация, в которой оказались бодлеровские сироты, оставленные на прибрежной отмели в обществе Кит Сникет, лежащей без сознания на верхушке книжного куба, Графа Олафа, запертого в клетке, и Невероятно Смертоносной Гадюки, свернувшейся у их ног, предоставляет удобный случай употребить выражение «над тремя Бодлерами нависли тучи». И не только потому, что этим днем над островом и впрямь навис одинокий сгусток сконденсированной воды, который Клаус

определил как облако кучевого типа. Выражение «нависли тучи» относится также к людям, которые впали в немилость в некоем сообществе, — например, в любой школе в каждом классе имеется по крайней мере один непопулярный соученик, или же во многих тайных организациях всегда есть по крайней мере один аналитик, находящийся под подозрением. Островное сообщество безусловно подвергло Бодлеров опале, и теперь даже в разгар жаркого, солнечного дня детям было зябко от холода подозрений и неодобрения колонистов.

— Прямо не верится, — произнесла наконец Вайолет. — Не верится, что нас бросили на отмели.

— А мы-то думали, здесь мы сможем забыть все, что происходило с нами раньше, — проговорил Клаус. — Но это место оказалось не безопаснее всех остальных, где мы побывали.

Вайолет оглядела отмель.

— Думаю, мы сможем ловить рыбу и собирать водоросли. Наша пища будет не

многим отличаться от той, которую едят на острове.

— Если костер, — задумчиво произнесла Солнышко, — тогда натертый солью карп.

— Мы не можем здесь жить, — напомнил Клаус. — Ожидается прилив, отмель зальет водой. Надо или жить на острове, или же придумать, каким образом вернуться назад.

— Нам не перенести плавания по морю без лодки, — сказала Вайолет, пожалев, что у нее нет ленты и ей не подвязать волосы.

— Кит перенесла, — возразила Солнышко.

— Должно быть, книги послужили ей плотом. — Клаус провел рукой по книжному кубу. — Но вряд ли она проделала большое расстояние на бумажном судне.

— Надеюсь, она встретилась с Квегмайерами, — сказала Вайолет.

— Надеюсь, она очнется и расскажет нам, что произошло, — сказал Клаус.

— Как ты думаешь, она серьезно пострадала? — спросила Вайолет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Без подробного врачебного осмотра решить это невозможно, — ответил Клаус. — Может быть, ее просто измотала буря.

— Тревожусь, — грустно сказала Солнышко. Она мечтала о сухом теплом одеяле, которым Бодлеры могли бы укрыть лежащую без чувств приятельницу.

— Мы не можем тревожиться только об одной Кит, — возразил Клаус. — Мы должны думать и о себе.

— Надо составить какой-то план, — устало проговорила Вайолет, и все трое Бодлеров вздохнули. Даже Невероятно Смертоносная Гадюка и та, похоже, вздохнула и сочувственно положила голову на ногу Солнышку.

Бодлеры стояли на прибрежной отмели и размышляли обо всех предыдущих тяжелейших ситуациях, и обо всех своих планах спасения, и о том, как каждый раз они попадали в очередную беду. Тучи, нависшие над ними, казалось, всё росли и сгущались, и дети так и простояли бы на месте неизвестно до каких пор, если бы

тишину не нарушил голос человека, запертого в клетке.

— У меня есть план, — сказал Граф Олаф. — Выпустите меня, и я расскажу, в чем он состоит.

Олаф говорил теперь нормальным голосом, но он звучал глухо из глубины клетки. Бодлеры повернулись и увидели как бы новый маскарадный костюм: желто-оранжевое платье закрывало теперь Олафа донизу, скрадывая округлый живот с его фальшивой беременностью и татуировку в виде глаза на щиколотке. Между прутьями лишь торчали пальцы рук и ног, да, если вглядеться, можно было различить блеск мокрых губ и один мигающий глаз пленника.

— Мы вас не выпустим, — отозвалась Вайолет, — у нас и так полно неприятностей, не хватает еще, чтобы вы оказались на свободе.

— Как угодно, — ответил Олаф, и платье его зашуршало, когда он сделал попытку пожать плечами. — Но только и вы, и я наверняка утонем, когда начнется прилив.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лодку вам не построить — островитяне забрали все обломки после шторма. И на острове вам не жить — поселенцы вас бросили. Хоть мы и потерпели кораблекрушение, мы по-прежнему в одной лодке, Бодлеры.

— Ваша помощь нам не нужна, Олаф, — сказал Клаус. — Начать с того, что, если бы не вы, мы бы здесь не очутились.

— Не будьте так уверены, — заметил Граф Олаф, и губы у него искривились в улыбке. — Все рано или поздно прибивает к этим берегам и попадает на суд к этому болвану в длинном платье. Думаете, вы первые Бодлеры, которые здесь побывали?

— Что имеете? — требовательно спросила Солнышко.

— Выпустите меня, — приглушенно хихикнул Олаф, — и узнаете.

Бодлеры с сомнением переглянулись.

— Опять пытаетесь перехитрить нас, — сказала Вайолет.

— Ясно, пытаюсь! — воскликнул Олаф. — Так уж устроен мир, Бодлеры. У каждого

– У меня есть план. Выпустите меня, и я расскажу, в чем дело.

Coca-Cola

свои тайны, свои умыслы, и каждый пытается перехитрить всех остальных. Ишмаэль перехитрил меня и засадил в клетку. Но я знаю, как перехитрить его и всю его братию. Если выпустите меня, я стану королем Олафленда, а вы трое сможете быть моими приспешниками.

— Мы не хотим быть вашими приспешниками, — запротестовал Клаус. — Мы только хотим оказаться в безопасном месте.

— В мире нет безопасных мест! — объявил Граф Олаф.

— Да, пока вы на свободе, — согласилась Вайолет.

— А я ничуть не хуже других, — возразил Олаф. — Ишмаэль такой же коварный, как я.

— Напыщ, — буркнула Солнышко.

— Я правду говорю, — настаивал Олаф, вероятно не поняв высказывания Солнышка. — Поглядите на меня! Запихали в клетку, а за что? Напоминает это тебе что-нибудь, глупый младенец?

— Сестра не младенец, — отпарировала Вайолет, — а Ишмаэль не коварный. Мо--

жет, он и заблуждается в чем-то, но он просто старается сделать остров безопасным пристанищем.

— Ах, вот как?! — Клетка затряслась от смеха. — А вы пошарьте в луже и посмотрите, что уронил Ишмаэль.

Бодлеры переглянулись. Они совсем забыли про выкатившийся из рукава рекомендателя предмет. Трое детей стали вглядываться в воду, а Невероятно Смертоносная Гадюка скользнула в темную глубину, вынырнула, держа что-то во рту, а потом вложила это Солнышку в протянутую руку.

— Мерси. — Солнышко в знак благодарности почесала змее голову.

— Что это? — Вайолет наклонилась, чтобы поближе рассмотреть змеиную добычу.

— Сердцевинка яблока, — сказал Клаус, и сестры увидели, что так оно и есть. От сердцевинки, лежащей на ладони у Солнышка, почти ничего не осталось — до такой степени она была обгрызана.

— Видите? — прозвучал голос Олафа. — Пока остальные островитяне спят,

Ишмаэль выскальзывает из палатки, добирается до чащобы на своих абсолютно здоровых ногах и один поедает яблоки! Ваш драгоценный рекомендатель просто фальшивый кумир на глиняных ногах!

Клетка опять затряслась от смеха, а Бодлеры сперва поглядели на яблочную середку, а потом друг на друга. «Кумир на глиняных ногах» — выражение, которое относится к человеку, который только кажется честным и настоящим, а на самом деле имеет скрытую слабость или коварную тайну. Если у кого-то обнаруживаются глиняные ноги, он падает в вашем мнении, как может упасть статуя, если у нее ненадежный пьедестал. Бодлеры считали, что Ишмаэль, конечно, поступил нехорошо, оставив их на прибрежной отмели, но они думали, что он хочет у бе-

речь других островитян от зла, так же как миссис Калибан хочет, чтобы чтение книг не выводило Пятницу из душевного равновесия. И хотя Бодлеров многое не устраивало в философии рекомендателя, они по крайней мере уважали тот факт, что он старается добиться того же, чего старались добиться сами Бодлеры с того страшного дня на пляже, когда стали сиротами, а именно: найти или создать безопасное пристанище, которое можно назвать домом. Но сейчас, при виде яблочной сердцевины, они осознали, что сказанное Графом Олафом — правда. Ишмаэль — кумир на глиняных ногах. Он лгал о своих болезнях. Он эгоистично забирал себе яблоки в чащобе, и он коварно оказывал давление на всех обитателей острова, заставляя делать всю работу. Глядя на предательские следы зубов рекомендателя на огрызке яблока, они вспоминали, как он утверждал, будто предсказывает погоду с помощью магии, и странное выражение глаз, когда говорил, будто на острове нет библиотеки, и задавались вопросом — какие еще тайны

скрывает бородатый рекомендатель. Вайолет, Клаус и Солнышко опустились на грядку мокрого песка, словно это у них были глиняные ноги, и прислонились к книжному кубу, размышляя о том, каким образом получилось, что, уплыв так далеко от большого мира, они столкнулись с теми же бесчестностью и коварством, что и всегда.

— И какой у вас план? — спросила Вайолет у Графа Олафа после долгого молчания.

— Выпустите меня из клетки, тогда скажу, — заявил Олаф.

— Сперва скажите, — возразил Клаус, — может, тогда и выпустим.

— Нет, сперва выпустите, — настаивал Олаф.

— Нет, сперва скажите, — настаивала Солнышко.

— Так весь день можно пререкаться, — прорычал негодяй. — Говорю вам, выпустите меня, а нет — так я унесу свой план в могилу!

— Мы и без вас что-нибудь придумаем. — Вайолет очень надеялась, что голос

ее звучит уверенно, хотя уверенности она совсем не чувствовала. — Нам удалось выбраться из множества затруднительных ситуаций без вашей помощи.

— У меня в руках единственное оружие, которым можно угрожать Ишмаэлю и его сторонникам.

— Гарпунное ружье? — спросил Клаус. — Но Омерос же забрал его с собой.

— Нет, не гарпунное ружье, школяр безмозглый, — отрезал Граф Олаф с презрением. Последнее слово означало — «пытаясь почесать нос в тесноте птичьей клетки».— Я говорю о медузообразном мицелии.

— Гриб! — выкрикнула Солнышко.

Сестра и брат ахнули, и даже Невероятно Смертоносная Гадюка выразила удивление на свой змеиный лад, когда негодяй рассказал им то, о чем, возможно, вы уже догадались.

— На самом-то деле я не беременный, — признался он с ухмылкой, еле различимой сквозь прутья клетки. — Под платьем у меня водолазный шлем со спорами медузообразного мицелия. Если выпустите меня,

я смогу угрожать всей компании смертельно ядовитыми грибами. Все эти болваны в длинных одеяниях станут моими рабами.

— А что, если они откажутся? — спросила Вайолет.

— Тогда я разобью шлем, — с торжеством крикнул Олаф, — и уничтожу все на острове.

— Но тогда и мы будем уничтожены, — запротестовал Клаус. — Споры отравят нас так же, как всех остальных. .

— О-хо-хо, — пробормотала Солнышко, имея в виду «больше ни за что». Не так давно младшая Бодлер уже отравилась медузообразным мицелием, и детям не хотелось думать о том, что произойдет, если не найдется васаби, чтобы нейтрализовать яд.

— А мы сбежим на их лодке, бестолочь, — огрызнулся Олаф. — Зря, что ли, здешние олухи строили ее весь год. Лучшее средство, чтобы оставить это место и отправиться туда, где кипит жизнь.

— Может быть, они и так нас отпустят, — предположила Вайолет. — Пятница

говорила, что любой, кто захочет покинуть колонию, может отплыть в лодке в День Принятия Решения.

— Много ли девчонка тут прожила, — фыркнул Граф Олаф. — Она все еще верит, будто Ишмаэль позволяет людям делать, что они хотят. Не будьте такими же тупицами, сироты.

Клаусу отчаянно хотелось, чтобы его записная книжка лежала сейчас, раскрытая, у него на коленях, а не валялась на другом конце острова со всеми другими запрещенными предметами.

— Откуда вы столько знаете про этот остров, Олаф? — настойчиво спросил он. — Вы же тут, как и мы, всего несколько дней.

— Как и вы, — издевательским тоном повторил негодяй, и клетка опять затряслась от его смеха. — Вы что же, воображаете, будто ваша трогательная история — единственная на свете? Думаете, этот остров только и ждал, когда вас выбросит на его берег? Думаете, я сидел дома и ждал сложа руки, пока вы, жалкие сироты, случайно попадетесь мне на пути?

— Босуэл, — буркнула Солнышко. Она имела в виду что-то вроде «ваша жизнь меня не интересует». А Невероятно Смертоносная Гадюка зашипела, очевидно соглашаясь с девочкой.

— Я мог бы нарассказать вам таких историй, Бодлеры! — глухо проскрипел Граф Олаф. — Я мог бы открыть вам такие тайны — о разных людях, о разных местах. Такие тайны, какие вы и вообразить не способны. Я бы рассказал вам про распри и расколы, которые начались еще до вашего рождения. Я мог бы даже рассказать кое-что о вас самих, чего вы даже и не подозреваете. Только отоприте дверцу, сироты, и я расскажу вам то, чего вам самим вовек не узнать.

Бодлеры переглянулись и вздрогнули. Даже при ярком свете дня, даже запертый в птичьей клетке, Граф Олаф все равно наводил страх. Казалось, существует нечто столь злодейское, что может угрожать им даже на краю света, запертое крепко-накрепко. Эти трое детей всегда были любознательными. Вайолет мечтала познать

тайны механического мира своим изобретательским умом с той минуты, как в кроватку ей положили первые клещи. Клаус мечтал прочесть все, что попадало ему в руки, с тех самых пор, как гость в бодлеровском доме начертал алфавит на стене его спальни. А Солнышко всегда изучала Вселенную при помощи зубов, сперва кусая все интересное, а позднее пробуя пищу на вкус более вдумчиво, чтобы усовершенствовать свои кулинарные таланты. Любознательность была отличительной чертой Бодлеров, поэтому можно было бы предположить, что им будет очень любопытно услышать побольше о тайнах, о которых упоминал негодяй. Но в словах Графа Олафа слышалось что-то очень, очень зловещее. Слушать его речи было все равно что стоять на краю глубокого колодца или гулять по высокой скале глубокой ночью. Или слышать странное шуршание у себя за окном спальни и знать, что в любой момент может произойти что-то опасное, из ряда вон выходящее. Слова Олафа заставили Бодлеров вспомнить ужасный

вопросительный знак на экране радара на «Квиквеге», олицетворяющий тайну, настолько грандиозную, что она не могла уместиться в их сердцах и умах, — нечто, пока скрытое от них и способное разрушить их жизнь, если тайна будет раскрыта. Подобного рода тайну Бодлерам не хотелось услышать ни от Графа Олафа, ни от кого бы то ни было; и хотя рано или поздно избежать этого было явно невозможно, дети все равно хотели этого избежать, и поэтому, не сказав ни слова человеку в клетке, они встали и обошли книжный куб кругом, откуда клетка с Олафом не была видна. И там они сели, прислонились к странному плоту и стали смотреть вдаль, на плоскую поверхность моря, стараясь не думать о том, что говорил им Олаф. Время от времени они делали по глотку из раковин, висевших у них на поясе, надеясь, что крепкий и незнакомый напиток отвлечет их от мыслей, крутившихся у них в голове. И всю вторую половину дня, пока солнце не опустилось за горизонт плещущего моря, бодлеровские сироты сидели, посасы-

вали сердечное и размышляли, осмелятся ли они когда-нибудь узнать, что откроется в сердцевине их горестной жизни, когда будут сняты слой за слоем — каждая тайна, каждый секрет и каждая беда.

Думать о чем-то — все равно что подбирать камни во время прогулки, собираясь либо бросать с берега камешки в воду, либо разбивать стеклянную дверь музея. Когда вы о чем-то думаете, походка у вас тяжелеет, и, по мере того как мыслей накапливается все больше, вы ощущаете все большую тяжесть, и под конец бремя мыслей становится невыносимым и вы уже не можете ступить ни шагу и способны лишь сидеть и смотреть на мягко набегающие волны океана или слушать мягкие шаги ох-

ранника и, думая слишком усиленно о слишком многом, не способны больше ни на какие действия. К тому времени, как солнце село и длинные тени легли на прибрежную отмель, бодлеровские сироты так отяжелели от мыслей, что не могли пошевелиться. Они размышляли об острове, о страшной буре, которая занесла их сюда, о лодке, которая выдержала шторм и спасла их, о собственном предательском поведении в отеле «Развязка», в результате чего им пришлось спасаться в одной лодке

с Графом Олафом, который сейчас перестал уже звать Бодлеров и громко храпел у себя в птичьей клетке. Они размышляли о колонии, о тучах, нависших над ними, когда островитяне подвергли их опале, о давлении окружающих, когда островитяне приняли решение бросить детей на отмели, о рекомендателе, с которого началось это давление, и о загадочном яблочном огрызке, который, с их точки зрения, был ничем не лучше, чем спрятанные Бодлерами предметы, в первую очередь и навлекшие на них неприятности. Они думали о Кит Сникет, о буре, из-за которой она очутилась на верхушке необычайного книжного плота в бессознательном состоянии. Думали о своих друзьях — тройняшках Квегмайрах, которых, возможно, тоже застиг шторм в открытом море, и о подводной лодке капитана Уиддершинса, лежавшей на дне, и о загадочном расколе, лежащем в основе всего происходящего подобно громадному вопросительному знаку. И наконец, как и всегда с наступлением сумерек, дети думали о родителях. Если вам прихо-

дилось терять кого-то из близких, вы знаете, что, думая о них, вы стараетесь представить, где они сейчас. Поэтому Бодлеры думали о том, как далеки от них сейчас мама и папа и как близко от них находится все зло мира — всего в нескольких шагах, запертое в клетке. Так они сидели и размышляли. Размышляла Вайолет, размышлял Клаус, размышляла Солнышко, и по мере того, как день склонялся к вечеру, мысли так навалились на них своей тяжестью, что им казалось — больше они не выдержат самой легковесной мысли. И тем не менее, когда на горизонте погасли последние солнечные лучи, у них нашлось еще о чем подумать, ибо в темноте они вдруг услышали знакомый голос, и тут им пришлось размышлять о том, что делать дальше.

— Где я? — спросила Кит Сникет, и шорох ее платья на верху книжного куба заглушил храп Олафа.

— Кит! — позвала Вайолет и быстро встала. — Вы проснулись?

единственная на свете? Однако не будем говорить о прошлом, Бодлеры. Расскажите, каким образом вы попали на этот остров?

— Точно так же, как и вы, — ответила Вайолет.— Нас сюда вынесло после кораблекрушения. Единственным способом, каким мы могли покинуть отель «Развязка», былЬ уплыть на лодке.

— Я знала, что вам грозила опасность, — сказала Кит. — Мы наблюдали за небом. Мы увидели дым и поняли, что вы подаете нам сигнал — предупреждаете, что присоединяться к вам опасно. Спасибо, Бодлеры. Я знала, что вы не подведете. Скажите, а Дьюи тоже с вами?

Слушать то, что говорила Кит, было почти невыносимо. Дым, который она видела, был следствием пожара, устроенного детьми в прачечной отеля, он быстро распространился по всему зданию, прервал суд над Графом Олафом и подверг опасности жизни всех находившихся в отеле людей — и негодяев, и волонтеров. А Дьюи, с грустью вам напоминаю, был вовсе не с Бодле-

рами, а лежал мертвый на дне пруда, сжимая руками гарпун, который дети выпустили ему прямо в сердце. Однако Вайолет, Клаус и Солнышко не могли заставить себя рассказать Кит всю историю целиком — пока не могли. Они не в состоянии были рассказать, что случилось с Дьюи и со всеми другими благородными людьми, с которыми они встретились, — пока не в состоянии. Сейчас не могли, пока еще не могли, а возможно, и никогда не смогут.

— Нет, — ответила Вайолет. — Дьюи здесь нет.

— С нами Граф Олаф, — сказал Клаус, — но он заперт.

— И змея, — добавила Солнышко.

— Ох, я рада, что Смолка уцелела! — воскликнула Кит, и Бодлеры прямо услышали, как она улыбается. — Это я дала такое прозвище Невероятно Смертоносной Гадюке. Она составила мне

компанию на этом плоту, после того как шторм разлучил нас с остальными.

— С Квегмайрами? — спросил Клаус. — Вы нашли их?

— Да. — Кит кашлянула. — Но их здесь нет.

— Не исключено, что их тоже сюда вынесет, — предположила Вайолет.

— Не исключено, — неуверенно отозвалась Кит. — Надеюсь, и Дьюи к нам присоединится. Нам понадобится как можно больше единомышленников, если мы хотим вернуться назад в большой мир и добиться правосудия. Но сперва давайте отыщем колонию, о которой я столько слышала. Мне необходимы душ и горячая пища, а потом я хочу услышать обо всем, что случилось с вами. — Она начала спускаться, но с криком боли остановилась.

— Вам нельзя двигаться, — быстро проговорила Вайолет, радуясь предлогу удержать Кит на прибрежной отмели. — У вас повреждена нога.

— У меня повреждены обе ноги, — удрученно поправила ее Кит и снова откину-

лась на спину. — Мне на ноги свалилось телеграфное устройство, когда субмарину атаковали. Мне нужна ваша помощь, Бодлеры. Надо найти для меня безопасное место.

— Мы сделаем все, что сможем, — отозвался Клаус.

— Может быть, помощь уже близка, — сказала Кит, — я вижу, кто-то идет.

Бодлеры обернулись и увидели в темноте крошечный, но очень яркий огонек, который быстро приближался, словно катился, с западной стороны. Сначала огонек казался просто светлячком, метавшимся по отмели, но потом дети поняли, что это фонарик, а вокруг него жмутся друг к другу несколько фигур в белых одеяниях, осторожно пробираясь между обломками. Свет фонарика напомнил Клаусу о том, как он проводил ночи дома, в бодлеровском особняке, читая под одеялом, а снаружи, в темноте, слышались таинственные звуки, которые, как уверяли родители, производил ветер даже и в безветренные ночи. Бывало, утром в комнату приходил отец, чтобы разбудить Клауса, и заставал его спящим

с фонариком в одной руке и с книгой в другой. И сейчас, по мере того как огонек приближался и приближался, среднему Бодлеру вдруг почудилось, что это его

отец спешит им на помощь. Но разумеется, это был не отец. Фигуры дошли до книжного куба, и дети разглядели лица двоих островитянок: фонарик держала Финн, а Едгин несла большую закрытую корзинку.

— Добрый вечер, Бодлеры, — сказала Финн. В неясном свете она выглядела еще моложе.

— Мы принесли вам поужинать. — Едгин протянула корзинку детям. — Мы беспокоились, что вы, наверно, очень проголодались.

— Очень, — призналась Вайолет.

Бодлерам, конечно, подумалось, что лучше бы островитянки выразили свою обеспокоенность при Ишмаэле и при всех остальных, когда колонисты решили бросить детей на прибрежной отмели. Но Финн открыла корзину, дети вдохнули запах привычного обеда — лукового супа — и решили не смотреть дареному коню в зубы, что в данном случае можно истолковать как «не отказываться от горячей пищи, как бы ни были они разочарованы в дарящих».

— А на нашу приятельницу хватит? — спросил Клаус. — Она пришла в сознание.

— Рада это слышать, — отозвалась Финн. — Тут на всех хватит.

— При условии, что вы сохраните в тайне наш приход, — добавила Едгин. — Ишмаэль может счесть наш поступок неуместным.

— Меня удивляет, что он не запретил пользоваться фонариками, — заметила Вайолет, когда Финн протянула ей раковину с дымящимся супом.

— Ишмаэль ничего не запрещает, — отозвалась Финн. — Он не заставлял меня выбросить фонарик, а только предложил, чтобы я бросила его на сани, которые козы отвезут в чащобу. Но вместо этого я потихоньку сунула фонарик в карман, а теперь мадам Нордофф тайно снабжает меня батарейками — за то, что я втайне учу ее петь по-тирольски. Ишмаэль считает, что пение по-тирольски может испугать островитян.

— А миссис Калибан потихоньку дала мне эту корзинку, — добавила Едгин, — в обмен на то, что я тайно научила ее плавать на спине. Ишмаэль считает, что плавать на спине не принято.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Миссис Калибан? — раздался в темноте голос Кит.— Миранда Калибан здесь?

— Да,— ответила Финн.— Вы ее знаете?

— Я знаю ее мужа. Мы с ним сражались бок о бок во время великой схватки. Мы и сейчас большие друзья.

— Должно быть, у вашей приятельницы после тяжелого путешествия в голове что-то перепуталось.— Едгин встала на цыпочки и протянула Кит раковину с супом. — Муж миссис Калибан несколько лет назад погиб во время шторма, который вынес ее на этот остров.

— Этого не может быть, — возмутилась Кит, протягивая руку и принимая раковину. — Я только на днях пила с ним кофе по-турецки.

— Миссис Калибан не из тех, кто любит секретничать, — заметила Финн. — Поэтому она и живет на острове. Это безопасное место, вдали от вероломного мира.

— Энигморама, — выпалила Солнышко, ставя свою раковину с остатками супа на песок, чтобы поделиться с Невероятно Смертоносной Гадюкой.

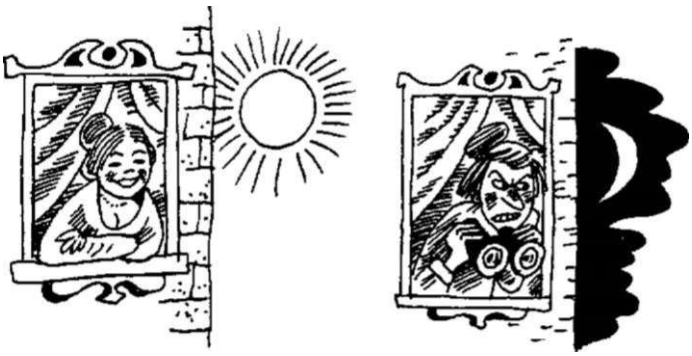
КОНЕЦ

— Сестра имеет в виду, что этот остров полон тайн, — объяснил Клаус, с тоской думая о своей записной книжке и обо всех содержащихся в ней тайнах.

— Боюсь, придется обсудить еще одну тайну,— сказала Едгин.— Выключи фонарик, Финн. А то, чего доброго, увидят с острова.

Финн кивнула и выключила свет. Бодлеры в последний раз на миг увидели друг друга, прежде чем их поглотила темнота, и с минуту все стояли молча, как будто страшась заговорить.

Много, много лет тому назад, когда даже прапрадедушкам и прапрабабушкам самых старых из знакомых вам людей не было еще и одного дня от роду и когда город, где родились Бодлеры, представлял собой всего лишь горстку глинобитных хижин, отель «Развязка» находился еще только в состоянии архитектурного замысла, а далекий остров имел название и совсем не считался таким уж далеким, существовала группа людей, которые назывались киммерийцами. Они были кочевниками, иначе говоря, по-



стоянно передвигались с места на место, и часто делали это ночью, когда не жгло солнце, а прибрежные отмели там, где они жили, не заливало водой. Оттого что они передвигались под покровом ночи, киммерийцев мало кому удавалось рассмотреть как следует, и поэтому их считали злокозненным и загадочным народом. Поэтому до сего дня то, что делается в темноте, имеет несколько зловещую репутацию. Например, мужчина, роющий у себя на заднем дворе яму в середине дня, выглядит садовником, но человек, копающий яму там же ночью, подозревается в том, что он хочет спрятать какую-то страшную тайну. Так же и про женщину, которая выглядывает из окна

в дневное время, думают, что она любуется пейзажем, но если она делает то же самое вечером, ее могут счесть шпионкой. На самом-то деле ночной копальщик, возможно, сажает дерево, желая сделать сюрприз своей племяннице, которая посмеивается над ним, глядя в окно, а вот дневная наблюдательница, возможно, как раз намерена шантажировать мнимого садовника, который закапывает улики своих жестоких преступлений. Однако по милости киммерийцев темнота превращает самые невинные занятия в подозрительные, вот почему во тьме, воцарившейся на прибрежной отмели, вопрос, который задала Фиона, показался Бодлерам зловещим, хотя такой вопрос могла задать любая учительница в школе.

— Знаете ли вы значение слова «мятеж»? — спросила Финн тихим и спокойным голосом.

Вайолет и Солнышко не сомневались, что отвечать будет Клаус, хотя они и сами прекрасно знали значение этого слова.

— Мятеж — это когда группа людей восстает против лидера.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Правильно, — одобрила Финн. — Меня научил этому слову профессор Флетчер.

— Мы пришли, чтобы сказать вам, что мятеж произойдет за завтраком, — вмешалась Едгин. — Все большее число колонистов чувствует, что им осточертели порядки на острове, и корень всех бед — Ишмаэль.

— Клубень? — переспросила Солнышко.

— «Корень всех бед» означает «причина всех проблем в колонии»,— объяснил Клаус.

— Именно, — подтвердила Едгин. — И мы воспользуемся Днем Принятия Решения, чтобы избавиться от Ишмаэля.

— Избавиться? — испуганно повторила Вайолет, так как слово это прозвучало в темноте зловеще.

— Мы хотим заставить его войти в построенную лодку сразу после завтрака, — продолжала Едгин, — мы столкнем лодку в море, когда отмель зальет водой.

— Человек, путешествующий по океану в одиночестве, вряд ли останется в живых, — сказал Клаус.

— Он будет не один, — объяснила Финн.— Некоторые островитяне поддерживают Ишмаэля. Если понадобится, их мы тоже вынудим сесть в лодку.

— Сколько? — спросила Солнышко.

— Трудно сказать, кто поддерживает Ишмаэля, а кто — нет, — ответила Едгин, и дети услышали, как она отхлебнула в темноте из фляги. — Вы же видели, как он действует. Говорит, что никого не принуждает, и тем не менее все ему подчиняются. Больше этого не будет. За завтраком мы выясним, кто на его стороне, а кто — нет.

— Едгин говорит, если надо, мы будем сражаться весь день и всю ночь, — подхва-

тила Финн. — Каждому придется принять ту или иную сторону.

Дети услышали тяжелый вздох с верхушки книжного куба.

— Раскол, — тихо произнесла Кит.

— Gesundheit[1], — возразила Едгин. — Вот почему мы пришли к вам, Бодлеры. Нам нужна всяческая помощь.

— После того как Ишмаэль бросил вас здесь, мы рассчитываем, что вы будете на нашей стороне, — добавила Финн. — Вы согласны, что он корень всех бед?

Бодлеры стояли, молча прижавшись друг к другу, и раздумывали об Ишмаэле и обо всем, что про него знали. Они думали о том, как любезно он принял их, когда они появились на острове, но как быстро бросил их на прибрежной отмели. Они думали о том, как охотно он предоставил им безопасное пристанище и не менее охотно запер Графа Олафа в птичью клетку. Они думали о том, как нечестно он себя вел, утверждая, что у него больные ноги, и тайком поедая

[1] **Здоровье** ***(нем.).***

яблоки. Но, думая обо всем том, что они знали о рекомендателе, дети думали также и о том, сколько еще им неизвестно о нем. Послушав разговоры Графа Олафа и Кит Сникет об острове, Бодлеры поняли, что не знают всей истории. Дети могли, конечно, согласиться с тем, что в Ишмаэле — корень всех бед, но наверняка они этого не знали.

— Не знаю, — ответила Вайолет.

— Не знаешь? — повторила Едгин недоверчивым тоном. — Мы принесли вам ужин, а Ишмаэль бросил вас здесь умирать с голоду, и вы не знаете, на чьей вы стороне?!

— Мы поверили вам, когда вы назвали Графа Олафа ужасным человеком, — сказала Финн. — Почему же вы не верите нам, Бодлеры?

— Вынуждать Ишмаэля покинуть остров выглядит как-то слишком, — ответил Клаус.

— Сажать человека в клетку тоже несколько слишком, — возразила Едгин, — но что-то я не слыхала, чтобы вы тогда протестовали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Quid pro quo?[1] — спросила Солнышко.

— Если мы вам поможем, — перевела Вайолет, — вы поможете Кит?

— У нашей приятельницы повреждены ноги, — пояснил Клаус. — Она больна и беременна.

— И отчаялась, — слабым голосом добавила Кит с верхушки плота.

— Если вы нам поможете одержать победу над Ишмаэлем, то мы доставим ее в безопасное место, — пообещала Финн.

— А если нет? — задала вопрос Солнышко.

— Мы не хотим принуждать вас, Бодлеры, — проговорила Едгин в точности как рекомендатель, которого ей хотелось победить, — но День Принятия Решения близок, и прибрежную отмель затопит прилив. Вы должны сделать выбор.

Бодлеры на это ничего не ответили, и какое-то время стояла тишина, нарушаемая лишь храпом Графа Олафа. У Вайолет,

[1] **Искаженное «qui pro quo» *(лат.)* — *букв.:* «одно вместо другого».**

Клауса и Солнышка, после того как они стали свидетелями всех несчастий, последовавших за расколом в Г. П. В., не было абсолютно никакого желания участвовать в здешнем расколе. Но они не видели способа избежать этого. Финн сказала, что они должны сделать выбор, однако выбирать между одинокой жизнью на прибрежной отмели, подвергая себя и раненую приятельницу опасностям, и участием в задуманном островитянами мятеже казалось им не ахти какой альтернативой. Они задумались над тем, многие ли испытывали те же сомнения, что и они, во время бесчисленных расколов, годами разделявших мир.

— Мы поможем вам, — наконец решилась Вайолет. — Что мы должны делать?

— Мы хотим, чтобы вы пробрались в чащобу, — ответила Финн. — Ты упоминала о своих технических способностях, Вайолет, а ты, Клаус, судя по всему, очень начитан. Все наши запрещенные штормовые находки сейчас нам очень пригодятся.

— Даже малышке удастся что-нибудь найти для стряпни, — добавила Едгин.

— А что вы имеете в виду? — спросил Клаус. — Что мы должны делать со всеми этими вещами?

— Разумеется, нас интересует оружие, — ответила Едгин из темноты.

— Мы надеемся удалить Ишмаэля с острова мирным путем, — быстро вставила Финн, — но Едгин считает, что на всякий случай оружие иметь надо. Ишмаэль заметит, если кто-то из нас отправится на другую сторону острова, но вам троим удастся перебраться через холм, найти или сделать какое-нибудь оружие прямо там, в чащобе, и принести нам сюда до завтрака, чтобы мы успели начать мятеж.

— Исключено! — крикнула слабым голосом Кит сверху. — Я и слышать не хочу, Бодлеры, чтобы ваши таланты использовали со злодейским умыслом. Я уверена, что островитяне могут разрешить свои проблемы, не прибегая к насилию.

— А вы решили ваши проблемы, не прибегая к насилию? — парировала Едгин. — Именно так вы изволили пережить великую схватку, о которой упоминали? И кончили

тем, что после кораблекрушения оказались на плоту из книг?

— Сейчас не обо мне речь, — возразила Кит. — Я беспокоюсь о Бодлерах.

— А мы беспокоимся о вас, Кит, — сказала Вайолет. — Нам нужно иметь как можно больше союзников, если мы хотим вернуться в большой мир и добиться торжества справедливости.

— Вам надо находиться в каком-то безопасном месте, чтобы залечить ноги, — добавил Клаус.

— И беби, — добавила Солнышко.

— Все это не причины, чтобы вставать на путь предательства, — проговорила Кит, хотя уже как-то неуверенно. Голос у нее был слабый, тихий; дети услышали, как зашуршали книги, когда она пошевелилась, пытаясь устроить поудобнее раненые ноги.

— Пожалуйста, помогите нам, — убеждала Финн, — а мы поможем вашей подруге.

— Должно же найтись такое оружие, которое припугнет Ишмаэля и его приверженцев, — сказала Едгин, и сейчас ее го-

лос звучал уже не как у Ишмаэля. Почти те же самые слова дети слышали из уст заточенного Графа Олафа, и они содрогнулись при мысли об оружии, которое он прятал в птичьей клетке.

Вайолет поставила на землю пустую суповую миску и взяла на руки младшую сестру, а Клаус взял фонарик у старой женщины.

— Мы вернемся как можно быстрее, Кит, — пообещала старшая Бодлер. — Пожелай нам удачи.

Плот покачнулся, Кит издала долгий печальный вздох.

— Желаю успеха, — выговорила она наконец. — Хотелось бы мне, чтобы все шло по-иному, Бодлеры.

— Нам тоже, — отозвался Клаус, и трое детей направились при свете узкого лучика в сторону колонии, которая бросила их на отмели.

Дети брели по прибрежной отмели, шаги их сопровождались тихими всплесками, и все время они слышали шелест Невероятно Смертоносной Гадюки, преданно

следовавшей за ними. Луны не было в помине, звезды скрыты облаками, оставшимися от последнего шторма, а возможно — предвещавшими новый, так что казалось, будто за пределами света от запретного фонарика остального мира не существует. С каждым неуверенным хлюпающим шагом на детей все сильнее наваливалась тяжесть, точно мысли их были камнями, которые они несли в чащобу, где их ждали запрещенные предметы. Бодлеры думали об островитянах и о мятежном расколе, который вскоре разделит колонию надвое. Они думали об Ишмаэле и пытались решить, заслуживает ли он, со своими секретами и обманами, быть изгнанным с острова. И они думали о медузообразном мицелии, прорастающем в шлеме, заключенном в олафовские объятия, и решали — обнаружат ли островитяне то оружие раньше, чем Бодлеры создадут другое. Дети брели в темноте точно так же, как до них делали многие другие люди, начиная от кочующих киммерийцев до отчаянных тройняшек Квегмайров, ко-

торые в эту минуту находились в обстановке столь же темной, но значительно более мокрой, чем Бодлеры. И по мере того как бодлеровские сироты приближались и приближались к острову, который их отверг, мысли все больше и больше угнетали их, и им тоже хотелось, чтобы все шло по-иному.

Выражение «пребывать во мраке» может, как вы наверняка знаете, относиться не только к окружающей темноте, но также и к тайнам, относительно которых вы пребываете в неизвестности. Ежедневно солнце садится и темнота окутывает эти тайны, поэтому каждый человек так или иначе оказывается во мраке. Если вы, например, загораете в парке, но не знаете, что запертая шкатулка находится на глубине в пятьдесят футов ниже одеяла, на котором вы лежите, то, значит, вы пребы-

ваете во мраке неизвестности, хотя на самом деле вы не в темноте, а на ярком солнце. А вот если вы совершаете ночной поход и знаете, что за вами по пятам гонятся несколько балерин, вы не пребываете во мраке, хотя вокруг вас темно. Разумеется, вполне возможно пребывать во мраке неизвестности в темноте, а также не пребывать во мраке в темноте, но в мире столько тайн, что так или иначе пребываешь во мраке, находитесь ли вы во мраке в темноте или во мраке не в темноте, хотя солнце может зайти так быстро, что можно оказаться во мраке относительно того, находитесь ли вы во мраке в темноте, но, оглядевшись, вы обнаруживаете себя уже не во мраке относительно пребывания во

мраке в темноте, и не только из-за темноты, но также из-за балерин в темноте, которые не пребывают во мраке относительно темноты, а также насчет запертой шкатулки, а вот вы можете оказаться во мраке неизвестности относительно того, что находитесь в темноте, но на самом деле заблуждаетесь относительно темноты и в результате можете свалиться в яму, которую выкопали балерины, к тому же оказаться в темноте, в тесноте и в пустоте.

Бодлеровские сироты, разумеется, оказывались в темноте много раз до того, как брели теперь в темноте вверх по склону на другую сторону острова, где чащоба хранила свои многочисленные секреты. Они побывали в темноте мрачного дома Графа Олафа и в темноте кинотеатра, куда их водил Дядя Монти, чтобы посмотреть чудесный фильм «Зомби в снегу». Их накрывали темные тучи урагана Герман, пронесшегося над озером Лакримозе. Их окружала темнота Конечного Леса, через который поезд мчал их к месту работы на лесопилке «Счастливые запахи». В Пруфрокской

подготовительной школе дети участвовали темными ночами в Особых Сиротских Пробежках и позднее в темноте карабкались вверх по шахте лифта в доме 667 по Мрачному Проспекту. Некоторое время дети провели в темной тюремной камере, когда жили в Городе Почитателей Ворон, и в темноте багажника олафовского автомобиля, который вез их от больницы в Пустоши, где их ожидали темные палатки Карнавала Калигари. Была в их жизни темная яма, которую они выкопали высоко в Мертвых Горах, и темный люк, через который они пролезали на борт «Квиквега», и темный вестибюль отеля «Развязка», где, как уже казалось, их темным дням придет конец. К этому можно добавить темные души, выглядывавшие из глаз Графа Олафа и его пособников, и темные записные книжки тройняшек Квегмайров, и все темные туннели и проходы, обнаруженные Бодлерами, одни из которых вели в особняк Бодлеров, другие — вон из хранилища документов, третьи — вверх, в штаб Г. П. В., четвертые — в темные-претемные

глубины, и были еще все темные проходы, которых дети не обнаружили, но по которым странствовали другие люди со столь же отчаянными заданиями. Но главным образом бодлеровские сироты оставались во мраке неизвестности относительно собственной печальной истории. Они не понимали, каким образом в их жизнь затесался граф Олаф или каким образом ухитрялся оставаться в ней и вынашивать интригу за интригой и никто его не останавливал. Они не понимали, как устроена организация Г. П. В., даже когда сами присоединились к ней, или каким образом этой организации со всеми ее кодами, заданиями и волонтерами не удавалось одолеть бессовестных злодеев и те снова и снова торжествовали победу, превращая каждое безопасное место в руины. И Бодлеры не понимали, как это произошло, что они потеряли родителей и родной дом в пожаре, и каким образом за этой громадной несправедливостью, этим скверным началом их печальной истории последовала еще одна несправедливость, и, еще одна, и еще, и

еще. Бодлеровские сироты не понимали, каким образом процветают несправедливость и вероломство даже здесь, так далеко от дома, на острове посреди обширного океана, а счастье и безвинность — прежние, на Брайни-Бич, до того, как мистер По сообщил им ужасную новость, — остаются недостижимыми. Бодлеры пребывали во мраке относительно загадок в своей жизни, поэтому таким потрясением явилась

Мистер По сообщил им ужасную новость...

надежда, что эти загадки вот-вот разрешатся. Дети заморгали от яркости встающего солнца и, оглядывая бесконечное пространство, которое занимала чащоба, задали себе вопрос: не пришел ли конец мраку, в котором они все это время пребывали.

«Библиотека» — еще одно слово, которое может иметь два разных значения, то есть даже в библиотеке вам не избежать путаницы и загадочности происходящего в мире. Наиболее распространенное значение слова «библиотека» относится к собранию книг или документов, и именно с такими библиотеками имели дело Бодлеры за время своих приключений и несчастий, от собрания юридических книг судьи Штраус и до отеля «Развязка», который сам по себе был грандиозной библиотекой, а, как выяснилось, вблизи была спрятана еще одна. Однако слово «библиотека» может относиться также к массе знаний или к источнику познания, — например, Клаус Бодлер был кладезем сведений, накопленных в мозгу, а Кит Сникет — источни-

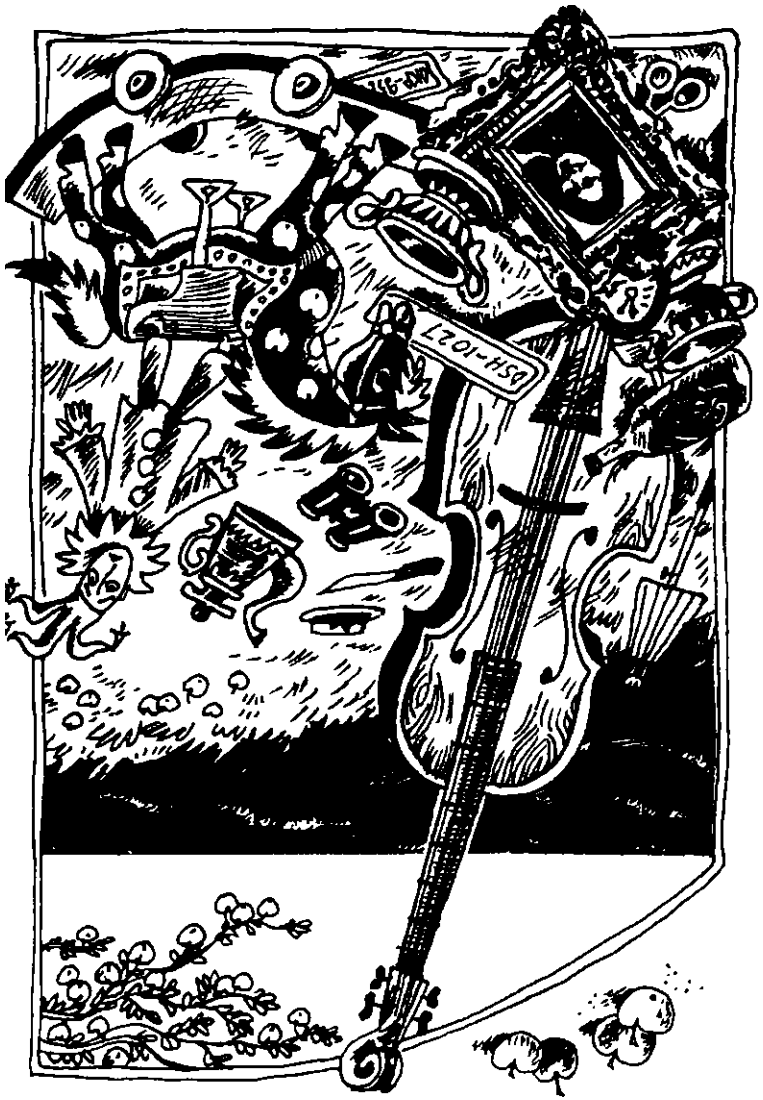
ком сведений для Бодлеров с ее рассказами об организации Г. П. В. и ее благородных задачах. Поэтому, когда я пишу, что бодлеровские сироты очутились в самой громадной библиотеке, с какими имели дело, я употребляю именно второе значение слова, ибо чащоба являла собой громадную массу знаний и была кладезем сведений, хотя дети там не увидели ни клочка бумаги. Предметы, которые прибило к берегам острова за многие годы, могли ответить на любые вопросы Бодлеров и на тысячи других вопросов, которые им еще не приходили в голову. Во все стороны, насколько хватало глаз, простирались нагромождения предметов, горы вещей, груды свидетельств, кипы материалов, скопления деталей, штабеля обломков, вороха вещиц, созвездия мелочей, галактики изделий и вселенные всяческого добра — собрание, скопление, масса, сосредоточение, сборище, толпа, стадо, стая и реестр всего на свете. Тут было все, что вмещал в себя алфавит: автомобили и абажуры, будильники и бусы, вазы и виолончели, графины

и гарроты[1], домино и диски, ермолки и ежегодники, жакеты и жаровни, замки и зонты, иконы и инструменты, кроссовки и кабели, лопаты и лампы, моторы и магниты, набойки и насосы, офтальмоскопы и оттоманки, парики и памятники, рамки и рюкзаки, станки и саксофоны, тарелки и таблетки, урны и уздечки, фены и ферменты, хлысты и хлопушки, центы и центрифуги, чемоданы и черепа, шиллинги и шапки, щетки и щеколды, этикетки и электромагниты, юбки и юрты, яхты и ящики, ну а также все, в чем можно содержать алфавит, — от картонной коробки, где отлично вмещаются двадцать шесть деревянных кубиков[2], до школьной доски, на которой прекрасно можно написать мелом двадцать шесть букв. Там были разные предметы в любом количестве, начиная от одного мотоцикла до бесчисленных китайских палочек для еды, а также предметы с цифрами на них — от автомобильных номерных

[1] Удушения в средневековой Испании.

[2] В английском алфавите двадцать шесть букв.

знаков до калькуляторов. Там валялись предметы, относящиеся к разным климатам, — от снегоступов до потолочных вентиляторов, а также предметы на все случаи жизни — от зубочисток до футбольных мячей, и те, которые можно использовать только в определенных случаях в определенном климате, например непромокаемый комплект для приготовления фондю. Там были газетные вкладки и книжные закладки, верхнее платье и нижнее белье, жесткая кожаная обивка и мягкие пуховые кашне, электроплитки и мороженицы, колыбели и гробы — одно пришло в полную негодность, другое было слегка повреждено и подлежало небольшой починке, третье — новое, с иголочки. Некоторые предметы были знакомы Бодлерам, например треугольная рамка и медная лампа в форме рыбы, а попадались предметы, которых Бодлеры никогда не видали, скажем скелет слона и блестящая зеленая маска, которую кто-то надевал, изображая на маскараде стрекозу. Про некоторые предметы Бодлеры не могли сказать, видали они их



раньше или нет, например деревянная лошадь-качалка и кусок резины, похожий на ремень от вентилятора. Там были вещи, с виду имевшие отношение к истории Бодлеров, например пластиковая копия клоуна и сломанный телеграфный столб, а другие вещи были, видимо, частью чужих историй, к примеру вырезанная из дерева черная птица и драгоценный камень, сиявший, как яркая луна в полнолуние. И все эти предметы, имевшие свою историю, были разбросаны вокруг таким образом, что Бодлерам казалось — либо чащоба организована по какому-то определенному загадочному принципу, либо никак не организована. Короче говоря, Бодлеры очутились в самом большом хранилище, какие только им встречались, но не знали, откуда начинать поиски. Они стояли молча, в оцепенении, и долго оглядывали бескрайний ландшафт — а потом подняли головы и посмотрели на самый большой предмет: он возвышался над чащобой и укрывал ее всю своей сенью. Это была яблоня толщиной с большой дом, ветви ее были длиной с городскую улицу.

Она защищала хранилище от частых штормов и предоставляла свои горькие яблоки любому, кто осмеливался сорвать их.

— Нет слов, — шепнула Солнышко.

— У меня тоже, — подтвердил Клаус. — Не могу глазам поверить. Правда, островитяне говорили, что в конце концов к здешним берегам прибивает все, но я и не представлял, что чащоба столько в себя вмещает.

Вайолет подобрала вещицу, лежавшую у нее под ногами, — розовую ленту с пластиковыми маргаритками — и стала завязывать себе волосы. Те, кто не общался с Вайолет постоянно, не усмотрели бы в этом ничего особенного, но те, кто знал ее хорошо, понимали: если она хочет, чтобы волосы не лезли ей в глаза, значит, колесики и рычажки в ее изобретательском мозгу закрутились вовсю.

— Только представить, сколько я бы тут могла всего соорудить, — сказала она.— Я могла бы сделать лубки для ног Кит, лодку, которая увезла бы нас с острова, фильтрационную систему для пресной воды. — Голос ее замер. Она смотрела вверх, на ветви яблони. — Я могла бы построить все, что угодно.

Клаус подобрал вещь, лежавшую под ногами, — шапочку из алого шелка — и сказал, держа ее перед собой:

— В таком месте, как это, наверное, таятся бесчисленные секреты. Даже и без всяких книг я мог бы исследовать все подряд.

Солнышко огляделась.

— Обслуживание а-ля рюсс, — сказала она, имея в виду нечто вроде «даже из простейших ингредиентов я могла бы приготовить изысканное блюдо».

— Не знаю, с чего и начать. — Вайолет провела рукой по груде светлых досок — похоже, остатков бельведера[1].

— Начнем с оружия, — хмуро произнес Клаус. — Для этого мы сюда и пришли. Едгин и Финн ждут от нас помощи в бунте против Ишмаэля.

Старшая Бодлер покачала головой.

— По-моему, это неправильно, — сказала она. — Нельзя использовать это место для содействия расколу.

[1] **Бельведер — беседка на крыше здания или на горке с видом на окрестности.**

— Но может быть, раскол необходим, — возразил Клаус. — Здесь накопились миллионы вещей, которые могли бы пригодиться колонии, но из-за Ишмаэля они пропадают тут зря.

— Никто никого не заставляет выбрасывать вещи, — напомнила Вайолет.

— Давление окружающих, — подсказала Солнышко.

— Мы и сами можем оказать некоторое давление, — твердо сказала Вайолет. — Нам удавалось одолеть куда худших личностей, чем Ишмаэль, и с меньшим запасом подсобных средств.

— А мы в самом деле хотим одолеть Ишмаэля? — задал вопрос Клаус. — Он сделал остров безопасным, хотя и немного скучным. Он обезвредил Графа Олафа, хотя и несколько жестоким способом. Ноги у него глиняные, но я не уверен, что он — корень всех бед.

— А в чем корень бед? — спросила Вайолет.

— Смолка, — вдруг выпалила Солнышко.

Старшие удивленно воззрились на нее, но быстро поняли, что младшая Бодлер не

отвечает на их вопрос, а просто указывает на Невероятно Смертоносную Гадюку, которая заскользила куда-то в сторону, стреляя туда-сюда глазами и высовывая язык, как бы ощупывая воздух.

— Похоже, она знает, куда ей надо, — заметила Вайолет.

— Может, она здесь уже бывала? — предположил Клаус.

— Заней,— проговорила Солнышко, что означало «давайте пойдем за нею и поглядим, куда она направляется». И, не дожидаясь согласия старших, она кинулась вдогонку за змеей, а Вайолет с Клаусом кинулись вдогонку за сестрой.

Путь пресмыкающегося был такой же извилистый и петлистый, как она сама, и Бодлерам пришлось не раз перелезать через всевозможные препятствия — от картонного ящика, промокшего во время бури, полного чего-то белого и кружевного, до раскрашенного задника, изображающего закат, который, вероятно, использовали в какой-то оперной постановке. Дети определили, что по этой тропе кто-то уже ходил, так как зем-

ля была покрыта следами ног. Змея передвигалась с такой скоростью, что Бодлеры не поспевали за ней, но зато они шли по следам, присыпанным по краям чем-то белым. Это, конечно, была высохшая глина. Дети быстро дошли до конца тропы, по которой ходил Ишмаэль, и оказались у подножия яблони как раз вовремя — они успели заметить кончик змеиного хвоста, исчезающий в дыре между корнями яблони. Если вы когда-нибудь стояли у подножия старого дерева, то знаете, что корни очень часто выходят на поверхность и тогда искривленные их углы образуют пустое пространство под стволом. В это-то пустое пространство и скользнула Невероятно Смертоносная Гадюка, а спустя какую-нибудь секунду нырнули за нею и Бодлеры. Их разбирало любопытство —

какие тайны откроют они под корнями дерева, укрывающего столь загадочное место. Сперва Вайолет, потом Клаус, а затем Солнышко спустились в потайную пещеру. Под корнями было темно, и в первые минуты Бодлеры старались приспособиться к мраку и понять, где они. Но потом средний Бодлер вспомнил про фонарик и включил его, чтобы он и сестры, пребывая во мраке, хотя бы не находились в темноте.

Сироты стояли в более просторном, чем предполагали, помещении и гораздо более благоустроенном. Вдоль одной стены шла большая каменная скамья, и на ней лежали простые и опрятные инструменты, включая несколько острых бритвенных лезвий, а также стояла стеклянная миска с клеем и рядом — несколько кисточек с узкими тонкими кончиками. Вплотную к стене стоял стеллаж, сплошь уставленный книгами всех форм и размеров и всевозможными документами, аккуратно сложенными стопкой, или скатанными в трубку, или же скрепленными скрепками. Полки уходили куда-то в глубину, куда не доставал луч фонарика,

и исчезали в темноте, так что невозможно было определить, какой длины стеллаж и какое количество книг и документов он содержит. Напротив книжных полок расположилась элегантная кухня с большой пузатой печкой, несколькими фаянсовыми раковинами и высоким гудящим холодильником; квадратный деревянный стол был уставлен кухонными принадлежностями — от миксера до набора для приготовления фондю. Над столом висела полка с крючками, на которых болтались всевозможные кастрюльки и сковородки, а также пучки трав, вяленая рыба и даже немного копченого мяса — салями и прошютто (итальянская ветчина, которой бодлеровские сироты однажды вместе с родителями наслаждались на сицилийском пикнике). К стене же была прибита живописная полка со специями, на которой толпились многочисленные большие банки с травами и баночки с приправами; стоял тут также буфет со стеклянными дверцами, сквозь которые виднелись стопки тарелок, миски и кружки. Центр этого огромного пространства занимали

два больших, удобных для чтения кресла — на сиденье одного лежала гигантская книга, гораздо больше географического атласа и даже толще большого толкового словаря, а другой готов был принять любого читающего. И наконец, дети увидели непонятное медное сооружение, имеющее вид большой трубы с парой биноклей внизу; оно поднималось вверх и уходило в толщу корней, образующих потолок. Невероятно Смертоносная Гадюка гордо зашипела, как могла бы завилять хвостом собака, выполнив трудное задание, а трое детей огляделись вокруг, сосредоточиваясь каждый на своей области компетенции, иначе говоря, «на той части комнаты, в которой каждый из Бодлеров хотел бы проводить время».

Вайолет направилась к медному устройству и заглянула в окуляры.

— Я вижу океан! — с удивлением воскликнула она. — Это огромный перископ, и он гораздо больше того, что был на «Квиквеге». Наверное, он поднимается на высоту ствола и выдается над самой верхней ветвью.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Кому может прийти в голову смотреть на океан отсюда? — удивился Клаус.

— С такой высоты видны штормовые облака, — объяснила Вайолет, — когда они движутся в эту сторону. Таким образом Ишмаэль и предсказывает погоду — не с помощью магии, а с помощью научного оборудования.

— А этими инструментами он реставрирует книги, — сказал Клаус. — Книги тоже прибивает к этим берегам, как в конце концов и все остальное. Но страницы и переплеты портятся от воды, поэтому Ишмаэль чинит их и ставит на полки. — Клаус подобрал темно-синюю книжку, лежавшую на скамье. — А вот и моя записная книжка, — сказал он. — Наверное, Ишмаэль хотел убедиться, что страницы не промокли.

Солнышко взяла со стола знакомый предмет — мутовку — и поднесла к носу.

— Оладьи, — произнесла она. — Корица.

— Ишмаэль посещает чащобу, наблюдает за штормами, читает книги и готовит блюда со специями, — сказала Вайолет. — Но зачем ему притворяться больным рекомендателем, который предсказывает погоду с помощью магии, зачем утверждать, что на острове нет библиотеки, и настаивать на пресной пище?

Клаус подошел к большим креслам и приподнял толстый, тяжелый том.

— Может быть, это нам что-то скажет. — Он посветил фонариком, чтобы сестры тоже увидели странное заглавие на обложке.

Клаус заметил вложенную между страницами полоску черной материи, отмечающую какое-то место, и открыл на той странице книгу. Закладка оказалась ленточкой Вайолет, и старшая Бодлер быстро выхватила ее, так как розовая лента с пластиковыми цветочками совсем не соответствовала ее вкусу.

— Я думаю, это история острова, — сказал Клаус, — написанная в форме дневника. Глядите, вот последняя запись: «Еще одну личность из мрачного прошлого прибило к

нашим берегам — Кит Сникет (см. стр. 667). Убедил остальных бросить на отмели ее и Бодлеров, которые и без того, боюсь, уже чересчур раскачали лодку. Сумел также запереть Графа Олафа в клетку. Вопрос к себе: почему никто не называет меня Иш?»

— Ишмаэль говорил, что никогда не слыхал о Кит Сникет, — заметила Вайолет, — а тут пишет, что она личность из мрачного прошлого.

— Шесть, шесть, семь, — произнесла Солнышко, и Клаус кивнул. Сунув фонарик в руку старшей сестры, он стал быстро листать книгу в обратную сторону, пока не дошел до упомянутой страницы.

— «Смолка научилась накидывать лассо на коз, — прочел вслух Клаус, — а последний шторм принес открытку от Кит Сникет, адресованную Оливии Калибан. Кит, естественно, сестра...»

Голос среднего Бодлера замер, и сестры с любопытством уставились на него.

— В чем дело, Клаус? — спросила Вайолет. — В этой записи как будто нет ничего загадочного.

— Дело не в самой записи, — ответил Клаус так тихо, что сестры едва расслышали. — Дело в почерке.

— Знакомо? — спросила Солнышко, и все трое Бодлеров прижались друг к другу и молча застыли в луче фонарика, как будто обогреваясь у костра в морозную ночь в спортивном лагере.

Все трое устремили взгляды на страницы книги со странным названием. Даже Невероятно Смертоносная Гадюка вползла наверх и устроилась на плече у Солнышка, как будто ей тоже, как и сиротам, не терпелось узнать, кто написал когда-то эти строки.

— Да, Бодлеры, — послышался голос с дальнего конца комнаты, — это почерк вашей матери.

Ишмаэль выступил из темноты и, проводя рукой по книжным полкам, медленно направился к бодлеровским сиротам. В неярком свете фонарика дети не могли разглядеть из-за косматой бороды, улыбается он или хмурится, и это напомнило Вайолет кое-что почти полностью забытое. Давным-давно, до того, как родилась Солнышко, Вайолет с Клаусом затеяли за завтраком спор — чья очередь выносить мусор. Казалось бы, пустячная проблема, но один из тех случаев, когда спорящие так

увлеклись, что уже не могут остановиться. Целый день после этого дети бродили по дому, выполняя разные поручения, но почти не разговаривали друг с другом. Наконец после долгого безмолвного ужина, во время которого родители пытались помирить их, иначе говоря, «заставить признать, что абсолютно не важно, чья очередь, важно лишь вынести мусор из кухни, пока запах не распространился по всему дому», Вайолет с Клаусом отослали в постель без десерта и даже не дали им пяти минут на чтение. Но когда Вайолет уже совсем засыпала, у нее родилась идея создать такое приспособление, благодаря которому никогда никому не придется выносить мусор. Она включила свет и начала набрасывать в блокноте чертеж. Она так углубилась в это занятие, что не расслышала шагов в коридоре за дверью, поэтому, когда вошла мама, Вайолет не успела погасить свет и притвориться спящей. Вайолет уставилась на маму, а мама уставилась на нее, и в неясном свете ночника Вайолет не могла разглядеть, улыбается

мама или хмурится, сердится она на дочь за то, что она не легла вовремя спать, или это ей не так уж важно. Наконец Вайолет увидела, что мама несет чашку горячего чая. «На, детка, — сказала мама ласково, — я знаю, как анисовый чай помогает думать». Вайолет взяла дымящуюся чашку и в тот же момент вдруг сообразила, что выносить мусор была как раз ее очередь.

Ишмаэль не предложил бодлеровским сиротам никакого чая, а когда он щелкнул выключателем на стене и в потайном помещении под яблоней вспыхнул электрический свет, дети увидели, что Ишмаэль не улыбается и не хмурится, а у него какая-то смесь выражений на лице, словно он так же нервничает из-за Бодлеров, как и они из-за него.

— Я знал, что вы сюда доберетесь, — произнес он после долгого молчания. — Это у вас в крови. Мне никогда еще не встречались Бодлеры, которые не раскачивали бы лодку.

Бодлеры почувствовали, что все их вопросы мечутся у них в голове, налетая

друг на друга, точно обезумевшие матросы, которые покидают тонущее судно.

— Что это за место? — спросила Вайолет. — Откуда вы знаете наших родителей?

— Зачем вы лгали нам о столь многом? — требовательно спросил Клаус. — Зачем вы столько всего держите в секрете?

— Кто вы? — выпалила Солнышко.

Ишмаэль сделал еще шаг к Бодлерам и, опустив голову, посмотрел на Солнышко, а она посмотрела вверх на него, а потом опять вниз — на ноги, упакованные в глину.

— Знаете ли вы, что когда-то я был школьным учителем? Много лет назад, еще в городе. В моих классах по химии всегда попадалось несколько детей с таким же блеском в глазах, что у вас, Бодлеры. Эти ученики всегда писали наиболее интересные работы. — Он вздохнул и уселся в одно из больших кресел в центре комнаты. — Но они же доставляли больше всего хлопот. В особенности один ребенок, с жесткими торчащими волосами и всего одной бровью.

— Граф Олаф, — вставила Вайолет.

Ишмаэль нахмурился и моргнул, глядя на старшую из Бодлеров.

— Нет, — ответил он. — Это была маленькая девочка. У нее была одна бровь, а из-за взрыва в дедушкиной лаборатории —

только одно ухо. Она была сиротой и жила с сестрой и братом в доме отвратительной женщины, горькой пьяницы, которая прославилась тем, что однажды убила мужчину спелой дыней. Дыня росла на ферме, которой больше не существует, — на дынной ферме «Счастливые запахи», принадлежавшей...

— Сэру, — прервал его Клаус.

Ишмаэль опять нахмурился.

— Нет, — сказал он. — Фермой владели два брата, из которых один позднее был убит в маленьком городке, где в убийстве обвинили троих невиновных детей.

— Жак, — подсказала Солнышко.

— Нет. — Ишмаэль снова насупил брови. — Имя его, собственно, вызывало споры, так как он появлялся под разными именами, в зависимости от того, что на себя надевал. Так или иначе, ученице из моего класса начал казаться подозрительным чай, которым поила ее опекунша, когда девочка приходила из школы домой. Она стала выливать его в домашнее растение, которое украшало в свое время известный модный ресторан с рыбной тематикой.

— Кафе «Сальмонелла», — подсказала Вайолет.

— Нет. — Ишмаэль опять нахмурился.— Бистро «Корюшка». Разумеется, моя ученица понимала, что не может поливать растение чаем бесконечно, тем более что оно погибло, а владельца его перебросили в Перу на борту таинственного судна...

— «Просперо», — закончил Клаус.

Ишмаэль наградил детей еще одной недовольной гримасой.

— Да, — ответил он, — хотя в то время судно называлось «Перикл». Но моя ученица этого не знала. Она просто не хотела быть отравленной. У меня же возникла мысль, что противоядие, возможно, спрятано...

— Рыск, — прервала его Солнышко, и старшие Бодлеры кивнули, соглашаясь с ней. Под словом «рыск» Солнышко подразумевала отклонение от курса, или, по-другому, что «рассказ Ишмаэля тангенциален»[1], и слово это здесь означало «отвечал не на те вопросы, которые задавали Бодлеры».

— Мы хотим знать, что происходит на острове сейчас, — сказала Вайолет, — а не то, что происходило в школе много лет назад.

— Но то, что происходит сейчас и происходило тогда, — части одной истории, —

[1] Тангенциальный — математическое понятие, означающее «направленный по касательной»; *здесь:* внезапно отклоняющийся от темы.

возразил Ишмаэль. — Если я не расскажу вам, каким образом я стал предпочитать чай, горький как полынь, тогда вы не узнаете, каким образом у меня завязался очень важный разговор с официантом в городке, стоящем на берегу озера. А если я не расскажу об этом разговоре, вы не будете знать, каким образом я очутился на некоем батискафе, или каким образом потерпел кораблекрушение в здешних водах, или каким образом познакомился с вашими родителями, и обо всем прочем, что содержится в этой книге. — Он взял у Клауса тяжелый том и провел пальцами по корешку, на котором золотыми печатными буквами было выведено странное заглавие. — Разные люди записывали свои истории в этой книге с тех пор, как на остров выбросило первых потерпевших, и все эти истории так или иначе связаны друг с другом. Если задать один вопрос, он неизбежно повлечет за собой другой, и еще один, и еще. Это похоже на то, как чистишь луковицу.

— Но ведь невозможно прочесть каждую историю и ответить на каждый во-

прос, — запротестовал Клаус, — даже если бы и хотелось.

Ишмаэль улыбнулся и подергал себя за бороду.

— Именно так считали и ваши родители. Когда я оказался здесь, они жили на острове уже несколько месяцев и успели стать рекомендателями в колонии. Они предложили кое-какие новые обычаи. Ваш отец предложил уцелевшим строителям установить перископ в яблоне, чтобы следить за штормами, а ваша мама предложила уцелевшему водопроводчику разработать очистительную систему, чтобы пресная вода текла прямо из крана. Ваши родители положили начало новому хранилищу, собрав все имевшиеся документы, и вписывали сотни новых историй в эту книгу. Готовились изысканные блюда. Ваши родители убедили некоторых из уцелевших расширить подземное пространство. — Он махнул рукой вдоль рядов полок с книгами, уходящих в темноту. — Они хотели прокопать туннель, который бы вел к Центру Морских Исследований и Службе

Риторических Советов в нескольких милях отсюда.

Потрясенные Бодлеры обменялись взглядами. Капитан Уиддершинс описывал именно такое место, да, собственно, дети провели несколько ужасных часов в подвале разрушенного Центра.

— Вы хотите сказать, если идти вдоль полок, — проговорил Клаус, — мы попадем в «Ануистл Акватикс»?

— Туннель не достроили, и это большая удача. Центр Исследований сгорел, пожар мог распространиться и достигнуть острова по туннелю. К тому же оказалось, что в Центре находился смертельно ядовитый гриб. *Я* с ужасом думаю о том, что могло бы случиться, если бы медузообразный мицелий добрался до здешних мест.

Бодлеры переглянулись, но промолчали, предпочтя придержать в тайне один из своих секретов, хотя Ишмаэль и поделился с ними кое-какими из своих. История бодлеровских сирот, может, и была связана с историей Ишмаэля о ядовитых спорах, которые находились в водолазном шлеме под

платьем у Графа Олафа, запертого в птичьей клетке, но дети не видели причины расстаться с этой информацией.

— Одни островитяне считали туннель замечательной идеей, — продолжал Ишмаэль. — Ваши родители хотели перенести все документы, выброшенные морем на остров, в «Ануистл Акватикс», а оттуда переправить младшему из двух помощников старшего библиотекаря, который располагал тайной библиотекой. Другие же островитяне хотели бросить ваших родителей на прибрежной отмели. — Рекомендатель тяжело вздохнул и закрыл толстую книгу, лежавшую у него на коленях. — Я угодил в самый разгар той истории, как вы угодили в самый разгар теперешней. Кто-то из островитян отыскал оружие в чащобе, и дело могло принять скверный оборот, если бы я не убедил колонию выслать ваших родителей. Мы разрешили им уложить немного книг в рыбачью лодку, которую построил ваш отец, и рано утром, когда начался прилив, ваши родители с несколькими союзниками покинули отмель.

Они оставили здесь все, что создали, — от перископа, которым я пользуюсь, чтобы предсказывать погоду, до книги записей, которую я продолжаю.

— Вы прогнали наших родителей?! — с изумлением спросила Вайолет.

— Им было грустно покидать остров, — продолжал Ишмаэль. — Твоя мама, Вайолет, была беременна тобой, и, кроме того, после всех лет, проведенных в организации Г. П. В., вашим родителям не так уж хотелось подвергнуть своих детей людскому вероломству. Но они не понимали, что вы все равно подверглись бы людскому вероломству, будь туннель закончен. Раньше или позже в истории каждого человека случается то или иное несчастье: раскол или смерть, пожар или мятеж, утрата родного дома или разбитый сервиз. Единственный выход, разумеется, — жить как можно дальше от большого мира и вести простую, безопасную жизнь.

— Поэтому вы и прячете так много полезных предметов от остальных колонистов, — заметил Клаус.

— Это как посмотреть, — отозвался Ишмаэль. — Я хотел, насколько мог, обезопасить это место, поэтому, когда стал рекомендателем, я и сам ввел кое-какие новые обычаи. Я переселил колонию на другую сторону острова, обучил коз утаскивать подальше оружие, потом книги и механические приспособления, чтобы никакие отбросы большого мира не мешали нашей безопасности. Я предложил одинаково одеваться, есть одну и ту же пищу, дабы избежать будущих расколов.

— Джоджишоджи, — буркнула Солнышко, что означало нечто вроде «я не верю, что ограничение свободы самовыражения

и свободного использования этого права — верный способ управлять сообществом».

— Солнышко права, — поддержала сестру Вайолет. — Другие островитяне могли быть не согласны с этими новыми обычаями.

— Я их не принуждал, — возразил Ишмаэль. — Но конечно, сердечное из кокоса помогало. Перебродивший напиток так

крепок, что служит своего рода наркотиком.

— Усыплять? — осведомилась Солнышко.

— Наркотики делают людей сонными и вялыми, — объяснил Клаус, — и отбивают память.

— Чем больше сердечного пили островитяне, тем меньше думали о прошлом или жаловались на отсутствие нужных вещей, — подтвердил Ишмаэль.

— Вот почему никто не покидает остров, — заметила Вайолет. — Они слишком сонные, чтобы даже думать об этом.

— Изредка кто-то покидает, — сказал Ишмаэль и бросил взгляд на Невероятно Смертоносную Гадюку, которая издала короткое шипение. — Какое-то время назад отплыли две женщины и взяли с собой эту самую змею, а спустя пару лет за ними последовал человек по имени Четверг с горсткой единомышленников.

— Так, значит, Четверг жив, — сказал Клаус, — как и говорила Кит.

— Да, — подтвердил Ишмаэль, — но по моему совету, чтобы девочку не волновал

раскол, разлучивший ее родителей, Миранда сказала дочери, что он погиб во время шторма.

— Электра[1] , — произнесла Солнышко, желая сказать: «Не должны в семье скрывать такие ужасные тайны», но Ишмаэль не поинтересовался переводом.

— За исключением этих бунтовщиков, — продолжал он, — другие остались здесь. И почему бы и не остаться? Большинство колонистов — сироты, как я и как вы. Я знаком с вашей историей, Бодлеры, по газетным статьям, полицейским протоколам, финансовым бюллетеням, телеграммам, из частной корреспонденции и по гадальным сладостям[2] — все это приплывало время от времени к берегам острова. С самого начала вы путешествовали по вероломному миру и ни разу не нашли

[1] **«Электра» — древнегреческий миф о трагедии в семействе царя Агамемнона, убитого своей женой Клитемнестрой. Их дочь Электра мстит за смерть отца.**

предсказаниями, — обычай в китайских ресторанах.

такого безопасного места, как это. Так почему вам не остаться здесь? Откажитесь от механических изобретений, от чтения, от стряпни. Забудьте о Графе Олафе и Г. П. В. Выбросьте ленту, записную книжку, мутовку и библиотеку на плоту и живите простой безопасной жизнью на нашем острове.

— А как быть с Кит? — осведомилась Вайолет.

— Я на опыте убедился, что Сникеты — такие же смутьяны, как Бодлеры, — ответил Ишмаэль. — Потому-то я и предложил оставить Кит на прибрежной отмели, чтобы она не внесла смуту в колонию. Но если вы согласитесь выбрать простую жизнь, то, думаю, ее тоже удастся уговорить.

Бодлеры с сомнением поглядели друг на друга. Они уже знали, что Кит хочет вернуться в большой мир и добиться справедливого правосудия, и они сами, будучи волонтерами, мечтали присоединиться к ней. Но в то же время дети не были уверены, что готовы бросить первое найденное ими

безопасное пристанище, даже если оно скучновато.

— А мы не можем остаться здесь, но вести более сложную жизнь и пользоваться предметами и документами, хранящимися в чащобе? — спросил Клаус.

— Специями, — добавила Солнышко.

— И держать это в секрете от остальных? — Ишмаэль нахмурил брови.

— Это то, что делаете вы, — не выдержал Клаус. — Целый день сидите в кресле и стараетесь уберечь остров от обломков большого мира, а по ночам крадетесь на абсолютно здоровых ногах в чащобу, ведете записи в дневнике и при этом лакомитесь горькими яблоками. Вы хотите, чтобы все вели простую безопасную жизнь — кроме вас.

— Никто не имеет права вести такую жизнь, как я. — Ишмаэль с грустным видом подергал бороду. — Я провел бесконечные годы, составляя список всех предметов, прибитых к берегу, и всех историй, связанных с этими предметами. Я реставрировал все документы, поврежденные мо-

рем, и записал важные детали. После этого чтения мне известно больше об истории мирового вероломства, чем кому-либо, и, как выразился когда-то один мой коллега, история эта представляет собой не более чем реестр преступлений, безумств и людских несчастий.

— Гиббон[1], — пробормотала Солнышко. Она имела в виду нечто вроде «мы все равно хотим прочитать эту историю, какой бы трагичной она ни была». И старшие брат и сестра поспешили перевести ее слова.

Однако Ишмаэль опять потянул себя за бороду и решительно покачал головой:

— Как вы не понимаете? Я не просто рекомендатель колонии, я — отец колонии. Я прячу библиотеку от людей, о которых забочусь, чтобы их не потревожили страшные тайны мира.

Рекомендатель сунул руку в карман и показал детям маленький предмет. Бодлеры увидели роскошное кольцо, украшенное

[1] **Гиббон — английский историк XVIII века.**

инициалом «Р», и стали разглядывать его в полном недоумении.

Ишмаэль раскрыл громадную книгу, лежавшую у него на коленях, и перевернул несколько страниц, ища нужную запись.

— Это кольцо принадлежало герцогине Виннипег, она подарила его своей дочери, тоже герцогине Виннипег, а та — своей, и так далее, и так далее. Наконец последняя герцогиня Виннипег присоединилась к Г. П. В. и отдала кольцо брату Кит Сникет. А он подарил его вашей маме. По непонятной мне причине она отдала ему кольцо обратно, и тогда он подарил его Кит, а она отдала его вашему отцу, который и подарил его вашей маме, когда они поженились. Она держала его в деревянной шкатулке, которая отпиралась ключиком, в свою очередь лежавшим в деревянной шкатулке, которая отпиралась только с помощью кода, а его Кит Сникет узнала от своего деда. Шкатулка превратилась в золу во время пожара, уничтожившего особняк Бодлеров. Капитан Уиддершинс

нашел кольцо в этих руинах, но потом потерял его во время шторма, и море в конце концов выбросило его на наш берег.

— Никлот?[1] — задала вопрос Солнышко, желая сказать: «Зачем вы рассказываете нам про кольцо?»

— Главное в этой истории не кольцо, — сказал Ишмаэль. — Главное то, что вы видите его впервые. А ведь кольцо с его долгой предысторией не один год находилось у вас в доме, но родители никогда о нем не упоминали. Они никогда не рассказывали вам про герцогиню Виннипег, или про капитана Уиддершинса, или про семью Сникетов, или про Г. П. В. Родители не рассказывали вам про то, как жили здесь, как их вынудили покинуть остров, и вообще ни о каких других деталях их злополучной истории. Они никогда не рассказывали вам всей своей истории.

[1] **Прочитанная наоборот фамилия знаменитого английского писателя Толкина, автора эпопеи «Властелин колец».**

— Так дайте нам прочесть эту книгу, — сказал Клаус, — и мы сами все узнаем про это.

Ишмаэль покачал головой.

— Вы не понимаете, — сказал он фразу, которая среднему Бодлеру, когда ему так говорили, очень не нравилась. — Родители не рассказывали вам всего, потому что хотели защитить вас, укрыть, как эта яблоня укрывает все лежащие в чащобе предметы от частых штормов и как я укрываю колонистов от сложной людской истории. Ни один разумный родитель не даст своему ребенку прочесть хотя бы заглавие этой печальной и страшной хроники, если у него есть возможность удерживать своих детей вдали от вероломного мира. Теперь, когда судьба привела вас сюда, не хотите ли вы отнестись с уважением к желанию своих родителей?

Ишмаэль закрыл книгу, встал и оглядел по очереди троих Бодлеров.

— Хотя ваши родители и умерли, — тихо сказал он, — это не значит, что они предали вас. И вы подтвердите это, если

останетесь здесь и будете вести ту жизнь, какой они для вас хотели.

Вайолет снова вспомнила, как мама принесла ей чашку анисового чая в тот неспокойный вечер.

— Вы уверены, что родители хотели именно этого? — спросила она, сомневаясь, будет ли правдив ответ.

— Если бы они не хотели для вас безопасной жизни, — ответил он, — они бы рассказали вам все, чтобы вы смогли прибавить еще одну главу к их несчастливой истории. — Ишмаэль положил книгу на кресло и вложил кольцо в руку Вайолет. — Вы здесь на месте, вы — часть нашей колонии и нашего острова и под моим присмотром. Я скажу островитянам, что вы передумали и отказываетесь от своего бурного прошлого.

— А они поддержат вас? — спросила Вайолет, памятуя намерение Едгин и Финн начать мятеж за завтраком.

— Ну разумеется, — ответил Ишмаэль. — Жизнь, которую мы ведем на острове, значительно лучше жизни в большом

мире, где полно вероломства. Выйдем отсюда вместе со мной, дети, и можете позавтракать вместе с нами.

— И выпить сердечного, — присовокупил Клаус.

— Без яблок, — добавила Солнышко.

Ишмаэль повелительно кивнул в сторону выхода и повел детей к дыре под корнями, по пути выключив свет. Бодлеры вышли наружу в чащобу и, выходя, оглянулись напоследок на потайную пещеру. В неясном свете они заметили, как Невероятно Смертоносная Гадюка скользнула по ишмаэлевской книге записей и последовала за детьми на свежий утренний воздух. Солнце просвечивало сквозь листву громадной яблони, и лучи, достигая кресла, освещали золотые печатные буквы на корешке книги. Детям хотелось бы знать, написали эти буквы их родители, или же это сделал предшествующий автор, или кто-то еще до него. Им хотелось знать, сколько историй содержит эта книга со странным названием и сколько еще людей смотрело на золотые буквы, прежде чем пролистать этот

том с преступлениями, безумствами и несчастьями, уже свершившимися, и добавить собственные, наслоить их, точно луковичную шелуху. Покидая чащобу вслед за рекомендателем с глиняными ногами, бодлеровские сироты размышляли о собственной несчастливой истории и об истории своих родителей, а также об историях других людей, выброшенных штормами на остров и добавлявших все новые главы в книгу «Тридцать три несчастья».

ГЛАВА

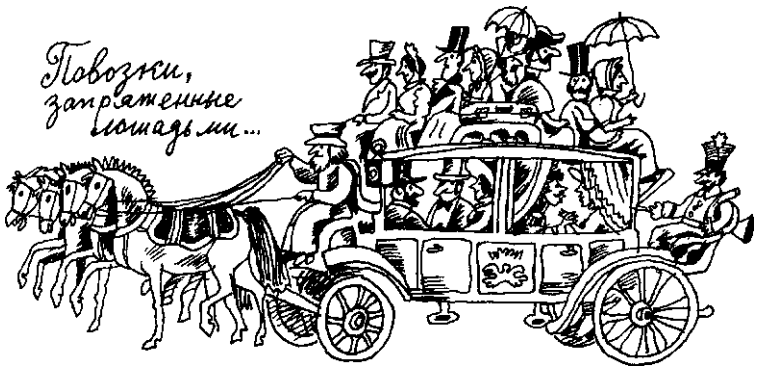
ОДИННАДЦАТАЯ

Возможно, однажды вечером, когда вы были еще совсем ребенком, кто-то укладывал вас спать и прочитал вам вслух рассказ «Паровозик, Который Мог». И если прочитал, то мое вам глубокое сочувствие, ибо это один из самых нудных рассказов на свете. Слушая его, вы, вероятно, сразу заснули, — почему его и читают детям на ночь. Напоминаю, что речь там идет о паровозике, который обладал способностью думать и говорить. Кто-то попросил Паровозик, Который Мог выполнить одну труд-

ную работу, такую скучную, что и описывать не стану. Сперва паровозик не был уверен, что справится, но потом он начинает бормотать про себя: «Думаю, что смогу, думаю, что смогу, думаю, что смогу», и, повторяя так, он и вправду добился успеха. Мораль рассказа такова: стоит убедить себя, что ты можешь сделать то или иное, и ты действительно сумеешь это сделать. Мораль эту, правда, легко опровергнуть, если уверить себя, что сумеешь слопать пять кило мороженого за один присест или устроить такое кораблекрушение, чтобы попасть на отдаленный остров, стоит только пуститься в плавание во взятом напрокат каноэ с просверленными в днище дырками.

Я упомянул рассказ «Паровозик, Который Мог» только для того, чтобы, когда я говорю про бодлеровских сирот, что они покинули чащобу вместе с Ишмаэлем и, отправившись назад в колонию, оказались на Паровозике, Который Не Мог, вы бы поняли, что я имею в виду. Прежде всего, детей тащили назад дикие козы на больших

деревянных санях, управляемых Ишмаэлем, который восседал в огромном глиняном кресле. И если вы когда-нибудь удивлялись, почему повозки, запряженные лошадьми, и собачьи упряжки — куда более распространенный способ путешествовать, чем сани, запряженные козами, то это потому, что козы не самый удобный вид транспорта. Козы отклонялись от прямой, виляли из стороны в сторону, бессмысленно болтались туда-сюда, а время от времени останавливались пощипать траву или просто подышать утренним воздухом. Ишмаэль пытался убедить коз двигаться побыстрее своим обычным рекомендательным

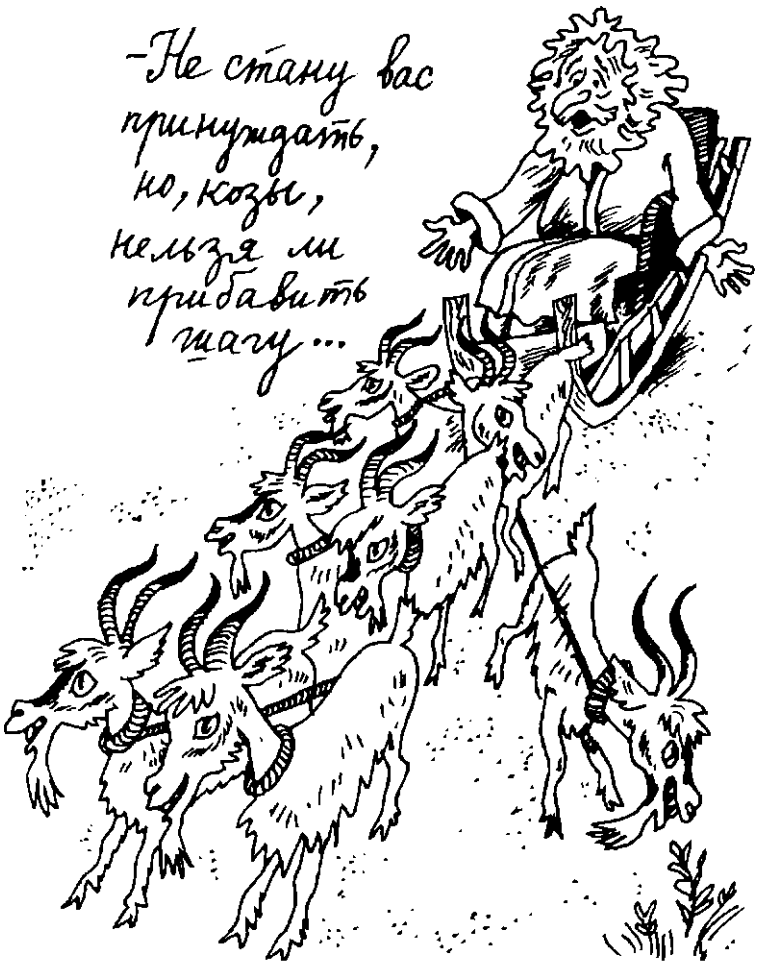


способом, но не путем обычных пастушьих приемов.

— Не стану вас принуждать, — повторял он, — но, козы, нельзя ли прибавить шагу...

Но козы лишь тупо глядели на старика и продолжали еле волочить ноги.

Надо сказать, что бодлеровские сироты ехали на Паровозике, Который Не Мог не только из-за апатичности коз, иначе говоря, «неспособности тащить большие деревянные сани с приемлемой скоростью», но и потому, что собственный их мозг не подстрекал их к действию. В отличие от героя нудного рассказа, что бы ни твердили себе Вайолет, Клаус и Солнышко, они не могли


–Не стану вас
принуждать,
но, козы,
нельзя ли
прибавить
шагу...

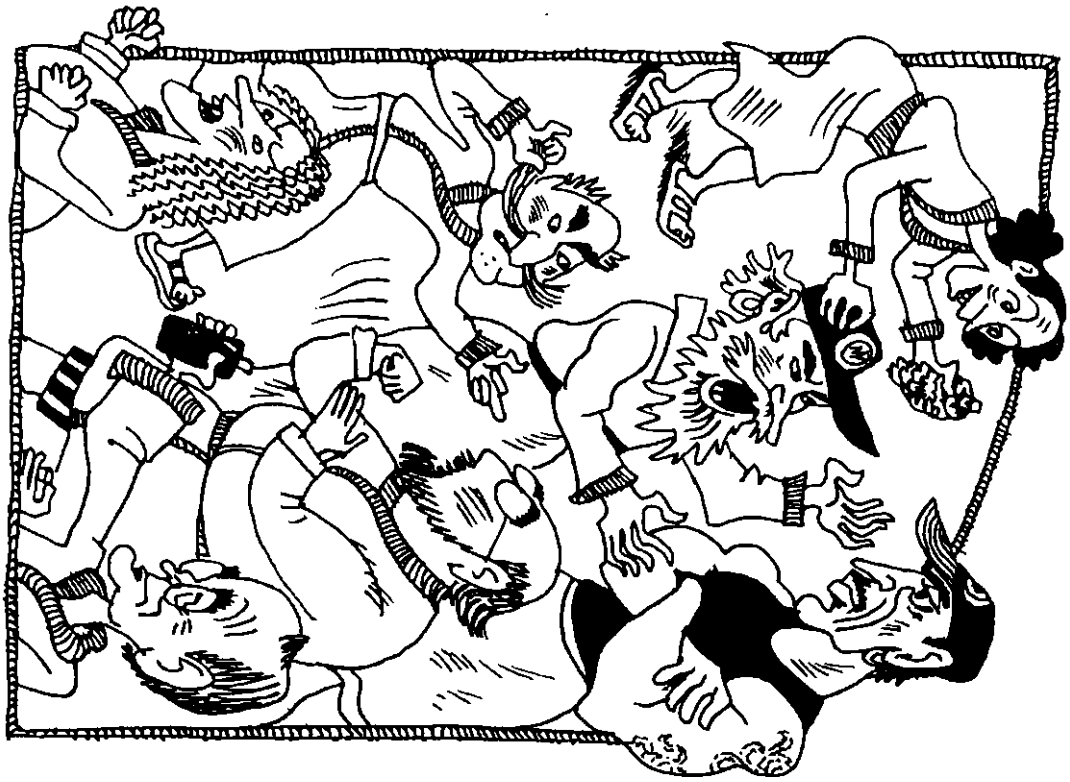
придумать никакого удачного выхода из всех своих затруднений. Дети пытались повторять себе, что будут делать все, что предлагает Ишмаэль, будут вести безопасную жизнь в колонии, но они не могли представить себе, что бросят Кит Сникет на прибрежной отмели или отпустят ее одну назад в большой мир, где она будет добиваться правосудия, а они не будут сопровождать ее в этом благородном деле. Дети твердили себе, что подчиняются желанию своих родителей и будут жить, укрытые от своей несчастливой истории, но понимали, что им не удержаться от посещения чащобы и от чтения записей, которые вели их родители в огромной книге. Бодлеры повторяли себе, что присоединятся к Едгин и Финн и примут участие в мятеже за завтраком, но и представить не могли, как они будут угрожать рекомендателю и его сторонникам оружием, тем более что никакого оружия они из чащобы не везли. Они пытались уговаривать себя, что по крайней мере могут радоваться, зная, что Граф Олаф теперь не составляет

угрозы, однако они не очень одобряли того, что он заперт в птичьей клетке, а при мысли о грибке, притаившемся у Олафа под одеждой, и о злобном умысле, притаившемся у него в голове, они содрогались от ужаса. В продолжение всего спуска с холма трое детей старались убедить себя, что все в порядке, но на самом-то деле все было отнюдь не в порядке. Все шло из рук вон плохо, и Вайолет, Клаус и Солнышко не могли взять в толк, каким образом безопасное место вдали от вероломного мира стало таким опасным и сложным, как только они там появились. Бодлеровские сироты сидели на санях, глядели на обмазанные глиной ноги Ишмаэля, и, сколько бы ни заставляли себя думать, что они могут, что они могут, что они могут представить себе близящийся конец своим мытарствам, они знали — конца мытарствам не предвидится.

Наконец козы протащили сани по белым пескам пляжа и втянули их в большую палатку. Кабак был опять набит битком, то есть в палатке было полно островитян, но

на этот раз собравшиеся находились в разгаре перепалки — слово, заменяющее понятие «спор», но гораздо менее привлекательное по сути, чем на слух.

Несмотря на раковины с наркотиком, висящие на поясе у колонистов, островитян никак нельзя было назвать сонными и вялыми. Алонсо схватил за руку Уиллу, а та, не переставая визжать от раздражения, наступила на ногу доктору Курцу. Лицо у Шермана было еще краснее обычного, и он кидался песком в лицо мистеру Питкерну, а тот явно пытался укусить Брустера за палец. Профессор Флетчер орал на Ариель, мисс Марлоу топала ногами на Калипсо, а мадам Нордофф и Рабби Блай, по-видимому, собирались вступить в борьбу. Байэм подкручивал усы, грозно глядя на Фердинанда, Робинзон дергал себя за бороду, наступая на Ларсена, а Уэйден рвала на себе свои рыжие волосы неизвестно почему. Иона и Сейди Беллами препирались, стоя лицом друг к другу, а Пятница с миссис Калибан стояли спиной друг к другу, словно не желали больше между собой разговаривать. Омерос же



все это время оставался подле кресла с Ишмаэлем и подозрительно держал руки за спиной. Ишмаэль в изумлении глядел на островитян, а трое Бодлеров слезли с саней и быстро подошли к Едгин и Финн, которые выжидающе смотрели на них.

— Куда вы пропали? — встретила их Финн. — Мы ждали вас, пока могли, но нам пришлось оставить вашу приятельницу — пора было начинать мятеж.

— Вы оставили Кит одну? — возмутилась Вайолет. — Вы же обещали не бросать ее.

— А вы обещали принести оружие, — огрызнулась Едгин. — Где оно, Бодлеры?

— У нас его нет, — признался Клаус. — В чащобе был Ишмаэль.

— Граф Олаф оказался прав, — сказала Едгин. — Вы нас предали, Бодлеры.

— Что вы хотите сказать этим «Граф Олаф оказался прав»? — требовательно спросила Вайолет.

— А что вы хотите сказать этим «Ишмаэль был в чащобе»? — требовательно спросила Финн.

— А что вы хотите сказать этим «что вы хотите сказать»? — требовательно спросила Едгин.

— Что вы хотите сказать этим «что вы хотите сказать этим „что вы хотите сказать»? — вмешалась Солнышко.

— Прошу вас всех! — закричал Ишмаэль со своего кресла. — Я предлагаю всем сделать несколько глотков сердечного и сердечно все обсудить!

— Мне надоело пить сердечное, — отозвался профессор Флетчер, — и надоели ваши советы, Ишмаэль!

— Называйте меня Иш, — попросил рекомендатель.

— Я называю вас скверным рекомендателем! — подала голос Калипсо.

— Прошу вас всех! — снова воззвал Ишмаэль, нервно подергивая бороду. — По какому поводу перепалка?

— Я вам скажу, по какому, — ответил Алонсо. — Меня вынесло на этот берег много лет назад после того, как я пережил страшный шторм и ужасный политический скандал.

— Ну и что? — прервал его Рабби Блай. — На этот остров в конце концов выносит все подряд.

— Я хотел оставить позади мою злосчастную историю, — продолжал Алонсо, — я хотел вести мирную жизнь без всяких волнений. Но теперь некоторые колонисты затевают мятеж. Если мы не будем осторожны, остров станет таким же вероломным, как остальной мир!

— Мятеж?! — с ужасом воскликнул Ишмаэль. — Кто смеет говорить о мятеже?

— Я смею, — ответила Едгин. — Мне надоели ваши рекомендации, Ишмаэль. Меня выбросило на этот остров после того, как я жила на другом острове, еще более отдаленном. Мне надоела мирная жизнь, я хотела приключений. Но едва на этом острове появляется что-то интересное, вы не-

медленно советуете выбросить это в чащобу!

— Это как посмотреть, — запротестовал Ишмаэль. — Я никогда никого не принуждаю выбрасывать.

— Ишмаэль говорит правду! — воскликнула Ариель. — Некоторым из нас приключений уже хватит до конца жизни. Меня прибило к острову после того, как мне удалось сбежать из тюрьмы, где я долгие годы притворялась юношей! Я осталась здесь ради безопасной жизни, а не для того, чтобы опять участвовать в опасных затеях!

— Тогда вы должны принять участие в нашем мятеже! — вскричал Шерман. — Ишмаэлю

нельзя доверять! Мы оставили Бодлеров на прибрежной отмели, а теперь он снова привел их сюда!

— Начать с того, что Бодлеров не следовало бросать на отмели! — закричала мисс Марлоу. — Они хотели помочь своей приятельнице, только и всего.

— Их знакомая внушает недоверие, — заявил мистер Питкерн. — Она приплыла на плоту из книг.

— Ну и что? — возразила Уэйден. — Я тоже приплыла на плоту из книг.

— Но вы от них отказались, — напомнил профессор Флетчер.

— Ничего подобного! — закричал Ларсен. — Вы помогли ей спрятать их, чтобы заставить детей научиться читать!

— Мы и сами хотели научиться читать! — запротестовала Пятница.

— Ты умеешь читать?! — в ужасе воскликнула миссис Калибан.

— Ты не должна читать! — вскричала мадам Нордофф.

— А вы не должны петь по-тирольски! — вскричал доктор Куртц.

— Вы поете по-тирольски? — удивился Рабби Блай. — Может, нам все-таки стоит поднять мятеж?

— Петь по-тирольски лучше, чем прятать пикниковую корзинку! — крикнула Сейди, указывая на Едгин.

— Прятать корзинку лучше, чем прятать в кармане мутовку! — Едгин показала пальцем на Солнышко.

— Все эти тайны погубят нас! — выкрикнула Ариель. — Здешняя жизнь обязана быть простой!

— В сложной жизни нет ничего плохого, — возразил Байэм. — Я вел простую жизнь много лет, пока служил матросом, и мне эта жизнь надоела до слез, и тут я как раз потерпел кораблекрушение.

— Надоела до слез? — изумилась Пятница. — А я больше всего хочу вести простую жизнь, какую вели вместе мама и папа, никогда не споря и не имея тайн.

— Хватит, — торопливо вмешался Ишмаэль. — Я предлагаю прекратить споры.

— А я предлагаю продолжать! — закричала Едгин.

— Я предлагаю изгнать Ишмаэля и его сторонников! — вскричал профессор Флетчер.

— Я предлагаю изгнать мятежников! — закричала Калипсо.

— Я предлагаю вкуснее питаться! — крикнул какой-то островитянин.

— Я предлагаю пить больше сердечного! — крикнул другой островитянин.

— Я предлагаю носить более привлекательную одежду!

— Я предлагаю нормальный дом вместо палаток!

— Я предлагаю пресную воду!

— Я предлагаю есть горькие яблоки!

— Я предлагаю срубить яблоню!

— Я предлагаю сжечь лодку!

— Я предлагаю самодеятельный концерт!

— Я предлагаю почитать книгу!

— Я предлагаю сжечь все книги!

— Я предлагаю спеть по-тирольски!

— Я предлагаю запретить петь по-тирольски!

— Я предлагаю безопасное пристанище!

— Я предлагаю сложную жизнь!

— Я предлагаю всем говорить «это как посмотреть »!

— Я предлагаю справедливость!

— Я предлагаю позавтракать!

— Я предлагаю — мы остаемся, а вы уплываете!

— Я предлагаю — вы остаетесь, а мы уплываем!

— Я предлагаю вернуться в Виннипег!

Бодлеры в отчаянии переглядывались, пока мятежный раскол ширился, охватывая колонию. Раковины с сердечным висели на поясе у островитян, но сердечности отнюдь не наблюдалось: колонисты с остервенением ополчались друг на друга, не считаясь с тем, кто перед ними — друзья или их родные, объединяло ли их общее прошлое или участие в одной и той же организации. Бодлерам, разумеется, доводилось и прежде видеть разъяренные толпы: они сталкивались

с психологией толпы горожан в Городе Почитателей Ворон и со слепым правосудием толпы в отеле «Развязка», но они никогда не видели, чтобы сообщество разделилось так неожиданно и кардинально. Вайолет, Клаус и Солнышко наблюдали, как усиливается раскол, и легко представляли себе, какими были другие расколы — от того, который разделил Г. П. В., который прогнал с этого самого острова их родителей, и до всех других расколов за всю горестную историю мира, когда каждый человек предлагает что-то

свое, каждая история похожа на луковичный слой и каждое несчастье похоже на главу огромной книги. Бодлеры следили за жестокой перепалкой и удивлялись, как это они могли надеяться, что остров станет безопасным местом, вдали от людского вероломства, а вместо этого на остров прибило вероломство всех видов вместе с уцелевшими после шторма и теперь разделило живущих здесь. Голоса спорящих становились все громче и громче, каждый предлагал свое, но никто не слушал ничьих предложений, и раскол превратился в оглушающий рев, пока наконец его не перекрыл самый громкий голос.

— ТИХО! — рявкнул вошедший в палатку, и островитяне тут же умолкли. Они в изумлении уставились на злобно глядящую на них фигуру в длинном платье и с выступающим животом.

— Что вы здесь делаете? — ахнул кто-то в задних рядах. — Мы же бросили вас на прибрежной отмели.

Личность шагнула на середину палатки, и я с сожалением должен сказать, что это была не Кит Сникет. Та, в своем длинном

платье и с выдающимся животом, по-прежнему лежала на верхушке книжного плота, а выдававшийся живот Графа Олафа был, разумеется, водолазным шлемом с медузообразным мицелием внутри. В его оранжево-желтом платье Бодлеры вдруг узнали платье Эсме Скволор, в котором она щеголяла на вершине Мертвых Гор, — кошмарная вещь, сделанная так, чтобы походить на громадный костер. Его каким-то образом тоже выбросило на остров, как и все остальное. На минутку Олаф задержался, чтобы адресовать Бодлерам особо гадкую ухмылку, а дети в это время пытались разгадать тайну платья Эсме и то, каким образом оно, подобно кольцу, зажатому в руке Вайолет, спустя такое долгое время вернулось в жизнь сирот.

— Меня нельзя бросить, — прорычал злодей, отвечая островитянину. — Я — король Олафленда.

— Здесь не Олафленд, — отрезал Ишмаэль, яростно дернув себя за бороду,— а ты не король, Олаф.

Граф Олаф откинул назад голову и расхохотался. Драное платье весело затрепыха-

лось, иначе говоря, «неприятно зашуршало». С издевательской усмешкой он показал на Ишмаэля, по-прежнему сидящего в кресле.

— Ах, Иш, — сказал он, и глаза его ярко заблестели, — я тебе много лет назад говорил, что когда-нибудь одержу над тобой верх, и этот день наступил. Некто из моих сторонников, у кого имя — день недели, рассказал мне, что ты скрываешься на этом острове и...

— Четверг, — сказала миссис Калибан.

Олаф нахмурился и прищурился на веснушчатую женщину.

— Нет, — ответил он. — Понедельник. Она пыталась шантажировать старика, замешанного в политическом скандале.

— Гонзало, — сказал Алонсо.

Олаф опять нахмурил бровь.

— Нет,— ответил он.— Я и старик отправились наблюдать за птицами, а заодно решили ограбить шхуну, промышляющую охотой на котиков, владельцем которой был...

— Хамфри, — подсказала Уэйден.

— Нет. — Олаф опять насупился. — Из-за его имени разгорелся спор, поскольку

младенец, усыновленный его осиротевшими детьми, носил то же имя.

— Бертран, — подсказал Омерос.

— Нет. — Олаф снова скорчил мрачную гримасу. — Документы по усыновлению были спрятаны в шляпе у одного банкира,

которого повысили в должности и сделали вице-президентом отдела, в чьем ведении находились финансовые и наследственные дела сирот.

— Мистер По? — предположила Сейди.

— Да. — Олаф бросил на нее грозный взгляд. — Хотя в то время он больше был известен под своим театральным псевдонимом. Но я здесь не для того, чтобы обсуждать прошлое. Я пришел обсуждать будущее. Твои мятежники выпустили меня из клетки, Ишмаэль, чтобы прогнать тебя с острова и сделать меня королем.

— Королем? — возмущенно повторила Едгин. — Мы так не договаривались.

— Хочешь жить, старуха, — отрезал Олаф, — делай, что говорю.

— Вы уже даете нам советы? — недоверчиво произнес Брустер. — Вы не лучше Ишмаэля, хотя костюм у вас красивее.

— Спасибо, — Граф Олаф противно ухмыльнулся, — но между мной и этим глупым рекомендателем есть еще одно важное различие.

— Татуировка? — предположила Пятница.

— Нет. — Граф Олаф нахмурился. — Смойте ему глину с ног, и увидите, что у него такая же татуировка, что у меня.

— Косметический карандаш? — предположила мадам Нордофф.

— Нет, — отрезал Граф Олаф. — Разница в том, что Ишмаэль безоружен, он отказался от оружия давным-давно, во времена раскола в Г. П. В. Он тогда отказался от всяческого насилия. Сегодня вы убедитесь, до какой степени он глуп. — Олаф замолчал и погладил свой круглый живот грязными руками, после чего обернулся к рекомендателю, который в этот момент взял что-то из рук Омероса. — Я владею единственным видом оружия, которое опасно для тебя и твоих сторонников, — похвастался Олаф. — Я — король Олафленда, и ты с твоими козами ничего не можешь с этим поделать.

— Не будь так уверен. — Ишмаэль поднял в воздух какой-то предмет, чтобы все увидели его.

Это было гарпунное ружье, которое прибило к берегу вместе с Олафом и Бодлерами, а до того, в свое время, использовалось для стрельбы по воронам в отеле «Развязка», и по летучему автономному

дому в Городе Почитателей Ворон, и по машине, производящей сахарную вату на сельской ярмарке, когда Бодлеры-родители были еще совсем, совсем молодыми. Теперь наступила новая глава в истории ружья, и оно было нацелено прямо в Графа Олафа.

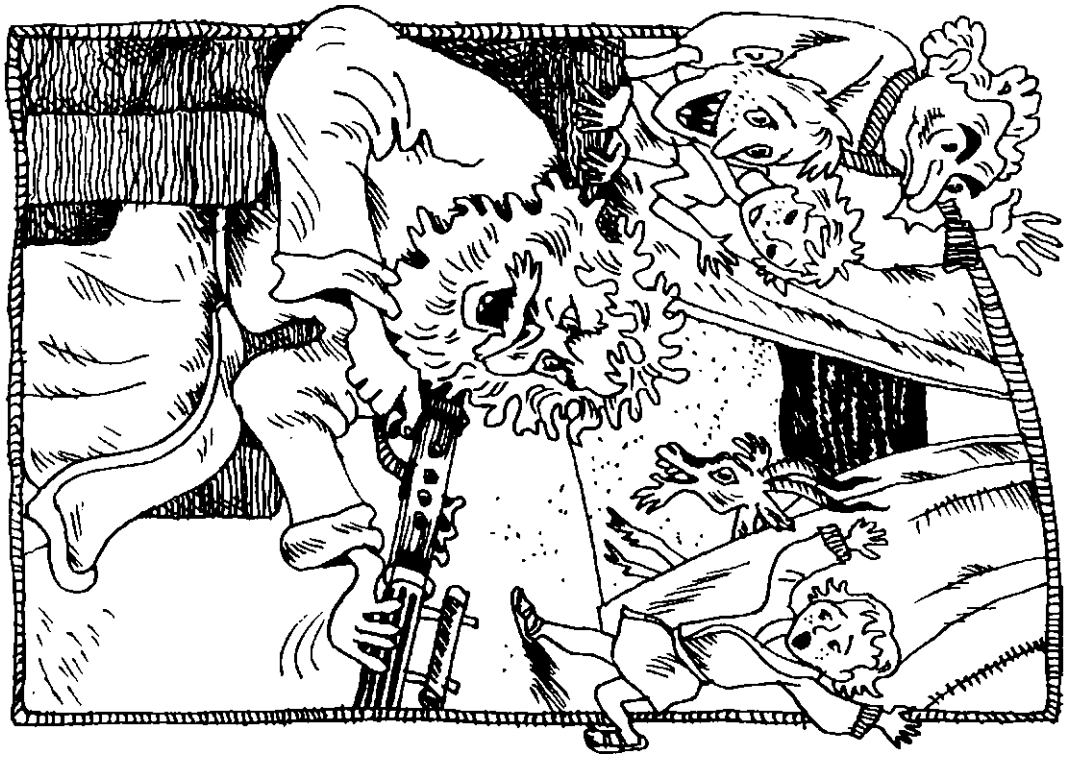
— Я посоветовал Омеросу держать гарпун под рукой, — продолжал Ишмаэль, — а не бросать его в чащобу. Я подозревал, что ты можешь сбежать из клетки, Граф Олаф, как я сбежал из клетки, в которую ты меня посадил, когда поджег мой дом.

— Я не поджигал, — запротестовал Граф Олаф, но глаза его ярко заблестели.

— Хватит с меня твоего вранья. — Ишмаэль встал с кресла.

Островитяне, поняв, что у рекомендателя ноги вовсе не больные, ахнули, для чего обычно требуется глубоко вдохнуть воздух, что очень опасно, если воздух насыщен смертельно ядовитыми спорами.

— Я намерен сделать то, что должен был сделать много лет назад, Олаф, — я уничтожу тебя. Я выстрелю тебе прямо в толстый живот!



КОНЕЦ

— Нет! — одновременно вскрикнули трое Бодлеров, но даже их объединенный крик не мог заглушить злодейского хохота Графа Олафа.

Рекомендатель не услышал их и нажал на красный спусковой крючок страшного оружия. Дети услыхали сперва «щелк!», потом «в-ж-ж!», гарпун вылетел и поразил Графа Олафа туда, куда и обещал Ишмаэль: дети услыхали звон разбитого стекла — и медузообразный мицелий со своей тайной историей вероломства и жестокости вырвался наконец на свободу, в воздух безопасного пристанища, отделенного от большого мира. Все в палатке ахнули — островитяне и островитянки, мужчины и женщины, дети и сироты, волонтеры и негодяи и все, кто в промежутке. Все вдохнули споры смертоносного гриба, и Граф Олаф, который, опрокинувшись на песок, продолжал хохотать, тоже вдохнул, и в один миг с расколом острова было покончено, поскольку все, не исключая, естественно, и бодлеровских сирот, внезапно стали участниками одного и того же несчастливого события.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Странное дело, скитаясь по миру и становясь старше и старше, обнаруживаешь, что к счастью привыкнуть легче, чем к отчаянию. Когда, например, во второй раз пьешь анисовый напиток с мороженым, счастье, которое испытываешь, посасывая восхитительную смесь, уже не так безмерно, как в первый раз, а на двенадцатый раз состояние счастья становится еще менее безмерным, и дальше этот напиток дарит вам уже совсем мало счастья, поскольку вы привыкли ко вкусу ванильного мороженого

в сочетании с анисовой шипучкой. В то же время, вторично обнаружив у себя в напитке чертежную кнопку, вы испытываете огорчение гораздо более сильное, чем в первый раз, когда вы отмахнулись от этого, сочтя причудливой случайностью, а не частью злого умысла какого-то подонка, иначе говоря, «продавца в кафе-мороженом, который пытается поранить вам язык». А когда кнопка попадается вам на двенадцатый раз, ваше отчаяние усиливается до такой степени, что вы не можете произнести слова «анисовая шипучка с мороженым», не разрыдавшись. Получается, что к счастью, так же как и ко вкусу сердечного из кокоса или к севиче, привыкаешь быстро, тогда как отчаяние поражает неожиданно каждый раз, как с ним сталкиваешься. Когда в палатке раздался звон стекла, Бодлеры застыли на месте, глядя на стоящего Ишмаэля; и, хотя они чувствовали, как споры медузообразного мицелия проникают в них и каждая крошечная спора ощущается в горле, как сбегающий вниз муравей, они никак не могли поверить, что их жизнь снова на-

полнилась отчаянием и что это ужасное событие произошло.

— Что произошло? — вскричала Пятница. — Как будто стекло разбилось.

— Не важно, пусть разбивается, — отозвалась Едгин. — Вот у меня в горле что-то странное — как будто крохотное семечко.

— Семечко в горле — это пустяки, — вмешалась Финн. — Я вот вижу, что Ишмаэль стоит на ногах!

Граф Олаф, продолжавший валяться на белом песке, захихикал, потом театральным жестом выдернул гарпун из разбитого вдребезги шлема, смешавшегося с лоскутьями порванного платья, и швырнул к глиняным ногам Ишмаэля.

— Звон — это от разбившегося водолазного шлема, — выкрикнул он с насмешкой. — Семечки у вас в горле — споры медузообразного мицелия, а человек, стоящий на собственных ногах, — тот, кто убил вас всех!

— Медузообразный мицелий? — с изумлением повторил Ишмаэль, а островитяне снова ахнули. — Здесь, на острове? Не

может быть! Я жизнь потратил, стараясь навсегда обезопасить остров от этого страшного гриба!

— К счастью, безопасного навсегда не бывает, — фыркнул Олаф. — Ты-то уж в первую очередь должен знать, что к острову прибивает в конечном счете все. Семья Бодлеров в конце концов вернулась на этот остров, откуда ты много лет назад прогнал их, и принесла с собой медузообразный мицелий.

Глаза у Ишмаэля расширились, он спрыгнул с саней и встал перед бодлеровскими сиротами. В тот момент, когда он приземлился, глина треснула и отвалилась, и дети увидели татуировку в форме глаза у него на щиколотке, как и говорил Граф Олаф.

— Так это *вы* занесли на остров медузообразный мицелий? — воскликнул он. — Все это время смертоносный гриб был у вас и вы держали это в тайне от нас?

— Кто бы говорил о тайнах! — выкрикнул Алонсо. — Только посмотреть на ваши здоровые ноги! Корень всех бед — ваша бесчестность!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Это мятежники — корень всех бед! — закричала Ариель. — Если бы они не выпустили Графа Олафа из клетки, ничего бы не случилось!

— Это как посмотреть, — возразил профессор Флетчер. — По моему мнению, мы все тут корень бед. Если бы мы не посадили Графа Олафа в клетку, он не стал бы нам угрожать!

— Мы — корень бед потому, что не успели первыми откопать водолазный шлем, — заявил Фердинанд. — Если бы мы забрали его во время поисков штормовой добычи, козы отвезли бы его в чащобу и мы были бы в безопасности.

— Омерос — вот кто корень бед. — Доктор Курц показал на юношу. — Именно он дал Ишмаэлю гарпунное ружье, вместо того чтобы бросить его в чащобу!

— Граф Олаф — вот корень всех бед! — закричал Ларсен. — Он принес гриб в палатку!

— Я — не корень бед, — зарычал Граф Олаф, но тут же громко закашлялся. — Я — король острова!

— Король или нет, это уже не имеет значения, — одернула его Вайолет. — Вы тоже вдохнули споры, как и все остальные.

— Вайолет права, — подтвердил Клаус. — У нас нет времени стоять тут и препираться.

Даже без записной книжки Клаус мог наизусть прочесть стихи про гриб, когда-то прочитанные ему Фионой, незадолго до того, как она разбила ему сердце.

— «В их спорах яд ужасной силы. Вдохнешь — и через час в могилу!» — процитировал он. — Если мы не прекратим споры и не начнем действовать сообща, мы скоро умрем все.

В палатке послышались стенания, что означает здесь «звуки, издаваемые впавшими в панику островитянами».

— Умрем? — завопила мадам Нордофф. — Никто не предупреждал, что гриб смертельный! Я думала, он просто несъедобный!

— Не для того я осталась на острове, чтобы умирать! — закричала мисс Марлоу. — Я могла умереть и дома!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Никто не умрет, — заявил Ишмаэль.

— Это как посмотреть, — заметил Рабби Блай. — Все мы умрем в конце концов.

— Не умрете, если будете следовать моим советам, — продолжал настаивать Ишмаэль. — Прежде всего предлагаю, чтобы все как следует глотнули из раковин. Сердечное изгонит споры у вас из горла.

— Нет, не изгонит! — крикнула Вайолет. — Забродившее кокосовое молоко не оказывает воздействия на медузообразный мицелий!

— Может быть, и так, — согласился Ишмаэль, — но по крайней мере мы немного успокоимся.

— Хотите сказать, станем сонными и вялыми? — вмешался Клаус. — Сердечное — наркотик.

— В сердечности ничего плохого нет, — возразил Ишмаэль. — Я предлагаю немного посидеть и сердечным образом обсудить создавшуюся ситуацию. Решим, в чем корень проблемы, и не торопясь придем к какому-то решению.

— Звучит разумно, — признала Калипсо.

— Trahison des clercs![1] — воскликнула Солнышко, желая сказать: «Вы забываете о быстром действии яда!»

— Солнышко права, — сказал Клаус. — Мы должны найти решение сейчас, а не сидеть и беседовать, потягивая сердечное.

— Решение находится в чащобе, — сказала Вайолет, — в потайном помещении под корнями яблони.

— Потайное помещение? — переспросил Шерман. — Какое такое помещение?

— Там внизу есть библиотека, — ответил Клаус, и толпа в удивлении загудела. — В ней есть список всех предметов, которые выносило на берег острова, и всех историй, с ними связанных.

— И кухня, — добавила Солнышко. — Может быть хрен.

— Хрен — один из способов нейтрализовать действие яда, — объяснила Вайолет

[1] **«Предательство клерков» — название книги французского писателя XX века Жюльена Денда, в которой он обвиняет некоторых мыслителей в измене своему назначению — войскам истины.**

и процитировала конец стихотворения, которое дети слышали на «Квиквеге»: — «Рецепт спасения, бесспорно, / Лишь капля выжимки из корня!» — Вайолет оглядела испуганные лица островитян. — В кухне прд яблоней может найтись хрен, — продолжала она. — Мы еще можем спасти себя, если поторопимся.

— Они лгут, — сказал Ишмаэль. — В чащобе ничего, кроме хлама, нет, а под деревом только земля. Бодлеры пытаются вас обмануть.

— Мы не пытаемся никого обмануть, — запротестовал Клаус. — Мы пытаемся всех спасти.

— Бодлеры знали, что медузообразный мицелий попал на остров, — внушал островитянам Ишмаэль, — но нам ничего не сказали. Им нельзя верить, а мне можно, и я предлагаю посидеть и попить сердечного.

— Дудки,— выпалила Солнышко, желая сказать: «Это вам нельзя верить», но старшие Бодлеры не стали переводить, а подошли поближе к Ишмаэлю, чтобы поговорить с ним более или менее конфиденциально.

— Почему вы так поступаете? — спросила Вайолет. — Если просто сидеть тут и пить сердечное, мы обречены.

— Мы все вдохнули яд, — сказал Клаус. — Мы все в одной лодке.

Ишмаэль поднял брови и мрачно усмехнулся.

— Это мы еще посмотрим. А теперь уходите из моей палатки.

— Удирать, — проговорила Солнышко, что означало «надо спешить!», и старшие утвердительно кивнули.

Бодлеровские сироты быстро покинули палатку, оглянувшись перед выходом назад — на взволнованных островитян, на мрачного рекомендателя и на Графа Олафа, который все еще лежал на песке, держась за живот, как будто гарпун не только разбил водолазный шлем, но и ранил его самого.

Как Вайолет, Клаус и Солнышко ни спешили, перебираясь через холм на другую сторону острова вовсе не на санях, запряженных козами, все равно им казалось, будто они передвигаются на Паровозике,

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Который Не Мог, и не только по причине безнадежного характера их похода, но и потому, что чувствовали, как яд постепенно коварным образом пропитывает весь организм. Вайолет с Клаусом на своем опыте узнали, что пришлось перенести их сестре в глубинах океана, когда та едва не погибла от смертельного яда, а Солнышко прошла теперь курс повышения квалификации, то есть в данном случае «получила еще одну возможность испытать, как стебельки и шляпки медузообразного мицелия разрастаются у нее в горле». Дети останавливались несколько раз, чтобы откашляться, поскольку гриб затруднял дыхание и они тяжело, со свистом дышали. Когда время перевалило за вторую половину дня, бодлеровские сироты добрались наконец до развесистой яблони.

— Времени у нас не много, — произнесла Вайолет, хватая ртом воздух.

— Идем прямо на кухню. — Клаус вошел в дыру между корнями, которую им в прошлый раз показала Невероятно Смертоносная Гадюка.

— Надеюсь, хрен, — пробормотала Солнышко, следуя за братом.

Однако в кухне их ждало разочарование. Вайолет включила свет, трое детей поспешили к полке со специями и стали читать надписи на баночках и коробочках,

и постепенно надежды их убывали. Дети нашли многие из любимых специй, в том числе шалфей, ореган, красный перец, представленный несколькими сортами, расположенными соответственно их остроте. Они обнаружили некоторые самые свои нелюбимые специи, включая сушеную петрушку, почти не имеющую никакого вкуса, и чесночную соль, которая отбивает вкус у чего бы то ни было. Они нашли специи, которые у них ассоциировались с определенными блюдами, такие,

например, как куркума, которую отец использовал, приготовляя арахисовый суп с карри, а также мускатный орех, который мама добавляла в коврижку. Кроме того, они нашли специи, которые у них ни с чем не ассоциировались, например майоран — его держат на кухне все, но почти никто не использует. А также порошок из лимонной цедры, который применяют лишь в экстренных случаях, к примеру если свежие лимоны вдруг куда-то пропали. Дети нашли специи, употребляемые буквально повсюду, такие, как соль и перец, а также специи, используемые в определенных странах, например перец чипотле и халапеньо, но не увидели ни одного ярлычка с надписью «хрен». А когда они откупоривали коробочки и бутылочки, то никакие порошки, листья и семена не пахли так, как пахло в окрестностях фабрики, производившей хрен, которая стояла на Паршивой Тропе.

— Нам не обязательно нужен хрен, — быстро сказала Вайолет, с разочарованием ставя на место сосуд с эстрагоном. —

Приправа васаби вполне заменила хрен, когда Солнышко надышалась спор в прошлый раз.

— Или евтрема, — просипела Солнышко.

— Васаби тут тоже нет. — Клаус понюхал баночку с сухой шелухой мускатного ореха и нахмурился. — А может, он где-то спрятан?

— Кому нужно прятать хрен? — спросила Вайолет после затяжного приступа кашля.

— Наши родители, — предположила Солнышко.

— Солнышко права, — согласился Клаус. — Раз они знали про Ануистл Акватикс, они могли знать, чем грозит медузообразный мицелий. Хрен, выброшенный на берег штормом, мог бы очень пригодиться.

— У нас не осталось времени обыскивать чащобу в поисках хрена, — возразила Вайолет. Она сунула руку в карман, и пальцы ее задели кольцо, которое дал ей Ишмаэль, и нащупали ленту, которую рекомендатель использовал как закладку, а

Вайолет подвязывала ею волосы, что помогало ей думать. — Это было бы труднее, чем искать сахарницу в отеле «Развязка».

При слове «сахарница» Клаус быстро протер очки и начал листать свою записную книжку, а Солнышко задумчиво куснула мутовку.

— Может, он спрятан в какой-то Другой баночке, — предположил Клаус.

— Мы их все перенюхали, — выдавила из себя Вайолет. — Нигде ничего похожего на хрен мы не нашли.

— Может быть, запах заглушила какая-то другая специя, — предположил Клаус. — какая-то еще более едкая, чем хрен? Солнышко, какие есть еще едкие специи?

— Гвоздика, кардамон, аррорут, полынь, — прохрипела Солнышко.

— Полынь, — задумчиво протянул Клаус и опять перелистнул страницы. — Кит один раз упоминала полынь. — Клаусу представилась бедная Кит, одна, на прибрежной отмели. — Она сказала: «Чай должен быть горьким как полынь и острым,

как обоюдоострый меч». То же самое нам говорили, когда принесли чай перед началом суда.

— Полыни тут нет, — сказала Солнышко.

— Ишмаэль тоже что-то говорил про горький чай, — вспомнила Вайолет. — Припоминаете? Его ученица еще боялась отравиться.

— Как мы, — сказал Клаус, ощущая, как грибок разрастается внутри. — Жаль, что мы не дослушали эту историю до конца.

— Жаль, что мы не слышали всех историй. — Голос у Вайолет, сдавленный грибком, звучал хрипло и грубо. — Лучше бы наши родители рассказали нам всё, чем укрывать нас от вероломства мира.

— А может, они и рассказали. — Голос у Клауса был такой же густой, как у сестры. Он направился к большим креслам в центре комнаты и поднял книгу «Тридцать три несчастья». — Они записывали тут все свои секреты. Если они спрятали хрен, мы найдем про это в книге.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— У нас нет времени читать всю книгу, — возразила Вайолет, — как и обшаривать чащобу.

— Если не успеем, — с трудом выговорила Солнышко сквозь мешавшие стебли грибка, — хоть умрем, читая вместе.

Старшие мрачно кивнули, и все трое обнялись. Как и многие люди, Бодлеры порой поддавались любознательности и меланхолии, и тогда они ненадолго задумывались о возможных обстоятельствах собственной смерти. Хотя, надо сказать, с того злосчастного дня на Брайни-Бич, когда мистер По сообщил им о страшном пожаре, дети столько времени провели в стараниях избежать смерти, что в свободное время предпочитали об этом не думать. Большинство людей, разумеется, не выбирает обстоятельств своей смерти, и если бы Бодлерам предложили сделать выбор, они бы захотели дожить до весьма преклонного возраста, и, кто знает, возможно, так и случилось бы. Но если трем детям суждено было погибнуть в юном возрасте, то погибнуть рядом друг с другом, читая

4A
THE BLUE LAGOON

33
RECYCLED
SUPER

слова, написанные когда-то мамой и папой, им казалось гораздо приятнее, чем многое другое, что им предлагало воображение. Поэтому трое Бодлеров уселись рядышком в одно из больших кресел, предпочтя тесноту большему простору, сообща открыли громадную книгу и стали переворачивать страницы, пока не дошли до места бодлеровской истории, когда родители очутились на острове и начали вести записи. Записи, сделанные папиной рукой, чередовались с мамиными, и дети представляли, как родители сидели в этих самых креслах, читали написанное вслух и предлагали те или иные добавления к списку людских преступлений, безумств и несчастий, составлявших книгу «Тридцать три несчастья ».

Детям, конечно, хотелось бы смаковать каждое слово, написанное родителями (вероятно, известное вам слово «смаковать» здесь имеет смысл «читать медленно, ибо каждая фраза, написанная родительским почерком, была загробным даром»), но, поскольку яд медузообразного мицелия про-

никал в них все глубже и глубже, детям приходилось лишь бегло просматривать книгу и только выискивать на каждой странице слово «хрен» или «васаби». Как вы знаете, если приходится быстро проглядывать книжку, впечатление получается странное, обрывочное, да еще некоторые авторы вставляют в середине книги непонятные фразы, чтобы запутать тех, кто бегло просматривает книгу. «Три коротеньких человечка несли

большую деревянную доску, разрисованную под гостиную». Отыскивая нужный им секрет, Бодлеры наталкивались на другие родительские тайны, подмечали имена людей, которых знали родители, и разные сведения, которые родители шепотом передавали этим людям, коды, заключенные в этих словах, и многие другие интригующие детали. Детям хотелось когда-нибудь получить возможность перечитать «Тридцать три несчастья» не в такой спешке. Но в этот день они читали всё быстрее и быстрее, отчаянно отыскивая тот единственный секрет, который мог их спасти. А час уже истекал, и медузообразный мицелий все быстрее и быстрее разрастался у них внутри, как будто смертоносному грибу тоже было некогда смаковать свое коварное продвижение. Бодлеры читали и читали, и им становилось все труднее и труднее дышать, и когда наконец Клаус увидел одно из слов, которые искал, то он даже подумал было, что это только галлюцинация, вызванная стебельками и шапочками, разрастающимися внутри него.

— Хрен! — сказал он хриплым голосом. — Смотрите: «Паникерство Ишмаэля помешало продолжить работу над туннелем, хотя у нас имеется избыток хрена на крайний случай».

Вайолет начала говорить, но подавилась грибком и долго кашляла.

— Что значит «паникерство»? — наконец выговорила она.

— Избыток? — Голос у Солнышка, сдавленный стеблями и шапочками, прозвучал не громче шепота.

— «Паникерство» означает «вызывать у других страх», — объяснил Клаус, чей словарный запас не пострадал от яда, — а «избыток» означает «более чем достаточно». — Он тяжело, с присвистом вздохнул и продолжил читать: — «Мы пытаемся создать растительный гибрид внутри корневого покрова, который должен обеспечить безопасное плодоношение, хотя и опасное для тех, кто находится in utero[1]. Разумеется, на случай изгнания нас

[1] **В утробе** ***(лат.).***

с острова у Беатрис припрятано небольшое количество в сосу... »

На этом месте средний Бодлер закашлялся так неистово, что уронил тяжелый том на пол. Сестры крепко обняли брата, тело его сотрясалось от действия яда, но он поднял бледную руку вверх и показал на потолок.

— Корневой покров, — прохрипел он наконец. — Папа имеет в виду — корни у нас над головой. Растительный гибрид — комбинация двух растений.— Он задрожал, и глаза его за стеклами очков наполнились слезами.— Но я не понимаю, что он хочет сказать.

Вайолет поглядела на корни у себя над головой, через которые уходил вверх перископ, исчезая в переплете ветвей. К своему ужасу, она обнаружила, что стала видеть как сквозь туман, словно гриб окутал уже ее глаза.

— Похоже, что они ввели хрен в корни яблони, чтобы всех обезопасить, — сказала она.— Отсюда «обезопасить плодоношение», то есть дерево дает неядовитые плоды.

— Яблоки! — вскрикнула Солнышко сдавленным голосом. — Горькие яблоки!

— Вот именно! — подхватил Клаус. — Дерево — это гибрид, его яблоки горчат оттого, что содержат хрен!

— Если мы съедим яблоко, — сказала Вайолет, — яд грибка будет нейтрализован.

— Гендрев, — согласилась Солнышко каркающим голосом. Она слезла с коленей старших и, отчаянно задыхаясь, поползла к дыре в корнях.

Клаус попробовал пойти за ней, но, когда встал, голова у него так закружилась, что ему пришлось опять сесть и сжать кулаками гудящую голову. Вайолет мучительно закашлялась и схватила брата за руку.

— Пойдем, — исступленно просипела она.

Клаус покачал головой.

— Я не уверен, что мы доберемся до яблок, — сказал он.

Солнышко потянулась к дыре, но скорчилась на полу от сильной боли.

— В ящик? — спросила она тихим, слабым голосом.

— Мы не можем умереть здесь. — Голос Вайолет был еле слышен, младшие брат

с сестрой с трудом уловили ее слова. — Наши родители спасли нам жизнь именно в этом самом помещении много лет назад и даже не знали об этом.

— Тумургла, — произнесла Солнышко, но, прежде чем брат и сестра успели спросить, что она имеет в виду, все услышали какой-то новый звук, тихий и непонятный, шедший из-под корней яблони, которую их родители давным-давно скрестили с хреном.

Звук был свистящий, похожий на шуршание сухой травы, но на самом деле такой свист или шипение издает паровоз, когда останавливается и выпускает пар, или публика, просидевшая весь вечер на спектакле Аль Функута. Бодлеры были в таком отчаянии, так перепуганы, что на миг решили, будто это медузообразный мицелий празднует победу над тремя отравленными детьми или даже испаряются их надежды. Однако то не был звук испаряющейся надежды или празднующего победу гриба и, к счастью, не звук паровозного гудка или изъявления недовольства театральной публики —

подобным явлениям ослабшие Бодлеры не смогли бы противостоять. Нет, свистящий звук исходил от одного из немногих обитателей этого острова, чья история насчитывала не одно кораблекрушение, а два, и, возможно, из-за своей горестной судьбы этот обитатель сочувствовал горестной истории Бодлеров, хотя в общем-то трудно сказать, в какой мере может испытывать сочувствие пресмыкающееся, пусть и вполне дружелюбное. *Я* не отваживаюсь пускаться в серьезные исследования этого вопроса, а жизнь моего единственного друга-герпетолога закончилась довольно давно, поэтому что думала данная змея, скользя к детям, остается подробностью их истории, которая может так и остаться неизвестной. Но даже и без этой невыясненной детали совершенно ясно, что произошло. Змея проскользнула в отверстие между корнями яблони, и, что бы она ни думала, судя по свистящему звуку, проходившему между сжатыми зубами рептилии, было совершенно ясно, что Невероятно Смертоносная Гадюка предлагает бодлеровским сиротам яблоко.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Хорошо известен, хотя и необъясним тот факт, что кусок яблока, откушенный первым, всегда самый вкусный, потому-то героиня одной книжки, гораздо более пригодной для чтения, чем эта, полдня проводит, откусывая по одному куску от каждого яблока, а у нее их целый мешок. Однако даже эта анархичная маленькая девочка (слово «анархичная» здесь означает «любящая яблоки») никогда не испытывала такого блаженства от первого куска яблока, какое испытали бодлеровские сироты после первого

куска яблока с дерева, которое их родители скрестили с хреном. Яблоко оказалось не таким горьким, как ожидали дети, но хрен придавал соку свежесть и остроту, каким бывает воздух зимним утром. Однако главным достоинством яблока, принесенного Невероятно Смертоносной Гадюкой, было, конечно, его незамедлительное воздействие на ядовитые грибы, разрастающиеся у детей внутри. С того момента, как зубы Бодлеров вонзились в яблоко — сперва зубы Вайолет, потом Клауса, а затем Солнышка, — стебельки и шапочки медузообразного мицелия начали съеживаться, за какие-то минуты все признаки наводящего ужас гриба пропали и дети начали дышать легко и свободно. Бодлеры радостно обняли друг друга и вдруг принялись смеяться — нередкая реакция людей, чудом избежавших смерти. Змея как будто тоже смеялась, хотя, возможно, ей просто нравилось, что младшая Бодлер чешет ей за ушком, скрытым под чешуей.

— Надо каждому съесть еще по яблоку, — сказала, вставая, Вайолет, — чтобы уж как следует пропитаться хреном.

— И надо набрать яблок побольше, чтобы хватило на всех островитян, — напомнил Клаус. — Они, наверное, в таком же отчаянии, в каком были мы.

— Большая кастрюля, — проговорила Солнышко, направляясь к свисавшей с потолка сетке с утварью.

Змея помогла девочке снять громадную металлическую кастрюлю, куда могло войти очень много яблок и в которой и в самом деле в прежние годы в изобилии варили яблочное пюре.

— Вы оба собирайте яблоки, — сказала Вайолет, направляясь к перископу. — А я пока проверю, как там Кит Сникет. Прибрежную отмель, наверное, начало уже заливать, Кит может испугаться.

— Надеюсь, она избежала медузообразного мицелия, — сказал Клаус. — Страшно подумать, какой вред он мог бы нанести ребенку.

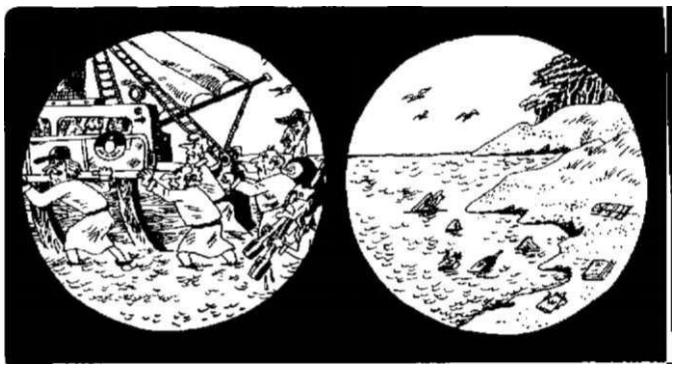
— Страз,— выпалила Солнышко, имея в виду что-то вроде «надо скорее спасать ее».

— Островитянам сейчас хуже, чем ей, — возразил Клаус. — Прежде всего надо идти

в палатку к Ишмаэлю, а потом уже спасать Кит.

Вайолет заглянула в перископ, и лицо ее помрачнело.

— Не нужно идти в палатку к Ишмаэлю, — проговорила она. — Нужно набрать в кастрюлю яблок и поскорее бежать на прибрежную отмель.



— Почему ты так считаешь? — спросил Клаус.

— Они отплывают, — ответила Вайолет, и, к сожалению, это была правда.

В перископ старшая Бодлер разглядела очертания большой лодки и фигуры

отравленных пассажиров, толкавших лодку вдоль отмели в сторону книжного плота, на котором по-прежнему лежала Кит Сникет. Дети по очереди заглянули в перископ, а потом посмотрели друг на друга. Они понимали, что должны спешить, но не

могли сдвинуться с места, им словно не хотелось продвигаться дальше и продолжать свою горестную историю или же не хотелось видеть, как завершается еще одна часть их истории.

глава тринадцатая

Если вы дочитали бодлеровскую хронику до этого места — а я решительно надеюсь, что не дочитали, — то вы знаете, что мы дошли до тринадцатой главы тринадцатого тома этой горестной истории и что конец близок, хотя глава эта так растянута, что, возможно, вы и не доберетесь до конца. Впрочем, быть может, вы еще не знаете, что такое конец. Слово «конец» подразумевает окончание истории или заключительный момент какого-то свершения, например секретного задания или большей части какого-то исследования, и этот тринадцатый том и в самом деле завершает мое исследование обстоятельств жизни Бодлеров. Оно потребовало всяческих розысков, множества секретных операций, а также стараний целого ряда моих сотрудников — от водителя троллейбуса до эксперта по скрещиванию растений, а также множества мастеров по ремонту пишущих машинок. Однако нельзя утверждать, что книга «Конец» содержит

конец бодлеровской истории, равно как и утверждать, будто бы книга «Скверное начало» содержит ее начало. История детей

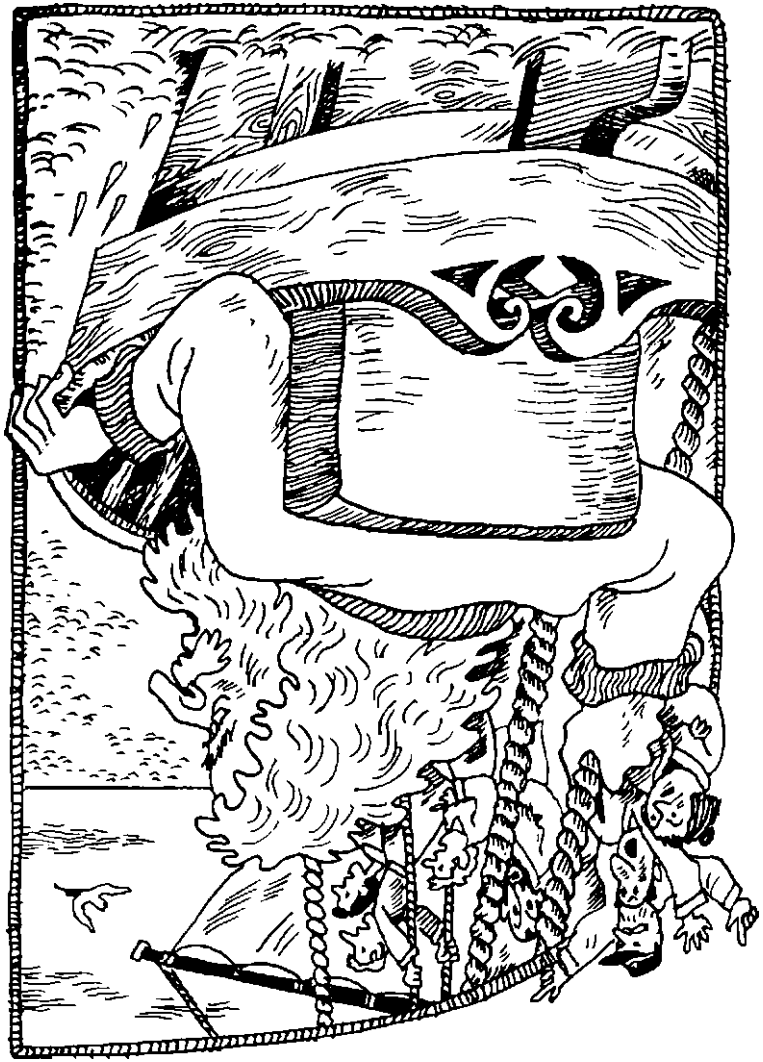
Бодлеров началась задолго до того ужасного дня на Брайни-Бич, и понадобился бы еще целый том хроники, повествующей о том, как дети родились, и как их родители поженились, и кто играл на скрипке в ресторане при свете свечей, когда родители Бодлеров в первый раз заметили друг друга, и что было спрятано внутри скрипки, и каково было детство человека, который

сделал сиротой девочку, спрятавшую это нечто в скрипку, но даже и тогда нельзя было бы сказать, что бодлеровская история уже началась, поскольку понадобилось бы узнать про чаепитие в квартире в пентхаузе и про пекаря, который испек булочки, поданные к чаю, и про его помощника, который тайком засунул в тесто некий ингредиент через очень узкую дренажную трубу, и про то, как одна хитрая особа из волонтеров создала иллюзию пожара, просто надев некое платье и прыгая по кухне, и даже тогда начало истории оставалось бы таким же далеким, каким далеким было кораблекрушение, выбросившее Бодлеров-родителей на прибрежную отмель, с которой собирались сейчас отплыть островитяне. Собственно, можно сказать, что ни одна история фактически не имеет начала и ни одна история фактически не имеет конца, ибо все людские истории в мире перемешаны подобно предметам в чащобе, все подробности и тайны нагромождены друг на друга, поэтому вся история, от начала до конца, зависит от

того, как на нее посмотреть. Можно было бы даже сказать, что мир всегда находится в medias res — латинское выражение, означающее «в гуще всего» или же «посреди повествования», — и невозможно ни разгадать окончательно тайну, ни отыскать корень всех бед. И таким образом, повесть «Конец» на самом деле есть середина истории, поскольку многие из персонажей этой книги будут жить еще долго после окончания тринадцатой главы и даже еще дольше, когда начнется новая история, ибо в конце тринадцатой главы на свет появляется новое дитя. Однако посреди событий невозможно пребывать вечно. Приходится рано или поздно признать, что конец не за горами. И действительно, конец «Конца» очень близок, поэтому на вашем месте я бы не стал дочитывать «Конец» до конца; он, правда, является концом отъявленного злодея, но также и концом храброй и благородной волонтерки, сестры своих братьев, и концом пребывания на острове колонистов, уплывающих с прибрежной отмели. Конец «Конца» со-

держит все эти концы, и тут ничего не зависит от того, как на это посмотреть, так что лучше для вас будет перестать смотреть на «Конец» до наступления конца «Конца» и бросить читать «Конец» до того, как дочитаете до конца, поскольку все истории, которые заканчиваются в «Конце», а начались в «Скверном начале», начинают теперь заканчиваться.

Бодлеры быстро наполнили кастрюлю яблоками и бросились к отмели, преодолев склон как могли быстро. Время ленча миновало, прилив уже начался, глубина воды на отмели была теперь гораздо больше, чем когда дети впервые ступили на нее. Вайолет и Клаус подняли большую кастрюлю, а Солнышко и Невероятно Смертоносная Гадюка забрались старшим Бодлерам на плечи и так ехали вместе с горькими яблоками. Кит Сникет лежала на верхушке книжного плота, вода уже промочила первые слои книг, а рядом с плотом покачивалась большая лодка. Подойдя ближе, дети увидели, что островитяне прекратили толкать лодку и уже залезли в нее, не переставая при



этом кашлять. На носу лодки возвышалась фигура Ишмаэля, сидевшего в глиняном кресле. Он следил за отравленными колонистами и поглядывал на приближающихся Бодлеров.

— Остановитесь! — крикнула Вайолет, когда их уже могли слышать. — Мы нашли противоядие!

— Бодлеры! — послышался слабый голос Кит с верхушки книжного куба. — Как хорошо, что вы здесь! По-моему, сейчас начнутся схватки!

Вы наверняка знаете, что слово «схватки» означает процесс, в результате которого женщина производит на свет ребенка, и это можно назвать геркулесовым подвигом, в данном случае подразумевая, что «лучше бы этого не делать на книжном плоту, качающемся в волнах прилива». Солнышко с высоты кастрюли видела, что Кит держится за живот, обратив к младшей из Бодлеров лицо, искаженное гримасой боли.

— Мы вам поможем! — крикнула Вайолет. — Только сперва надо передать яблоки островитянам!

— Они их не возьмут! — крикнула в ответ Кит. — Я пыталась им объяснить, что яд можно нейтрализовать, но они хотят уплыть, и все тут!

— Никто их не заставляет, — спокойно произнес Ишмаэль. — Я просто навел их на мысль, что остров перестал быть безопасным местом и пора отправляться на поиски другого.

— Эта женщина и Бодлеры навлекли на нас все неприятности, — послышался сонный голос мистера Питкерна. Из-за мицелия и кокосового напитка у него заплетался язык. — Но Ишмаэль нас вытащит.

— Остров был таким безопасным, — присоединился к нему профессор Флетчер, — таким далеким от вероломного мира. Но с тех пор как сюда явились вы, жизнь здесь стала опасной и сложной.

— Но это не наша вина, — сказал Клаус, подходя ближе к лодке, между тем как вода все прибывала и прибывала. — У вас не получится жить вдали от вероломного мира, потому что вероломство в конце концов все равно прибьет к вашим берегам.

— Вот именно. — Алонсо зевнул. — Сюда прибило вас, и вы навсегда испортили нам остров.

— Поэтому оставляем его вам. — Ариель закашлялась. — Забирайте его себе. Мы поплывем искать безопасное место.

— Безопасно тут! — крикнула Солнышко, поднимая вверх яблоко.

— Хватит, вы нас уже отравили, — отрезала Едгин, и островитяне дружно засипели, соглашаясь с ней. — Мы больше не желаем выслушивать ваши коварные идеи.

— Но вы же сами хотели поднять мятеж, — запротестовала Вайолет. — Вы не желали выслушивать советы Ишмаэля.

— Это было еще до появления медузообразного мицелия, — хриплым голосом отозвалась Финн. — Ишмаэль тут живет дольше всех, он знает, как уберечь нас от опасностей. По его совету мы все сейчас выпили как следует сердечного, а он нам объяснил, в чем корень бед. — Она перевела дыхание, пытаясь справиться с усиливающимся действием зловредного гриба. — И корень всех бед — это вы, Бодлеры.

глава тринадцатая

К этому моменту дети вплотную подошли к лодке. Они поглядели вверх на Ишмаэля, а он приподнял брови и в свою очередь устремил взгляд на отчаявшихся Бодлеров.

— Почему вы так поступаете? — спросил Клаус рекомендателя. — Вы же знаете — не в нас корень всех проблем.

— В medias res![1] — выкрикнула Солнышко.

— Солнышко права, — поддержала сестру Вайолет. — Медузообразный мицелий был известен еще до нашего рождения. Потому наши родители и готовились к его появлению на острове и для этого привили хрен к корням яблони.

— Если они не съедят горьких яблок, — продолжал убеждать Ишмаэля Клаус, — их постигнет горькая участь. Расскажите островитянам всю историю целиком, Ишмаэль, чтобы они могли спастись.

— Всю историю? — повторил Ишмаэль и пригнулся поближе к Бодлерам, чтобы другие не могли слышать. — Если я расскажу

[1] **В самую глубину, в сущность** ***(лат.).***

им всю историю, я не смогу оберегать их от ужасных тайн мира. Они уже кое-что узнали этим утром и подняли было мятеж за завтраком. Если бы они узнали все тайны этого острова, тут же начался бы раскол.

— Лучше раскол, чем смерть, — проговорила Вайолет.

Ишмаэль покачал головой и запустил пальцы в свою косматую бороду.

— Никто не умрет, — сказал он. — Лодка доставит нас к берегу около Паршивой Тропы, а там мы доберемся до фабрики, производящей хрен.

— У вас нет времени для такого долгого путешествия, — возразил Клаус.

— А я думаю — есть, — отозвался Ишмаэль.— Я даже без компаса сумею доставить всех в безопасное место.

— Вам нужен нравственный компас, — заявила Вайолет. — Споры медузообразного мицелия способны убить за час. Все колонисты уже будут отравлены, и, даже если вы сумеете добраться до берега, гриб способен поразить тех, кого вы там встретите. Никого вы не уберегаете от

опасности, а подвергаете опасности весь мир только ради того, чтобы скрыть какие-то ваши секреты! Вы не покровитель! Вы поступаете дурно и возмутительно!

— Я считаю, это как посмотреть, — отозвался Ишмаэль. — Прощайте, Бодлеры. — Он выпрямился и крикнул задыхающимся островитянам: — Предлагаю начать грести!

И колонисты опустили руки в воду и принялись грести ими, удаляясь от детей. Бодлеры вцепились в борт лодки и обратились к той, что первой нашла их на прибрежной отмели.

— Пятница! — крикнул Клаус. — Возьми яблоко!

— Не поддавайся давлению окружающих, — упрашивала Вайолет.

Пятница обернулась лицом к детям, и они увидели, что она страшно испугана. Клаус быстро выхватил одно яблоко из кастрюли, а де-

вочка перегнулась из лодки и дотронулась до его руки.

— Мне жалко оставлять вас здесь, Бодлеры, но я должна плыть со своей семьей. Я уже потеряла отца и не вынесу еще одной потери.

— Но ведь твой отец... — начал было Клаус, однако миссис Калибан метнула на него гневный взгляд и оттянула дочь от борта.

— Не раскачивай лодку, — сказала она Пятнице. — Иди сюда, выпей сердечного.

— Твоя мама права, Пятница, — твердо сказал Ишмаэль. — Следует уважать желания родителей. Это то, чего никогда не делали Бодлеры.

— Мы уважаем желания наших родителей. — Вайолет подняла яблоки как можно выше. — Они не хотели укрывать нас от вероломства мира. Они хотели, чтобы мы прошли через это и остались живы.

Ишмаэль положил руку на кастрюлю с яблоками.

— Что ваши родители знают о выживании? — сказал он. И старый сирота реши-

тельным, безжалостным жестом оттолкнул кастрюлю, так что борт вырвался из рук Бодлеров.

Вайолет с Клаусом хотели было сделать еще шаг вперед, к островитянам, но вода поднялась так высоко, что прибрежная отмель ушла у детей из-под ног, и они очутились в воде. Кастрюля покачнулась, Солнышко вскрикнула, увидев, как несколько яблок с плеском бултыхнулись в воду, и вцепилась в плечи Вайолет. Услыхав плеск, Бодлеры вспомнили про яблочную сердцевинку, которую уронил Ишмаэль, и вдруг поняли, почему рекомендатель держится так спокойно, несмотря на ядовитый гриб, и почему его голос, один из всех, не охрип от стебельков и шапочек.

— Мы должны догнать их, — сказала Вайолет. — Может быть, мы их единственный шанс.

— Мы не должны догонять их, — ответил Клаус, не выпуская из руки яблоко. — Мы должны помочь Кит.

— Разделиться, — подсказала Солнышко, глядя вслед удаляющейся лодке.

Клаус помотал головой.

— Мы должны остаться здесь все трое, если хотим помочь Кит произвести на свет ребенка. — Он не спускал глаз с островитян и прислушивался к хрипу и кашлю, доносившимся из лодки, сооруженной из тростника и ветвей деревьев. — Они сделали свой выбор, — заключил он.

— Контики, — проговорила Солнышко. Она имела в виду что-то вроде «нет никаких шансов, что они останутся в живых».

Но младшая Бодлер ошиблась. Шанс был. Был способ доставить островитянам одно-единственное яблоко, чтобы они поделили между собой этот горький плод и каждый откусил бы по куску, и это помогло бы им продержаться — слово, как вам, вероятно, известно, означающее «справиться с трудной ситуацией», — пока они не достигнут места, где кто-то по-настоящему поможет им, так же как трое Бодлеров поделили между собой яблоко в тайном помещении, где их родители дали им возможность пережить одно из самых смертельно опасных несчастий, какое когда-либо при-

бивало к берегам острова. Тот, кто доставит яблоко островитянам, должен был, разумеется, подплыть к лодке украдкой и к тому же быть как можно более незаметным, чтобы избежать бдительного взора рекомендателя. Бодлеры не замечали исчезновения Невероятно Смертоносной Гадюки довольно долго, так как сосредоточенно помогали Кит, поэтому позже не могли сказать наверняка, что случилось со змеей, мое же расследование истории этой рептилии осталось неполным, я не знаю, какие еще события случались в ее жизни, пока Смолка, как некоторые ее называли, скользила из одного места в другое, порой укрываясь от вероломного мира, а порой сама совершая вероломные поступки, — что отчасти напоминало историю бодлеровских сирот, которую иные люди называли списком преступлений, безумств и несчастий. Если только вы сами не проводили иссле-

дования судьбы островитян, нет возможности узнать, что же произошло с ними дальше, после того как они покинули колонию, ставшую для них родным домом. Однако способ выжить во время путешествия у них был, и, хотя он может показаться фантастичным, он не более фантастичен, чем то, что трое детей помогали женщине во время родов. Бодлеры поспешили к книжному плоту, подняли Солнышко с кастрюлей наверх, где лежала Кит, чтобы девочка держала задыхающуюся женщину за руку в перчатке и чтобы горькое яблоко нейтрализовало яд, попавший в ее организм. А тем временем Вайолет и Клаус толкали плот к берегу.

— Возьмите яблоко, — предложила Солнышко, но Кит покачала головой.

— Не могу, — ответила она.

— Но вы же отравлены, — попыталась убедить ее Вайолет. — Наверно, заразились от островитян, когда они проплывали мимо.

— Яблоки повредят ребенку, — ответила Кит. — В гибриде есть что-то вредное

для еще не родившихся. Потому-то ваша мама даже не попробовала созданных ею горьких яблок — она тогда ждала тебя, Вайолет.— Кит опустила одну руку в перчатке вниз и потрепала старшую Бодлер по волосам. — Мне бы хотелось стать хоть вполовину такой же хорошей матерью, какой была твоя мама, Вайолет.

— Вы и станете, — сказал Клаус.

— Не знаю, — ответила Кит. — Предполагалось, что я помогу вам, дети, в тот день, когда вы опять очутились в Брайни-Бич. Мне хотелось тогда увезти вас в своем такси куда-нибудь в безопасное пристанище. А вместо того я погрузила вас в мир вероломства в отеле «Развязка». Я хотела воссоединить вас с вашими друзьями Квегмайрами. А вместо того где-то потеряла их. — Кит со свистом вздохнула и замолчала.

Продолжая направлять плот к берегу острова, Вайолет вдруг впервые заметила, что руки ее упираются в корешок книги, которую она видела в библиотеке под кроватью у Тетушки Жозефины, — «Иван

— Мне хотелось тогда увезти вас в своем такси куда-нибудь в безопасное пристанище.

Лакримозе — исследователь озера», а Клаус в то же время упирался руками в «Микологические миниатюры» — книгу из микологической библиотеки Фионы.

— Что же случилось? — спросила Вайолет, пытаясь представить себе, какие такие странные события могли пригнать эти книги к берегам острова.

— Я подвела вас, — с грустью проговорила Кит и закашлялась. — Куигли ухитрился добраться до автономного летучего дома, как я и надеялась, и помог своим сестре и брату с Гектором поймать

Кушли ухитрилась добраться до автономного летучего дома.

коварных орлов громадной сетью, а я встретилась с капитаном Уиддершинсом и с его падчерицей и пасынком.

— С Фернальдом и Фионой? — спросил Клаус, имея в виду человека с крюками вместо рук, который когда-то работал на Графа Олафа, и юную особу, которая разбила Клаусу сердце. — Но они же предали капитана и нас.

— Капитан простил измену тем, кого любил, и надеюсь, вы тоже простите мое

предательство, Бодлеры. Мы сделали отчаянную попытку починить «Квиквег» и добраться до Квегмайров, так как битва в воздухе продолжалась. Мы подоспели как раз вовремя: именно в этот момент воздушные шары автономного летучего дома лопнули под ударами орлиных клювов, когда орлы вырвались из сети. Летучий дом рухнул вниз, в море, прямо на «Квиквег». В считаные минуты мы потерпели крушение и очутились в воде, окруженные всевозможными предметами, уцелевшими во время катастрофы. — Кит на мгновение замолчала. — Фионе безумно хотелось связаться с тобой, Клаус, — добавила она. — Ей хотелось, чтобы ты тоже простил ее.

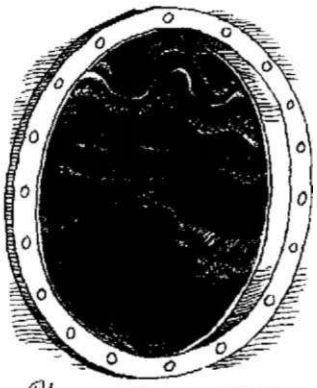
— А она... — Клаус не смог закончить фразу. — Я хочу сказать — что случилось потом?

— Не знаю, — призналась Кит. — Из глубины океана вдруг

возникла таинственная фигура, похожая на вопросительный знак.

— Мы видели ее на экране радара, — вспомнила Вайолет. — Капитан Уиддершинс не захотел рассказать нам, что это такое.

— Мой брат называл это «Великое Неизвестное». — Кит обхватила живот руками — так сильно брыкался ребенок. — Я страшно испугалась, Бодлеры. И быстро соорудила Громаду Приоритетных Вещей, как меня учили.



Из глубин океана вдруг возникла таинственная фигура.

— Приоритетных? — переспросила Солнышко.

— Слово это означает «важное, главное»,— пояснила Кит.— Многим научным словам меня научил Монти. С помощью Громады Приоритетных Вещей можно спасти себя и одновременно свои любимые вещи. Я собрала все любимые книги, какие были под рукой, а

скучные побросала в воду. Но наши с вами общие друзья готовы были рискнуть и встретиться лицом к лицу с Великим Неизвестным. Я умоляла их перейти на плот, поскольку вопросительный знак все приближался, но только Смолка сумела до меня добраться. Остальные... — Голос ее сорвался, с минуту она лишь тяжело дышала. — В одно мгновение они все исчезли — то ли эта загадочная штука поглотила их, то ли спасла.

— И вы не знаете, что с ними? — еще раз спросил Клаус.

Кит покачала головой.

— Я слышала только, как кто-то из Квегмайров выкрикнул имя Вайолет.

Солнышко всмотрелась в лицо отчаявшейся женщины.

— Куигли? — спросила младшая Бодлер. — Или Дункан?

— Не знаю, — ответила Кит. — Простите меня, Бодлеры. Я предала вас. Вам удалось справиться с вашей благородной задачей в отеле «Развязка» — вы спасли Дьюи и остальных, а я не знаю, увидим ли мы когда-нибудь Квегмайров и их товарищей.

Я надеюсь, вы простите меня за все мои неудачи и, когда мы встретимся с Дьюи, он тоже меня простит.

Бодлеры грустно посмотрели друг на друга. Они поняли, что пришло время наконец рассказать Кит Сникет всю историю, как она рассказала свою.

— Мы простим ваши неудачи, — проговорила Вайолет, — если вы простите нас.

— Мы тоже предали вас, — подхватил Клаус. — Мы были вынуждены сжечь отель «Развязка», и мы не знаем, удалось ли кому-нибудь спастись.

Солнышко сжала руку Кит в своих ладошках.

— Дьюи мертв, — сказала она, и все они расплакались.

Бывают такие слезы, и я надеюсь, вы еще с этим не сталкивались, когда плачешь не оттого, что испугался чего-то ужасного сию минуту, но из-за всего ужасного, что происходит вообще в мире, и не только с вами, но и со всеми, кого вы знаете, и со всеми, кого не знаете, и даже с теми, кого и не хочется знать, и эти слезы нельзя облегчить ни храб-

рым поступком, ни добрым словом, облегчить их можно, только если кто-то крепко обнимет вас, когда вы сотрясаетесь от плача и слезы катятся по вашему лицу. Солнышко крепко обхватила Кит, а Вайолет — Клауса, и с минуту четверо уцелевших продолжали плакать, и слезы катились у них по лицам и падали в океан, который иногда считают не чем иным, как вместилищем всех слез, пролитых за всю историю человечества. Кит и дети дали своей печали слиться с печалью всех утраченных ими людей. Они оплакивали Дьюи Денумана, и тройняшек Квегмайров, и всех своих товарищей и опекунов, друзей и союзников, *и* проступки, которые они могли простить, и предательства, которые смогли пережить. Они оплакивали все человечество, но главным образом бодлеровские сироты, конечно, оплакивали своих родителей, которых им не суждено было больше никогда увидеть, — это они теперь знали твердо. И хотя Кит Сникет не сообщила им никаких новых вестей о родителях, ее рассказ о Великом Неизвестном убедил детей в том, что люди, написавшие все главы повествования

«Тридцать три несчастья», навеки канули в Великое Неизвестное и Вайолет, Клаус и Солнышко теперь уже навеки сироты.

— Перестаньте, — сказала наконец Кит, когда слезы ее начали иссякать. — Перестаньте толкать плот. Я не могу больше жить.

— Нет, мы должны продолжать жить, — возразила Вайолет.

— Мы почти уже на берегу, — добавил Клаус.

— Отмель затапливает, — проговорила Солнышко.

— Пускай затапливает, — отозвалась Кит. — Я больше не могу, Бодлеры. Я потеряла слишком много близких — родителей, моего любимого и моих братьев.

При слове «братья» Вайолет кое-что вспомнила и, сунув руку в карман, достала роскошное кольцо, украшенное инициалом «Р».

— Иногда потерянные вещи находятся в самых неожиданных местах, — сказала Вайолет и поднесла кольцо к глазам Кит.

Отчаявшаяся женщина сняла перчатки и взяла кольцо дрожащей рукой.

— Оно не мое, — сказала она. — Оно принадлежало вашей маме.

— А до этого оно принадлежало вам, — сказал Клаус.

— Его история началась еще до нашего рождения, — отозвалась Кит, — и продолжится после нашей смерти. Передайте кольцо моему ребенку, Бодлеры. Пусть он станет частью моей истории, даже если сразу осиротеет и останется одинешенек в целом мире.

— Он не останется одинешенек, — с возмущением возразила Вайолет. — Если вы умрете, Кит, мы вырастим вашего ребенка как своего.

— Лучшего я и желать не могу, — тихо ответила Кит. — Назовите новорожденного именем кого-то из ваших родителей, Бодлеры. В обычае нашей семьи давать ребенку имя кого-то из *умерших*.

— В нашей тоже, — сказала Солнышко. Она вспомнила, как отец сказал ей это, когда она спросила, как ее зовут.

— Наши семьи всегда были тесно связаны, — сказала Кит, — хотя нам и пришлось

жить вдали друг от друга. Но теперь мы наконец вместе, как одна семья.

— Тогда давайте мы вам поможем, — сказала Солнышко, и Кит Сникет, всхлипывая и задыхаясь, кивком дала согласие, и Бодлеры принялись толкать Громаду Приоритетных Вещей к берегу острова, куда в конце концов прибивает все.

В это время большая лодка исчезла за горизонтом, и дети в последний, насколько мне известно, раз бросили взгляд на островитян. Потом они уставились на книжный куб и попытались сообразить, каким образом раненой, беременной и отчаявшейся женщине удастся перебраться в безопасное место, чтобы родить ребенка.

— Вы можете спуститься вниз? — спросила Вайолет.

Кит помотала головой.

— Больно, — сказала она хриплым, сдавленным голосом.

— Мы можем отнести ее, — предложил Клаус, но Кит снова покачала головой.

— Я слишком тяжелая. Вдруг вы меня уроните и ребенок пострадает?

глава тринадцатая

— Мы можем что-нибудь изобрести, на чем доставить вас на берег, — сказала Вайолет.

— Да, — подхватил Клаус, — мы сбегаем в чащобу и найдем что-нибудь полезное.

— Уже некогда, — проговорила Солнышко, и Кит согласно кивнула.

— Ребенок вот-вот родится, — сказала она слабым голосом. — Найдите кого-нибудь, кто бы помог вам.

— Мы тут одни, — ответила Вайолет, но в ту же минуту она и остальные Бодлеры повернули головы в сторону пляжа — туда, где они когда-то нашли плот, — и увидели, как из палатки Ишмаэля выбирается единственная личность, о которой они не пролили ни слезинки.

Солнышко соскользнула вниз, на песок, не выпуская из рук кастрюли, и трое Бодлеров побежали вверх по склону к судорожно передвигающейся фигуре Графа Олафа.

— Привет, сироты, — прохрипел он еще более скрипучим и грубым из-за действия мицелия голосом. Платье Эсме свалилось с его костлявого тела, он полз по песку

в своей обычной одежде. Одной рукой он держал раковину с сердечным, а другой держался за грудь. — Вы явились склониться перед королем Олафленда?

— Нам не до ваших глупостей, — отрезала Вайолет. — Нам нужна ваша помощь.

Граф Олаф удивленно поднял бровь.

— *Вам* нужна *моя* помощь?! — спросил он. — Что же случилось со всеми здешними болванами?

— Они бросили нас, — ответил Клаус.

Олаф захрипел жутким образом, и дети не сразу поняли, что он смеется.

— Ну и как вам яблочки? — просипел он, желая в данном случае сказать: «По-моему, так ситуация исключительная».

— Мы дадим вам яблок, — Солнышко показала на кастрюлю, — если поможете.

— Не надо мне ваших яблок. — Олаф попытался сесть, все так же хватаясь за грудь. — Мне нужно ваше наследство, которое оставили вам родители.

— Наследства здесь нет, — ответила Вайолет. — И возможно, ни один из нас не увидит ни гроша из этих денег.

— Даже если бы деньги были здесь, — сказал Клаус, — вряд ли вы доживете до того, чтобы ими воспользоваться.

— Маккиав,— выпалила Солнышко, что означало — «ваше интриганство здесь бессмысленно».

Граф Олаф поднес к губам раковину, и Бодлеры заметили, что он весь дрожит.

— Тогда лучше я останусь тут, — хриплым голосом ответил он. — Я слишком много потерял, чтобы жить дальше, — моих родителей, любимую, приспешников, кучу денег, которые я не заработал, и даже лодку с моим именем.

Дети переглянулись, вспоминая, как они плыли вместе с ним в лодке и как им пришла в голову мысль столкнуть Олафа за борт. Если бы он тогда утонул, медузообразный мицелий не стал бы угрозой для острова, хотя смертоносный гриб все равно рано или поздно вынесло бы на берег, и если бы злодей погиб тогда, сейчас некому было бы помочь Кит Сникет и ее ребенку.

Вайолет встала коленями на песок и схватила злодея за плечи обеими руками.

— Нет, мы должны жить дальше, — сказала она. — Сделайте хоть одно доброе дело в жизни, Олаф.

— Я сделал уйму добрых дел за свою жизнь,— зарычал он.— Однажды приютил трех сирот, и несколько раз рассматривалась моя кандидатура на получение престижных театральных премий.

Клаус тоже встал на колени рядом с сестрой и поглядел негодяю прямо в его блестящие глаза.

— Вы же и сделали нас сиротами. — Он впервые произнес вслух тайну, которую трое Бодлеров с давних пор скрывали в своих сердцах.

Олаф на миг закрыл глаза, сморщив лицо от боли, а потом медленно обвел взглядом всех троих детей по очереди.

— Вы так думаете? — наконец произнес он.

— Мы знаем это, — подтвердила Солнышко.

— Ничего вы не знаете. Вы все те же, что были, когда я вас увидел в первый раз. Думаете, в этом мире можно победить,

имея всего лишь сообразительную голову, кипу книг и вкусную еду от случая к случаю? — Олаф влил себе в отравленный рот последний глоток сердечного и отшвырнул раковину в сторону. — Вы в точности такие же, как ваши родители.

И тут дети услышали стон с берега моря.

— Вы должны помочь Кит, — сказала Вайолет. — Сейчас родится беби.

— Кит? — повторил Граф Олаф.

Молниеносным движением он выхватил из кастрюли яблоко и яростно впился в него зубами. Он жевал, морщась от боли, а Бодлеры слушали, как успокаивается его хриплое дыхание, по мере того как на ядовитый гриб оказывает свое действие изобретение их родителей. Олаф откусил еще кусок и еще, а затем со страшным стоном поднялся на ноги.

И тут дети увидели, что одежда у него на груди пропитана кровью.

— Вы ранены, — сказал Клаус.

— Не первый раз в жизни, — отозвался Граф Олаф.

Шатаясь, он спустился по склону и побрел по воде, затопившей прибрежную отмель.

Он бережно снял Кит с плота и понес к берегу. Глаза у отчаявшейся женщины были закрыты, и подбежавшие Бодлеры не сразу поняли, жива она или нет, пока Олаф не положил ее осторожно на белый песок. Тогда дети увидели, что грудь ее поднимается и опускается — она дышит. Негодяй посмотрел на Кит долгим взглядом, а потом нагнулся и сделал странную вещь. На глазах у Бодлеров Граф Олаф нежно поцеловал Кит Сникет в дрожащие губы.

— Тьфу! — выпалила Солнышко, когда веки у Кит затрепетали и она открыла глаза.

— Я тебе говорил, — слабым голосом сказал Граф Олаф, — говорил, что напоследок это сделаю.

— Ты скверный человек, — отозвалась Кит. — Думаешь, за один добрый поступок я прощу твои грехи?

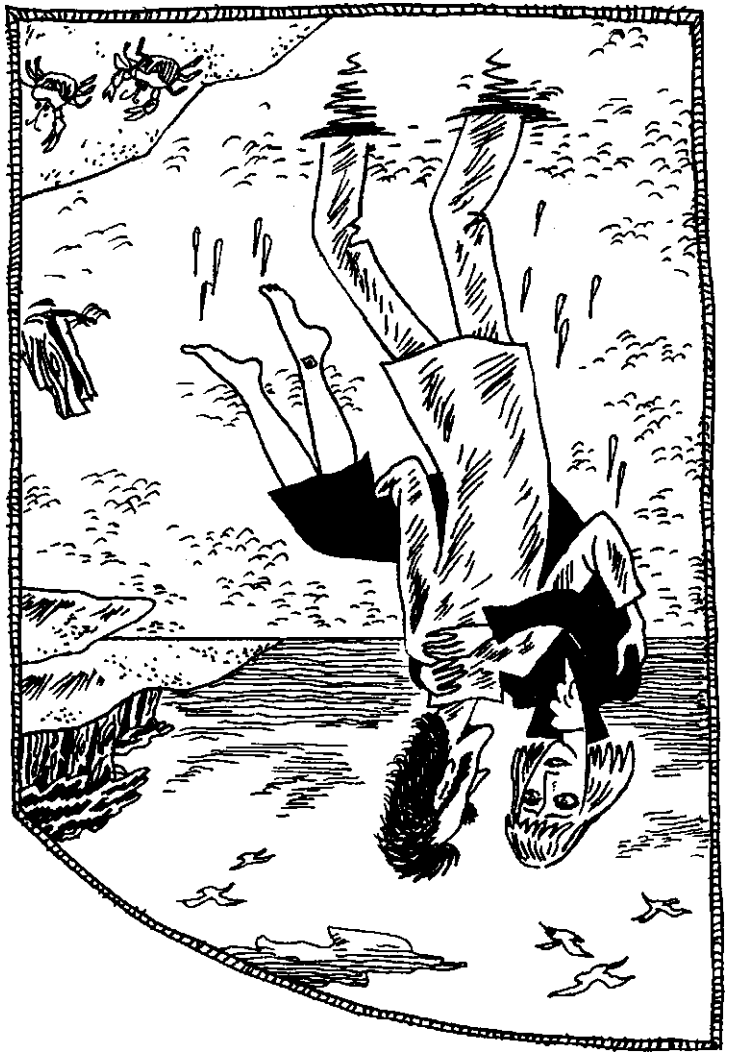
Злодей, спотыкаясь, отошел на несколько шагов и, сев на песок, испустил тяжелый вздох.

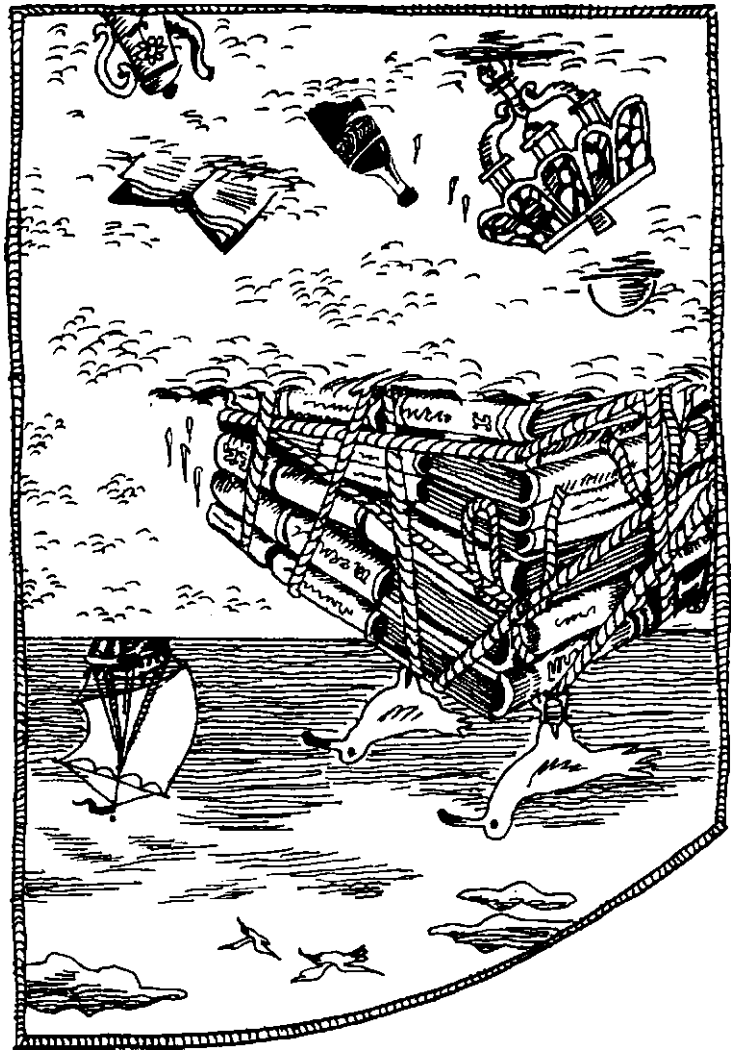
— Я не просил прощения, — сказал он и поглядел сперва на Кит, а потом на Бодлеров.

глава тринадцатая

Кит протянула руку и дотронулась до его щиколотки, там, где находилась татуировка в форме глаза, преследовавшая детей с тех самых пор, как они увидели ее впервые. Вайолет, Клаус и Солнышко глядели на татуировку и вспоминали все случаи, когда она была скрыта, и все случаи, когда обнажалась, и думали обо всех других местах, где встречали ее, ибо, если приглядеться, буквы Г. П. В. составляли вместе изображение глаза, а когда дети расследовали Главную Противопожарную Вертикаль или пытались сначала расшифровать зловещие тайны организации, а потом участвовать в ее благородных делах, эти глаза постоянно наблюдали за ними, хотя до сих пор оставалось загадкой, были эти глаза благородные или вероломные, добрые или злые. История этих глаз вся, целиком, казалось, навсегда будет скрыта от Бодлеров, останется загадкой вместе с историей всех других глаз, наблюдающих днем и ночью за всеми другими сиротами.

— «Ночь смотрит тысячами глаз... — хриплым голосом произнесла Кит и, подняв





голову, посмотрела на злодея. Бодлеры догадались, что она цитирует чьи-то слова. — А день глядит одним. Но солнца нет — и по земле тьма стелется, как дым. Ум смотрит тысячами глаз, любовь глядит одним. Но нет любви — и гаснет жизнь, и дни плывут, как дым»[1].

Граф Олаф слабо улыбнулся.

— Ты не единственная, кто может прочесть вслух слова нашего товарища, — сказал он и устремил взгляд на море. День клонился к вечеру, скоро над островом должна была сгуститься темнота. — Горе передается от человека к человеку, — произнес негодяй. — Оно становится все глубже, как вода на прибрежной отмели. Выбирайтесь отсюда как можно раньше. — Он закашлялся, раздались жуткие звуки, и он схватился за грудь. — И не заводите собственных детей, — заключил он и коротко, резко рассмеялся.

И на этом заканчивается история негодяя. Олаф лег на спину и лежал на песке

[1] **«Из Бурдильёна».** ***Пер. Я. Полонского.***

вдали от вероломного мира, а дети стояли и смотрели на его лицо. Глаза у него ярко блестели, рот раскрылся, как будто он

хотел что-то сказать, но бодлеровские сироты так и не услышали больше от Графа Олафа ни слова.

В этот момент Кит вскрикнула от боли хриплым, отравленным ядом голосом, и Бодлеры поспешили ей на помощь. Они даже не заметили, когда Граф Олаф закрыл глаза в последний раз. И возможно, сейчас самое время и вам закрыть глаза, и не только для того, чтобы не читать конца бодлеровской истории, но и чтобы легче представить себе начало следующей. Вероятнее всего, ваши собственные глаза были закрыты, когда вы появились на свет, так что вы покинули безопасное место, а именно — материнскую утробу, и вступили в вероломный мир, не видя, в общем-то, куда вы вступаете. Вы еще не знали тех, кто помог вам появиться на свет, или тех, которые будут оберегать вас в начале вашей жизни, пока вы были еще меньше, нежнее и требовательнее, чем теперь. Странно как-то, что вы так ведете себя и так надолго препоручаете себя заботам незнакомцев и лишь постепенно открываете

глаза и видите, что же, собственно, происходит с вами. И тем не менее так почти каждый из нас входит в мир. Быть может, если бы мы видели, что нас ждет впереди, и различали вдали череду уготованных нам преступлений, безумств и несчастий, мы оставались бы в материнской утробе, и тогда не было бы в мире никого, кроме большого количества очень толстых, очень раздражительных женщин. Во всяком случае, именно так начинаются все наши истории — в темноте, с закрытыми глазами, и так они и заканчиваются: все мы произносим какие-то последние слова — свои или чужие,— а потом погружаемся обратно в темноту, когда череда наших несчастий подходит к концу. И таким-то образом одновременно с началом путешествия, предпринятого младенцем Кит Сникет, мы подходим к концу череды несчастий, составляющих данную книгу. Какое-то время роды продвигались с трудом, и детям уже казалось, что дела идут в аберрантном, иначе говоря, «совершенно, абсолютно неправильном и прискорбном» направлении.

конец

Однако в конце концов появился в мире младенец женского пола, а из мира, к моему большому горю, ушла мать младенца, моя сестра, после долгой ночи страданий, но и радости тоже, ибо рождение ребенка всегда добрая весть, сколько бы впоследствии ни пришлось слышать этому ребенку дурных вестей.

Солнце поднялось над прибрежной отмелью, которую целый год теперь не скроет прилив. Бодлеры, стоя на берегу, держали на руках младенца и смотрели, как девочка впервые открывает глаза. Дочка Кит Сникет прищурилась от яркого света восходящего солнца и попыталась сообразить, где это она, и, размышляя об этом, она, конечно, расплакалась. Девочка, названная в честь мамы Бодлеров, надрывалась и надрывалась, и с этого началась череда ее несчастий, а история бодлеровских сирот закончилась.

Это, разумеется, не значит, что они в тот день умерли. Они были слишком для этого заняты. Хотя пока еще сами дети, они при этом стали родителями, и у них было по горло дел. Вайолет спроектиро-

вала и соорудила оборудование, необходимое для выращивания ребенка, использовав разные предметы из хранилища в чащобе. Клаус обследовал все книжные полки в поисках информации по уходу за ребенком и внимательно следил за развитием младенца. Солнышко пасла диких коз и доила их, обеспечивая питанием новорожденного, а когда девочка немного подросла, Солнышко пустила в ход мутовку, которую получила от Пятницы, чтобы давать младенцу мягкую пищу. И все трое Бодлеров сажали семечки горьких яблок по всему острову, чтобы изничтожить все

следы медузообразного мицелия (хотя и помнили, что он растет лучше всего в тесном пространстве). Так что смертоносный гриб никоим образом не мог нанести вред ребенку, и остров стал снова безопасным, каким был в тот день, когда Бодлеры тут очутились. Все эти труды занимали целый день, а вечерами, когда младенец учился спать, Бодлеры сидели в двух больших креслах и по очереди читали вслух книгу, которую оставили здесь их родители. Иногда они перескакивали в конец книги и сами добавляли кое-что к той истории. Читая, дети находили долгожданные ответы на многие вопросы, хотя каждый ответ влек за собой еще одну тайну, поскольку многие подробности жизни Бодлеров походили на странную, непостижимую фигуру — какое-то Великое Неизвестное. Однако новые тайны не так уж сильно волновали детей, как вы могли бы подумать. Невозможно вечно сидеть и разгадывать тайны собственной истории — сколько ни читай, всей истории целиком все равно не узнаешь. Им и этого было довольно. Чи-

тать написанное родителями было лучшим, на что могли рассчитывать бодлеровские сироты в данных обстоятельствах.

Ближе к ночи они засыпали, как и родители, прямо в креслах, в потайной комнате под корнями горькой яблони в чащобе на острове, далеко-далеко от вероломного мира. Через несколько часов младенец, естественно, просыпался и заполнял помещение голодными криками. Бодлеры дежурили по очереди, и, пока двое других спали, кто-то один уходил прочь из чащобы, неся младенца на перевязи, которую изобрела Вайолет, и, поднявшись на верхушку склона, садился там, и оба, дитя и родитель, завтракали, глядя на море. Иногда они навещали могилу Кит Сникет и клали там несколько полевых цветков, реже — могилу Графа Олафа. Там они просто стояли недолго и молчали. Во многих отношениях жизнь, которую вели бодлеровские сироты в тот год, похожа на мою теперешнюю, когда я закончил мое исследование. Так же как Вайолет, Клаус и Солнышко, я навещаю некоторые могилы и зачастую стою по

утрам на верхушке склона, всматриваясь в даль того же моря. Конечно, это не вся история, но и этого достаточно. В данных обстоятельствах это лучшее, на что вы можете рассчитывать.

Моему любезному издателю

Конец «Конца» можно найти в конце «Конца».

С должным почтением,

Lemony Snicket

Лемони Сникет

В серии вышли:

СКВЕРНОЕ НАЧАЛО

ЗМЕИНЫЙ ЗАЛ

ОГРОМНОЕ ОКНО

ЗЛОВЕЩАЯ ЛЕСОПИЛКА

ИЗУВЕРСКИЙ ИНТЕРНАТ

ЛИПОВЫЙ ЛИФТ

ГАДКИЙ ГОРОДИШКО

КОШМАРНАЯ КЛИНИКА

КРОВОЖАДНЫЙ КАРНАВАЛ

СКОЛЬЗКИЙ СКЛОН

УГРЮМЫЙ ГРОТ

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕДРЯГА

КОНЕЦ

Лемони Сникет

ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ

КНИГА ПОСЛЕДНЯЯ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

А

Санкт-Петербург
Издательский Дом "Азбука-классика"
2007

Chapter Fourteen
Lemony Snicket. The Penultimate Peril
Copyright © 2005 by Lemony Snicket
All rights reserved

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило
Нам скучен этот край! О смерть, скорее в путь![1]

[1] **Из стихотворения Ш.Бодлера «Плаванье».** ***Пер. М.Цветаевой.***

Посвящается Беатрис

Мы словно корабли, плывущие ночами, — в особенности ты.

Последняя запись, сделанная почерком Бодлеров-родителей в огромной книге, гласит:

Как мы и подозревали, нам снова предстоит стать отверженными. Здесь все считают, что остров должен находиться вдали от вероломного мира, поэтому это безопасное место становится слишком опасным для нас. Мы уплываем на лодке, которую построила Б., назвав ее моим именем. Я убита горем, но я и прежде бывала убита горем, и, возможно, отъезд —

лучшее, на что я могу рассчитывать. Нам не удастся раз и навсегда защитить наших детей ни здесь, ни где бы то ни было, поэтому для нас и для будущего ребенка будет лучше погрузиться в большой мир. Кстати, если родится девочка, мы назовем ее Вайолет, а если мальчик — то Лемони.

Бодлеровские сироты читали эту запись как-то вечером после ужина, состоявшего из салата из водорослей, пирожков с крабами и жареной козлятины, и, когда Вайолет кончила читать, все трое Бодлеров засмеялись. И даже малютка, сидевшая у Солнышка на коленях, весело взвизгнула.

Лемони? — повторила Вайолет. — Я могла оказаться Аемони? Откуда они взяли такое имя?

— Очевидно, от кого-то умершего, — предположил Клаус. — Вспомни о семейном обычае.

— Лемони Бодлер. — Солнышко попробовала, как это звучит на вкус, и малютка опять засмеялась. Ей уже почти исполнился год, и она была очень похожа на свою маму.

— Они нам ничего не рассказывали про Лемони.— Вайолет пропустила волосы между пальцами. Весь день она ремонтировала фильтрационную систему и ужасно устала.

Клаус налил сестрам кокосового молока, которое дети пили *свежим.*

— Они много чего нам не рассказывали, — проговорил он. — Например, что, по-вашему, значит «уже бывала убита горем»?

— Ты сам знаешь, что значит «убитый горем»,— возразила Солнышко и кивнула, когда малютка пробормотала «Абеляр»[1]. Младшая Бодлер лучше других расшифровывала ее своеобразную манеру речи.

— Я думаю, это значит, что нам пора покинуть остров, — сказала Вайолет.

— Покинуть остров? — удивился Клаус. — И куда же мы отправимся?

— Куда угодно, — ответила Вайолет. — Мы не можем оставаться тут вечно. Неправильно жить так далеко от большого мира.

[1] **Пьер Абеляр (1079—1142) — французский философ, теолог и поэт с трагической судьбой.**

— А как же вероломство? — поинтересовалась Солнышко.

— Конечно, вероломством мы уже сыты по горло, — ответил Клаус, — но жизнь важнее, чем безопасность.

— Наши родители покинули остров, — продолжала Вайолет. — Может быть, мы должны уважать их желания.

— Чекрио, — пролепетала малютка. И Бодлеры задумались о ее судьбе.

Дочка Кит росла очень быстро, она жадно обследовала остров при каждой возможности. Всем троим Бодлерам приходилось не спускать с нее глаз, особенно в чащобе, где все еще продолжали громоздиться в беспорядке кучи предметов даже после года усердной каталогизации. В этом громадном хранилище многое, разумеется, представляло опасность для младенцев, но малютка ни разу серьезно не пострадала. Она уже знала про опасности, слушая перечисления людских преступлений, безумств и несчастий, про которые Бодлеры каждый день читали вслух, хотя и не рассказывали ребенку всей истории.

Она не знала всех бодлеровских тайн, а некоторые из них ей вообще не суждено было узнать никогда.

— Мы не можем вечно оберегать ее, — сказал Клаус. — Все равно какое-нибудь вероломство рано или поздно да прибьет к этим берегам.

— Удивляюсь, что этого до сих пор не произошло, — заметила Вайолет. — Штормами выбросило на берег уже множество предметов, но ни одного потерпевшего крушение мы не видели.

— Если уплывем, то что найдем? — осведомилась Солнышко.

Бодлеры погрузились в молчание. Оттого что за целый год на остров не выбросило ни одного потерпевшего, дети не получали почти никакой информации о том, что творилось в мире, если не считать газетных

обрывков, уцелевших после одного грандиозного шторма. Судя по некоторым статьям, в мире все еще орудовали негодяи, хотя небольшое количество волонтеров уцелело после тех самых бед, которые привели детей на остров. Статьи, правда, были из «Дейли пунктилио», поэтому дети не могли быть уверены в надежности сведений. Насколько Бодлерам стало известно, островитяне распространили медузообразный мицелий, и теперь, возможно, весь мир был уже заражен. Это, однако, казалось маловероятным, ибо, несмотря на чудовищную угрозу, все-таки непохоже было, чтобы мир полностью погиб. Бодлеры размышляли также о всех тех, кого надеялись еще увидеть, хотя и это,

как ни печально, было маловероятно, но не так уж невозможно.

— Мы этого не узнаем, пока куда-нибудь не попадем, — заключила Вайолет.

— Ладно, если мы покидаем остров, на-

до поторапливаться, — напомнил Клаус. Он встал и подошел к верстаку, где лежал изготовленный им календарь, который сам Клаус считал довольно точным. — Скоро прибрежную отмель затопит полностью.

— Нам ведь много не надо, — сказала Солнышко. — У нас порядочно полуфабрикатов.

— А я составила порядочный список навигационных приборов, — сказала Вайолет.

— У меня есть несколько хороших карт, — добавил Клаус, — но нужно оставить место и для кое-каких приоритетных вещей. Тут я нашел несколько романов П. Г. Вудхауза и как раз собирался их почитать.

— Чертежи, — задумчиво произнесла Вайолет.

— Мутовка. — Солнышко поглядела на предмет, который когда-то передала ей тайком Пятница и который оказался очень полезной кухонной принадлежностью даже после того, как малютка подросла и не нуждалась в измельченной пище.

— Пирог! — выкрикнула малютка, и ее опекуны рассмеялись.

— А это мы с собой возьмем? — Вайолет приподняла книгу, которую только что читала вслух.

— Не думаю, — отозвался Клаус.— Может, тут появится еще кто-то уцелевший и он продолжит писать историю острова.

— В любом случае им будет что читать, — заметила Солнышко.

— Одним словом, мы действительно уплываем, — проговорила Вайолет.

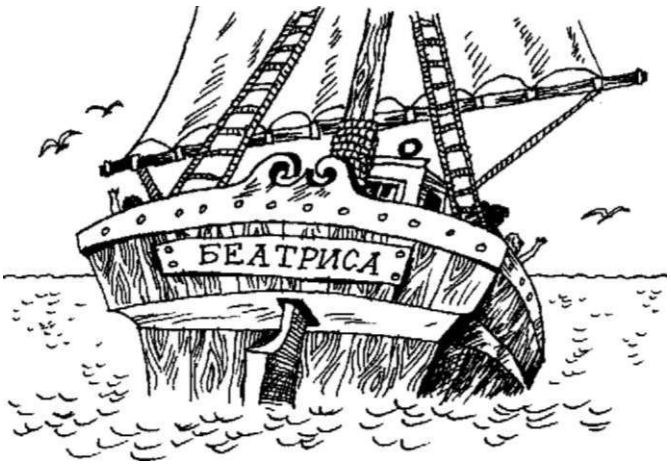
И так оно и было. Хорошенько выспавшись, Бодлеры с утра начали готовиться к путешествию, но у них и впрямь груза было не слишком много. Солнышко сумела упаковать достаточно еды, которая годилась для путешествия, и даже умудрилась потихоньку прихватить немножко изысков, таких, как икра, добытая ею из местной рыбы, и горьковатый, но все равно вкусный яблочный пирог. Клаус свернул в аккуратный рулон несколько карт и добавил ряд полезных и занимательных книг

из обширной библиотеки. Вайолет присоединила к этому кое-какие чертежи и инструменты, а потом среди обломков кораблекрушений, хранившихся в чащобе, выбрала судно. Старшая Бодлер с удивлением обнаружила, что самой подходящей для предстоящего плавания оказалась та лодка, на которой они приплыли на остров. Но после того, как Вайолет закончила ремонтировать ее и готовить к путешествию, она перестала удивляться. Она починила корпус, прикрепила новые паруса к мачте, а под конец, взглянув на табличку с названием «Граф Олаф», нахмурилась и, сорвав скотч, сняла ее. В свое время дети успели заметить, что под этой табличкой находится другая, и теперь, прочтя, что там написано, Вайолет позвала брата, сестру и приемную дочь, чтобы они тоже прочли надпись. Таким образом они получили ответ на еще один вопрос относительно своей жизни, но зато при этом родилась новая тайна.

Наконец наступил день отплытия, вода на прибрежной отмели начала прибывать,

Бодлеры перетащили лодку (или, как, возможно, выразился бы Дядя Монти, вапоретто) на берег и начали грузить в нее припасы. Вайолет, Клаус и Солнышко окинули взглядом белые пески, где уже проросли посаженные ими яблони. Почти все свое время дети проводили в чащобе, поэтому дальней им казалась эта сторона острова, где прежде находилась колония, а не та, где когда-то жили их родители.

— Готовы ли мы погрузиться в большой мир? — задала вопрос Вайолет.



— По-моему, главное — не погрузиться в глубину моря. — Клаус улыбнулся.

— По-моему, тоже. — Солнышко улыбнулась брату.

— А где же малютка? — спохватилась Вайолет. — Я хочу заранее примерить спасательные круги, которые я сделала.

— Она хотела попрощаться со своей мамой, — ответила Солнышко, — она скоро придет.

И действительно, Бодлеры тут же увидели крошечную фигурку, которая ползла по склону в их сторону, к лодке. Дети следили, как она приближается, и размышляли, какой же будет следующая глава в истории ее жизни. И на этот вопрос ответить не так уж легко. Одни говорят, что Бодлеры опять присоединились к Г. П. В. и до сего дня выполняют задания, требующие мужества, хотя, быть может, и под другими именами, чтобы не быть схваченными. Другие же говорят, будто они погибли в морской пучине, хотя слухи о чьей-либо смерти рождаются с большой легкостью и часто оказываются ложными. Как бы там ни

было, мое повествование окончено, и мы действительно добрались до последней главы бодлеровской истории, даже если сами Бодлеры еще не добрались. Трое детей вошли в лодку и ждали, пока малютка доползет до кромки воды, а потом с трудом поднимется на ножки, схватившись за корму. Прибрежную отмель вот-вот должно было полностью затопить, а Бодлеры пустятся в плавание, погрузятся в большой мир, оставив позади эту историю навсегда, и даже малютка, которая сейчас держалась за корму лодки и чья история только-только начиналась, скоро должна будет исчезнуть из этой хроники, после того как произнесет несколько слов.

— Ва! — крикнула она, по-своему приветствуя Вайолет. — Кла! Сол!

— Мы бы не уплыли без тебя, — сказала, улыбаясь девочке, Вайолет.

— Залезай в лодку, — сказал Клаус, обращаясь к ней как к большой.

— Крошечка ты моя, — сказала Солнышко, которая сама придумала это ласкательное обращение.

глава четырнадцатая

Малютка чуть помедлила, вглядываясь в корму, где была прикреплена табличка с именем. Она, конечно, не могла знать, что табличку эту прикрепил человек, стоявший на том месте, где сейчас стояла девочка, — так, во всяком случае, показывает мое расследование. На этом самом месте когда-то свершалась чужая история, а теперь начиналась ее собственная. Однако она не думала ни об истории из прошлого, ни о своей собственной, которая простиралась в будущее, словно открытое море. Она вглядывалась в табличку, сосредоточенно наморщив лоб. И наконец произнесла слово, услышав которое Бодлеры не поверили своим ушам. Они не могли сказать наверняка, прочла ли она это слово вслух или просто произнесла свое имя, да они никогда этого и не узнали. Быть может, произнесенное ею слово было ее первой тайной и та соединилась с тайнами, которые Бодлеры скрывали от нее, и со всеми прочими тайнами, пронизывающими мир. Быть может, лучше и не знать в точности, что стояло за этим словом: некоторым вещам

лучше оставаться в Великом Неизвестном,
как некоторым словам, разумеется, лучше
оставаться непроизнесенными. Однако это,
полагаю, не относится к слову, произне-
сенному моей племянницей, — слову,
которое здесь означает,
что история окончена:
БЕАТРИС

Дорогой читатель!

Вы скорее всего смотрите сейчас на последнюю страницу книги, то есть на конец «Конца». Конец «Конца» — лучшее место, с которого надо начать «Конец», поскольку если вы станете читать «Конец» с начала «Конца» и до конца «Конца», то вашему терпению придет конец.

Эта книга является последней в серии «Тридцать три несчастья», и, даже если вы одолели предыдущие двенадцать книг, вы, возможно, не сумеете перенести такие неприятности, как устрашающий шторм, сомнительный напиток, стадо диких коз, огромная птичья клетка и неотступная тайна, касающаяся родителей Бодлеров.

Все это время моим главным и серьезным занятием было написание полной истории бодлеровских сирот, и наконец я ее закончил. У вас, вероятно, имеется какое-то другое занятие, поэтому на вашем месте я бы немедленно бросил эту книгу, чтобы «Конец» вас не прикончил.

Со всем возможным почтением
Лемони Сникет

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЕЦ

глава
ПЕРВАЯ
7

глава
ВТОРАЯ
35

глава
ТРЕТЬЯ
60

глава
ЧЕТВЕРТАЯ
88

глава
ПЯТАЯ
118

глава
ШЕСТАЯ
145

глава
СЕДЬМАЯ
178

ВОСЬМАЯ
198

глава
ДЕВЯТАЯ
226

глава
ДЕСЯТАЯ
251

глава
ОДИННАДЦАТАЯ
276

глава
ДВЕНАДЦАТАЯ
305

глава
ТРИНАДЦАТАЯ
332

моему любезному издателю
385

КНИГА ПОСЛЕДНЯЯ

глава
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

дорогой читатель!
407

Некоторые сведения об авторе

Лемони Сникет родился раньше вас и, судя по всему, умрет также раньше вас. Его семейные корни уходят в те земли, которые сегодня находятся под водой, а свое детство он провел в относительном великолепии Виллы Сникет, которая с тех пор побывала фабрикой, крепостью, аптекой, а сегодня, увы, опять стала чьей-то виллой. Невооруженному глазу родной город мистера Сникета показался бы лишенным всяческих тайн. Что ж, невооруженным глазам и раньше случалось ошибаться.

Нам почти ничего не известно о том скандале, в результате которого по ложному навету мистер Сникет был лишен таких наград, как «Почетное упоминание», «Мрачная Лента» и «Первый Прибежавший», а позже заключен в тюрьму.

Хотя формально мистер Сникет специализируется на риторическом анализе, последние несколько эпох он посвятил изучению череды несчастий, выпавших на долю сирот Бодлер. Опубликовать этот труд на русском языке в виде серии романов решилось издательство «Азбука».

Поскольку в силу некоторых, не до конца изученных обстоятельств мистера Сникета окружает мрачная завеса тайны — с широкой публикой он общается с помощью своего официально неофициального представителя по имени Дэниел Хэндлер.

Мистер Хэндлер, родившийся в Сан-Франциско, ведет скучную и размеренную жизнь и является автором двух книг для взрослых, ни одну из которых невозможно и рядом поставить с ужасающе опасными произведениями мистера Сникета.

Оба эти господина не желают уважаемым читателям ничего иного, кроме всего наилучшего.

Сникет Л.

С 53 Конец: Повесть / Пер. с англ. Н.Рахмановой. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007.— 416 е.: ил.— (33 несчастья).

ISBN 978-5-91181-623-0

Подобно скрипичному концерту, Римской империи и пищевому отравлению всё рано или поздно приходит к логическому концу. Вот и большое приключение Бодлеров близко к своему завершению.

Сирот едва не загрызли львы на Кровожадном Карнавале, они чуть не погибли в Змеином Зале, кое-как отбились от пиявок озера Лакримозе, с трудом уцелели в Мертвых Горах, еле-еле спаслись из Угрюмого Грота, насилу вырвались из горящего отеля «Развязка»...

Что будет с ними теперь? Нет, мы не станем говорить заранее, счастливый у книги конец или не очень. Ведь каждый читатель ждет своего заветного финала, а на всех, как известно, не угодишь. Остается надеяться, что у Бодлеров все будет хорошо, ведь они такие славные ребята!

Серия «33 несчастья»
Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

ЛЕМОНИ СНИКЕТ

КОНЕЦ

Ответственный редактор Евгения Тихонова
Редактор Ольга Миклухо-Маклай
Художественный редактор Дмитрий Тимохин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Нина Тюрина, Наталья Хуторная
Верстка Алексея Положенцева

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 01.10.2007.
Формат издания 76x108 Уз2. Печать офсетная. Гарнитура «Mysl».
Тираж 10000 экз. Усл. печ. л. 19,76. Изд. № 623. Заказ № 4695

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.005233.06.06 от 20.06.2006 г.

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CTP
в ОАО «Печатный двор» им. А.М.Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Джуджа Висландер
Томас Висландер
Свен Нордквист
«Мама Му на дереве»

Цветное иллюстрированное издание

Уже тридцать лет вся Швеция читает книжки о приключениях Мамы Му и ее друга Ворона и любуется замечательными рисунками Свена Нордквиста - любимого художника Астрид Линдгрен. Где это видано, чтобы корова лезла на дерево? Но Мама Му хочет испытать все на свете. А если что-нибудь не ладится, можно позвать на помощь Ворона. Он ворчит, он бурчит, он покрикивает на Маму Му, но никогда не оросит ее. Недаром в его домике на верхушке дерева хранится кое-что секретное...

Также в цикле произведений о Маме Му вышли следующие книги:

Мама Му на качелях

Мама Му и Ворон

Мама Му на горке

Ифюруищю о пробзртгалм книг издательстт «Азбука» по почте или через Итгериет члайгге на сшлг www.azbocka.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Иан Уайброу
Веселые приключения Малютки-Волка!

Книги с цветными иллюстрациями известного графика и карикатуриста Николая Воронцова.

Родители недовольны своим сыном Малюткой Волком: он ведет себя чересчур хорошо. Посудите сами - разве из волчонка, который чистит зубы перед сном и добр к младшему братишке, может вырасти достойный уважения злобный зверюга? Отец Малютки Волка принимает решение отправить непутевого сына в Колледж Хитрюг для Настоящих Злюк, чтобы там его научили уму-разуму. Что-то ждет бедняжку Малютку Волка в Страшном лесу? Сможет ли он усвоить уроки Дядюшки Великого Злюки? Получит ли вожделенную Злую медаль?

В серии вышли:

Книга Безобразий Малютки Волка

Малютка Волк. Школа привидений

Малютка Волк — лесной сыщик

ИфЮЕмтащю о щмбртгаим книг издательстю Азбука»
по почте или через Иагериет чагейаге на сшате www.azbooka.ru

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Торговый Дом

«Азбука»

Санкт-Петербург:

ул. Решетникова, 15

Почта: 196105, Россия, Санкт-Петербург, а/я 192

Тел.: (812) 327-04-56, факс: (812) 321-66-60

E-mail: office@azbooka.spb.ru

Москва:

Старопетровский проезд, д. 7а, стр. 19

Почта: 125130, Россия, Москва, а/я 91,

тел./факс (495) 627-57-28

info@azbooka-m.ru

Информация о новинках и планах,

а также условия сотрудничества

на сайте

www.azbooka.ru

Подобно скрипичному концерту, Римской империи и пищевому отравлению всё рано или поздно приходит к логическому концу. Вот и большое приключение Бодлеров близко к своему завершению. Сирот едва не загрызли львы на Кровожадном Карнавале, они чуть не погибли в Змеином Зале, кое-как отбились от пиявок озера Лакримозе, с трудом уцелели в Мертвых Горах, еле-еле спаслись из Угрюмого Грота, насилу вырвались из горящего отеля «Развязка»... Что будет с ними теперь? Нет, мы не станем говорить заранее, счастливый у книги конец или не очень. Ведь каждый читатель ждет своего финала. Остается надеяться, что у Бодлеров всё будет хорошо, ведь они такие славные ребята!

«33 несчастья» — один из главных международных детских бестселлеров последнего времени. В мире продано уже более 20 миллионов экземпляров этих увлекательных книг. Вышедший в декабре 2004 года фильм-экранизация с Джимом Керри в роли Графа Олафа собрал в прокате более 200 миллионов долларов.

ISBN 978-5-91181-623-0

www.lemonysnicket.ru